ISSN 2587-7844

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева

2025. № 3 (32)

Научное периодическое электронное сетевое издание

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
SIBERIAN PHILOLOGICAL FORUM

Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev **2025. № 3 (32)**

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одномоментно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований

Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.
Россия, 660049, Красноярск,
ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

С 1 марта 2021 г. журнал включен ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Журнал размещен на платформе публикаций SciUp

Редакционная коллегия (editorial board)

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор,
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State pedagogical University
named after V.P. Astafyev (Editor-in-Chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор,
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-Chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор,
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Войводич Ясмина, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреба (Хорватия)
Voyvodich Y., DSc (Philology), Professor, University of Zagreb (Croatia)

Гиздатов Газинур Габдуллавич, доктор филологических наук, профессор, Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана (Алматы)
Gizdatov G.G., DSc (Philology), Professor, Abylai Khan Kazakh University of International Relations
and World Languages (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Демидов Д.Г., доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
Demidov D.G., DSc (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Доценко Е.Г., доктор филологических наук, профессор,
Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)
Dotsenko E.G., DSc (Philology), Professor, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia)

Казыдуб Н.Н., доктор филологических наук, профессор,
Сибирский федеральный университет (Красноярск)
Kazydub N.N., DSc (Philology), Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

Козлов А.Е., кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет; научный сотрудник СО РАН (Новосибирск)
Kozlov A.E., PhD (Philology), Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia); Researcher, Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia)

Ларина М.В., кандидат филологических наук, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург)
Larina M.V., PhD (Philology), Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy (Saint Petersburg, Russia)

Нургали Кадиша Рустембеккызы, доктор филологических наук, профессор,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан)
Nurgali K.R., DSc (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Philology, L.N. Gumilev
Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор,
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Пикколо Лаура, профессор, Университет Рома Тре (Италия)
Piccolo L., Professor, Roma Tre University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., DSc (Philology), Chief Researcher, Institute of Philology, SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Сейбель Н.Э., доктор филологических наук, профессор,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск)
Seibel N.E., DSc (Philology), Professor,
South Ural State University of Humanities and Education (Chelyabinsk, Russia)

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент,
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., PhD (Philology), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., DSc (Philology), Professor, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Черняк М.А., доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Chernyak M.A., DSc (Philology), Professor, Department of Russian Literature,
A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia)

Чугунекова А.Н., доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии,
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан)
Chugunekova A.N., DSc (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Humanitarian
Studies and Sayano-Altai Turkology, N.F. Katanov Khakass State University (Abakan, Russia).

Шалимова Н.С., доктор филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет
Shalimova N.S., DSc (Philology), Associate Professor, Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russia)

Шмелева Т.В., доктор филологических наук, профессор,
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., DSc (Philology), Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ
TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Актуальные проблемы изучения русского языка

А.Д. Васильев
ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ РЕЧИ
И АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
A.D. Vasiliev
QUESTIONS OF RUSSIAN SPEECH CULTURE
AND ASPECTS OF RUSSIAN LANGUAGE POLICY
[4]

В.И. Беликова, Т.М. Софронова
ПОДХОДЫ К ТИФЛОКОММЕНТИРОВАНИЮ
КАК ВИДУ МЕЖСЕМИОТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА
V.I. Belikova, T.M. Sofronova
APPROACHES TO AUDIO DESCRIPTION
AS A FORM OF INTERSEMIOTIC TRANSLATION
[14]

Д.Г. Демидов, Парвизи Могаддам Элхам
ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ
ПОД УГЛОМ ЗРЕНИЯ РУССКОГО РЕАЛИЗМА
И РУССКО-ПЕРСИДСКИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ
В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ И ФИНАНСОВ
D.G. Demidov, Parvizi Moghaddam Elham
TERM FORMATION FROM THE POINT
OF VIEW OF RUSSIAN REALISM
AND RUSSIAN-PERSIAN COMPARISONS
IN THE SPHERE OF TRADE AND FINANCE
[30]

Т.В. Тарасенко Е.В. Осетрова
СИБИРСКИЙ ГОРОД XIX в. И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
В ЗАПИСКАХ ШВЕЙЦАРСКОЙ ПОДДАННОЙ О. РИТТЕНЕР
T.V. Tarasenko, E.V. Osetrova
SIBERIAN CITY OF 19TH CENTURY
AND ITS REPRESENTATION
IN THE NOTES OF A SWISS CITIZEN O. RITTENER
[50]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Актуальные проблемы литературоведения

О.Н. Турышева
КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ «ГАМЛЕТА»
КАК ОСНОВАНИЕ ЕГО ГЕРМЕНЕВТИКИ
O.N. Turysheva
THE CONFLICT OF INTERPRETATIONS OF HAMLET
AS A BASIS FOR ITS HERMENEUTICS
[65]

СЛОВО МОЛОДЫМ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ

Д.О. Виноградов
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЛЕКСЕМЫ МОЛОДОЙ
D.O. Vinogradov
LEXICAL-SEMANTIC FIELD OF THE LEXEME YOUNG
[75]

Ду Цзяи
ЖАНРОВЫЙ РЕПЕРТУАР
ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В.А. ЖУКОВСКОГО:
ДОМИНАНТЫ, ДИНАМИКА,
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ
Du Jiayi
GENRE REPERTOIRE
OF LITERARY CRITICISM BY V.A. ZHUKOVSKY:
DOMINANTS, DYNAMICS, HISTORICAL
AND CULTURAL CONTEXT
[84]

А.М. Лисман
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ О ЕРМАКЕ
И МАССОВАЯ СЛОВЕСНОСТЬ XIX – НАЧАЛА XX в.:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ТИПОЛОГИЯ
A.M. Lisman
HISTORICAL SONGS ABOUT ERMAK
AND MASS LITERATURE OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY:
CONTINUITY AND TYPOLOGY
[96]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ
[109]

УДК 81-114

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ РЕЧИ И АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Культурно-речевая ситуация выступает важнейшим показателем духовного здоровья общества и его приоритетных интересов. Состояние культуры речи этносоциума должно быть объектом пристального и доброжелательного внимания государства. Такое отношение власти особенно востребовано, когда дело касается напрямую уровня общения на языке, который конституционно признан государственным и при этом является родным для большинства населения страны. Оно имеет также конституционно установленный статус государствообразующего народа.

Цель статьи – анализ влияния заимствований на русскую ментальность и попытки на законодательном уровне контролировать ситуацию.

Методы исследования: когнитивный, дискурсивный, метод критического анализа документов.

Результаты исследования. С помощью языка, прежде всего его словарного состава, строится языковая картина мира и происходит передача основополагающих ментальных черт от поколения к поколению. Тем самым осуществляется трансляция известных традиционных духовно-нравственных ценностей, их воспитание в подрастающем поколении, закрепление достижений национальной культуры.

Однако сегодня состояние культуры общения на русском языке в России вызывает весьма тревожные опасения. Примерно за истекшие три последних десятилетия произошло массированное вторжение неоправданных лексических заимствований, заметно искажающих языковую картину мира, привычную для коренных носителей русского языка, и заместивших исконные обозначения концептуально важных понятий.

Выводы. Государство время от времени уделяет некоторое внимание вопросам речевой культуры граждан. Но реакции на проблемы использования русского языка лишь изредка получают юридическое выражение в малоизвестных документах, которые, как правило, паллиативны.

Ключевые слова: *русский язык, национальная ментальность, языковая картина мира, культура речи, заимствования, англицизмы, языковая политика государства, воспитание молодежи.*

Постановка проблемы. Национальный язык пронизывает и обеспечивает жизнь этносоциума во всех многообразных видах его деятельности. Фактор общего языка является одним из главных, связывающих воедино население разных территорий страны. Обильная информация, сохраняемая и транслируемая с помощью языка его носителями, поддерживает важнейшее ощущение общности между обитателями даже значительно удаленных друг от друга местностей и представителями разных поколений, не только сосуществующих

в одно и то же время, но и разделенных естественным ходом истории. Язык, выступая как средство созидания культуры, является при этом и совершенно неотъемлемой ее частью. Таким образом, национальный язык фактически выполняет функцию фундаментальной *духовной скрепы*, важность которой для этноса невозможно переоценить.

Для поддержания успешного речевого общения необходима официальная и четкая языковая политика, гармонирующая с другими реализациями политической воли государства, – особенно если оно постоянно декларирует свою суверенность.

Обзор научной литературы. Само понятие «языковая политика» трактуется иногда по-разному. Ср.: «*языковая политика* – совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [Дешериев, 1990, с. 616] – и: «*языковая политика* представляет собой сознательное воздействие государства на функционирование языка в обществе, находящемся в пределах той или иной государственной или административной территории» [Герд, 1995, с. 6].

Языковая политика ведется всегда и везде, и «даже если ее нет в целенаправленном виде, стихийно она как-то проводится» [Алпатов, 2003, с. 26]. Иначе говоря, для операций в сфере регламентации речевого общения вовсе не обязательно наличие нормоустанавливающих документов[1].

Кроме того, эта политика неизменно основывается на неких идеологических принципах, пусть и «не обязательно осознанно» [Алпатов, 2003, с. 20], в том числе и тогда, когда «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (Конституция РФ) – ср., однако, эрзац-заменитель идеологии в виде пакета *традиционных духовно-нравственных ценностей*.

Между тем любому квалифицированному лингвисту хорошо известно: «Всякий язык выполняет ту или иную идеологическую функцию» [Герд, 2009, с. 6]; слово каждого национального языка идеологично – такова природа лексического значения.

Наряду с этим идеология пропитывает, по существу, все сферы бытования человека и общества. Она совсем не обязательно должна формализоваться в лозунгах, декретах и т.п. Ведь «идеология <…> сказывается во всем. И ее нельзя уловить ни в чем» [Зиновьев, 1990, 1, с. 226].

Среди функций языка чрезвычайно редко называют функцию обеспечения и сохранения национальных (этнических, этносоциальных) ментальных кодов. «*Ментальность* – это миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов, 2004, с. 15]. Язык, прежде всего его словарный состав, консервирует с предполагаемой реализацией в настоящий момент или в перспективе некие долговременно устойчивые этноментальные черты носителей данного

[1] См. примеры двуязычия: Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций: в 2 т. Красноярск, 2020. Т. 1. С. 146–150.

языка и служит регулятором их поведения. Именно лексика фиксирует участки аксиологической шкалы – от абсолютно ‘хорошего’ до безусловно ‘плохого’, разграничивая ‘свое’ и ‘чужое’. Именно лексика формирует языковую картину мира: выраженную словами совокупность знаний, приобретенных человеком в процессе освоения окружающего мира, – и, конечно, понимания самого себя.

Если же заполонить повседневную речь чужеязычными заимствованиями (синхронно – и элементами чуждой культуры), то национальная картина мира неизбежно трансформируется, и чем большее количество заимствованных слов находится в активном обороте, тем радикальнее перекраивается мировидение по иноземным лекалам. Это происходит совсем не в интересах большинства коренного населения (ср. истории колоний, в которых насаждались языки метрополий). А «момент заимствования вполне определенно оказывается моментом утраты национального концепта, причем обедняется русская ментальность и оскопляется ментальный ряд» [Колесов, 2004, с. 122].

Результаты исследования. Бурный и мутный приток англицизмов в русскую лексику, сопровождавшийся псевдонаучными измышлениями о высочайших достоинствах английского языка и, соответственно, глубокой ущербности русского, широко тиражировался российскими СМИ[2].

Конечно, эти пропагандистские процессы не были случайными: ведь «всегда есть какие-то словесно выраженные ведущие идеи “властителей дум” данной эпохи» [Бахтин, 1986, с. 283]. Таковыми оказались, по крайней мере, два известных речения. Первое – пафосный призыв первого российского президента, произнесенный в американском конгрессе: «God, bless America!» (17.06.1992); второе принадлежит его преемнику, несколько запоздало признавшему наконец публично: «Мы считали, что мы свои, “буржуинские”»[3]. Таким образом были выражены светлые чаяния российско-компрадорской «элиты».

Начался многолетний период подобострастия перед Западом: эпоха противостояния якобы закончилась, вспыхнула демонстративная дружба, российские энергоносители благосклонно принимались странами НАТО и т.п.[4] В свою очередь, языковая картина мира обитателей России, особенно их молодого

[2] См.: Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003. С. 103–116; Васильев А.Д. Лингвокультурные процессы и возможности их прогнозирования. М., 2017. С. 57–64; Васильев А.Д. Терминологические аспекты современной российской языковой политики // Сибирский филологический форум. 2021. № 2. С. 37–46; Васильев А.Д. Нескромное обаяние англицизмов: магнетизм темных слов // Сибирский филологический форум. 2022. № 1(18). С 40–50.

[3] Путин. 13.06.2023. tass.ru

[4] С историко-культурной точки зрения подобное далеко не ново: ср. дворянскую галломанию XVIII–XIX вв. [Васильев, 2017], позднéе – «…Чтó у нас об одной Америке рассказывают, так это – страсть, и государственные даже люди!» (Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 10 т. М., 1957. Т. 8. С. 228); теперь: «Второй Любимый Помощник [российского президента] долго говорил о многовековой любви России к Франции и даже умудрился представить войну 1812 года чем-то наподобие совместных натовских учений» (Поляков Ю.М. Небо падших. М., 2009. С 128).

поколения, была решительно изменена с помощью массированного внедрения в речевую практику англоязычной лексики.

Процессы заимствования с точки зрения лингвистической науки вполне объективны. Как правило, они имеют социальную базу[5], в которой находят своих инициаторов и трансляторов. Современные явления в этой сфере отличаются определенным своеобразием: их насаждение с самого начала российских великих реформ было пропагандистски обусловлено, по крайней мере, двумя причинами, впрочем, взаимосвязанными.

Во-первых, заимствования не обладают внутренней формой[6], внятной носителям автохтонного языка: их присутствие разрушает семантическую непрерывность словаря (Ю.Н. Караулов), то есть автоматически лишает языковую картину мира ее цельности и непротиворечивости (пусть даже относительной) и делает ее дискретной. Вследствие этого атомизируется этносоциум.

Во-вторых, обработка массового сознания заведомо непонятными словами («бомбардировка, подобная метеоритному дождю» [Лотман, 1996, с. 22]) делает общество податливым и/или безучастным к обозначаемым ими нововведениям, вряд ли для него благотворным [Ильс, Янченко, 2007].

Политические катаклизмы нередко получают выражение и в межъязыковых контактах/конфликтах. Так, свифтовские лилипуты-триумфаторы принуждают побежденных ими блефусканцев вести переговоры о капитуляции на лилипутском языке. Известно: «принять язык противника – значит незаметно для себя стать его пленником» [Кара-Мурза, 2002, с. 425]. – «…Заставить информационную систему [то есть человека или социум] “с м о т р е т ь н а м и р чужими глазами”, глазами той информационной системы, на которую данная система должна стать похожей, то есть г л а з а м и э т а л о н а » [Расторгуев, 2003, с. 136] – это и есть важнейший результат информационно-психологической войны.

Многочисленные общеизвестные факты сегодняшней российской речевой коммуникации дают основания утверждать, что вследствие чрезмерного насыщения англоязычными лексическими элементами возникает некое подобие псевдорусской смеси – новоявленного пиджина (см. [Бондалетов, 1987, с. 58]).

Массированные атаки именно на русский язык объясняются тем, что он является языком государствообразующего народа. Справедливы суждения: «Язык – единственная сила, которая еще осталась у нас как возможность развития культуры» [Колесов, 1999, с. 226] – и: «Язык снова выступает как знак, как символ[7] и знамя борьбы за спасение своего народа» [Герд, 2009, с. 2].

[5] См.: Васильев А.Д. Лингвокультурные процессы и возможности их прогнозирования. М., 2017. С. 76–107; Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций: в 2 т. Красноярск, 2020. Т. 1. С. 97, 141 и др.

[6] «*Внутренняя форма* слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль <…>. Внутренняя форма – ближайшее этимологическое значение слова» [Потебня, 1976, с. 115, 175].

[7] Кстати: ст. 68 Конституции РФ о русском как государственном языке предшествует статьям о флаге, гимне и гербе страны. Таким образом, русский язык фактически признается главенствующим символом государства.

Но язык – еще и средство передачи от поколения к поколению его коренных носителей своеобразно сакральных знаний: словесных обозначений национально-ментальных концептов, то есть той суммы информации, которая и определяет национальную самобытность и естественные достоинства собственно *народа* (а не *населения*). Язык является и орудием воспитания: «практически все же удается желанные [при воспитании] идеалы более или менее точно охватить языковыми выражениями» [Комлев, 2003, с. 174]. Ведь «основной принцип воспитания – это формирование творчески ориентированного гражданина своего Отечества» [Колесов, 1999, с. 138]; то есть подготовка полноценного т в о р ц а-с о з и д а т е л я , а вовсе не «квалифицированного потребителя» (А. Фурсенко). Понятно, что макароническая речь отнюдь не помогает становлению патриотизма, который вдруг оказался чрезвычайно востребованным государством после февраля 2022 г.[8]

Однако насколько возможно еще исправить российскую речекоммуникативную ситуацию хотя бы в отношении словоупотребления, сказать довольно затруднительно. Результаты недавних исследований говорят о том, что в речи групповой языковой личности студенчества «новейшая ксенолексика, представленная англо-американской составляющей, весьма значительна. Речь представленной социальной группы состоит из комбинации русских и англо-американских слов и выражений. Эти явления свидетельствуют: 1) о космополитичности студенчества <…>, ориентации на западноевропейскую культуру; 2) о приоритете владения английским языком по отношению к другим языкам»[9], – отмечает исследователь Л.С. Савилова[10].

Конечно, было бы несправедливо утверждать, что всевидящее государство совсем не обращает внимание на речевое поведение своих подданных. После 1991 г. был принят ряд законов о языке[11]. Был учрежден Совет по русскому языку, правда, ставший известным лишь по телетрансляции одного из его заседаний [Васильев, 2021]. Затем по непонятным публике причинам вместо него возник другой орган.

Название новоучрежденного Совета по реализации госполитики в сфере поддержки русского языка **и** языков народов России семантически предельно прозрачно: союз **и** указывает, что русский более **не** является одним из языков Российской Федерации[12]. Весьма пестрый, как и его предшественника, персональный состав

[8] Столь же недвусмысленно и название научной специальности «Русский язык. Языки народов России» – и здесь русский решительно противопоставлен всем остальным языкам, функционирующим на территории Российской Федерации. По каким-то причинам фактически нарушена ст. 68 Конституции РФ, но этого никто не заметил.

[9] Получается, что и к русскому – тоже.

[10] Савилова С.Л. Новейшая иноязычная лексика в русском студенческом социолекте XXI века: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2016.

[11] См. об этом: Васильев А.Д. Российская языковая политика 1991–2005 гг. Красноярск, 2008.

[12] Столь же недвусмысленно и название научной специальности «Русский язык. Языки народов России» – и здесь русский решительно противопоставлен всем остальным языкам, функционирующим на территории Российской Федерации. Фактически нарушена ст. 68 Конституции РФ.

этого органа, включающего в том числе широкий диапазон администраторов – от директоров музеев писателей до никому неведомых предводителей многодетных семей и выпускниц иняза[13] – и актеров под председательством театральной критикессы, готовит эпохальные лингвополитические свершения. В частности, предполагается сотворение Основ государственной языковой политики, внесение изменений в закон «О государственном языке Российской Федерации»[14].

Видимо, для придания усилиям совета дополнительной энергии в его заседании 5 июня 2025 г. принял участие президент, в частности, посетовавший на «кашу из латиницы и других символов» (газета.ru). Конечно, это совершенно верное замечание. Но что будет предпринято р е а л ь н о в целях исключения из языковой картины мира «уважаемых россиян» тех избыточных экзогенных элементов, которые у ж е успели в ней укрепиться, – пока совершенно непонятно.

Тем более что проблема не ограничивается лишь засильем псевдопрестижной латиницы. Чуть ли не любое массовое мероприятие в России именуется по-английски; почти всякое предприятие, заведомо не имеющее международных связей, называется по-английски либо с использованием англоязычных компонентов [Васильев, 2020, с. 171–179]; в широком речевом общении укоренились *бук-кроссинг*, *избинг* и *маминг*, а также *мастхэв* и *мастрид* и т.д. и т.п. Вероятно, президенту еще не раз придется участвовать в заседаниях совета по реализации его собственных предложений. Ведь сегодняшняя обыденная россиянская речь все более уподобляется описанной ранее речи русских американцев образца 1925 г., которые называли «трамвай – стриткарой, угол – корнером, квартал – блоком, квартиранта – бордером, билет – тикетом»[15].

Последним зримым свидетельством государственного интереса к проблемам языковой политики стало внесение изменений в некоторые акты РФ, утвержденные президентом 24.04.2025 (№ 168-ФЗ) и активно одобренные в СМИ. Но ничего направленного на какие-то радикальные изменения культурно-речевой ситуации здесь нет. Более того, пропагандистская невнятица рискует быть умноженной за счет фигурирующего в документе мифогена *общероссийская культурная идентичность*, семантически совершенно неопределенного, но, видимо, гармонирующего с запущенным ранее мифогеном *общероссийский патриотизм*[16].

---

[13] Привлечение специалистов по иностранным языкам к решению задач русистики стало своеобразной традицией. Между тем известно, что многие из них способны сводить «все земное мышление <…> к категориям и формам английского языка» [Колесов, 2004, с. 15].

[14] Впрочем, даже слова́ высшего должностного лица подвергаются в СМИ беззастенчивому политкорректному редактированию. Так, выступая на ПМЭФ 21.06.2025, В. Путин сказал: «Где ступает нога *русского* солдата, то наше». В интерпретации РИА Новости получилась квазицитата: «заявление Путина <…> про принадлежность земли, на которую ступила нога *российского* солдата». Напомним, что англ. Russian, по существу, синкретично: это и ‘русский’, и ‘российский’.

[15] Маяковский В.В. Мое открытие Америки // Избранное. А. Блок. С. Есенин. В. Маяковский. М., 1979. С. 646.

[16] URL: https://www.vesti.ru/article/2020943

Не очень понятно, как эти два политтехнологических изобретения будут сочетаться с фантомным *русским миром* [Васильев, 2024, с. 194–196]. Таким образом, пока что результатом усилий в рассматриваемой области становится наращиваемая эклектичность малоубедительной пропаганды.

Выводы. Некоторые особенности российской культурно-речевой ситуации позволяют говорить о том, что русский язык, перенасыщенный лексическими англицизмами, превращается в разновидность пиджина, языка-мутанта, гибридный артефакт. В языковом плане суверенитет РФ может быть взят под сомнение. Острота проблемы подчеркивается тем серьезным обстоятельством, что наплыв заимствованных слов ведет к деформации языковой картины мира в интересах зарубежных «партнеров»-распорядителей и утрате национальной ментальности, которой у «россиян», в отличие от собственно русских, нет и быть не может. В конечном счете это исчезновение государствообразующего народа: понятно, что́ в таком случае произойдет с самим государством (надо учитывать и демографические реалии – тоже следствие послесоветских социально-экономических преобразований). Спорадические попытки власти реагировать на очевидные тенденции и их промежуточные итоги воплощаются иногда в документах паллиативного характера, поэтому затруднительно считать российскую языковую политику осмысленной и благотворной для большинства населения.

P.S. Текст этой статьи был уже готов к публикации, когда появился указ № 474 «Об утверждении основ государственной языковой политики Российской Федерации». Конечно, документ заслуживает глубокого анализа. Выскажем здесь лишь наиболее общее впечатление от него. С одной стороны, в данном указе есть много логичных положений; с другой – имеются пункты, формулировки которых либо недостаточно продуманы, либо явно нуждаются в более тщательном и недвусмысленном словесном выражении.

Библиографический список

1. Алпатов В.М. Что такое языковая политика? // Мир русского слова. 2003. № 2. С. 20–26.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 250–296.
3. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М., 1987. 160 с.
4. Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций: в 2 т. Красноярск, 2020. Т. 1. 368 с.
5. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013. 660 с.
6. Васильев А.Д. Манипуляции словами: управление сознанием: учебное пособие. Красноярск, 2024. 256 с.
7. Васильев А.Д. Некоторые юрислингвистические аспекты Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово. Кемерово, 2011. С. 116–124.

8. Васильев А.Д. Освоение языка автохтонного и языка экзогенного: потребности естественные и искусственные // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2021. № 1 (55). С. 113–121.
9. Герд А.С. Язык как символ // ЯЛИК. 2009. Ноябрь. № 79. С. 1–2.
10. Герд А.С. Языковая политика // Возрождение культуры России: язык и этнос. СПб., 1995. Вып. 3. С. 6–19.
11. Дешериев Ю.Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 683 с.
12. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. Ч. 1. М.: Пик, 1990. 317 с.
13. Ильс К., Янченко В. В начале слово. СПб., 2007. 230 с.
14. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2002. 490 с.
15. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова…». СПб., 1999. 368 с.
16. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 240 с.
17. Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. 2-е изд. М., 2003. 216 с.
18. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. 464 с.
19. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35–220.
20. Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М., 2003. 496 с.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ 2025. № 3 (32)

QUESTIONS OF RUSSIAN SPEECH CULTURE AND ASPECTS OF RUSSIAN LANGUAGE POLICY

A.D. Vasiliev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The cultural and speech situation is an important indicator of the spiritual health of society and its priority interests. The state of ethnosocietal speech culture should be the object of close and benevolent governmental attention. This attitude of the authorities is especially in demand when it comes directly to the level of communication in a language that is constitutionally recognized as the state language and at the same time is native to the majority of the country's population. It also has the constitutionally established status of a State-forming people.

The purpose of the article is to analyze the impact of borrowings on the Russian mentality and attempts to control the situation at the legislative level.

Research methods: cognitive, discursive, method of critical analysis of documents.

Research results. With the help of language, first of all, its vocabulary, a linguistic picture of the world is built and fundamental mental traits are transmitted from generation to generation. This translates well-known traditional spiritual and moral values, their inculcation into the younger generation, and consolidation of national cultural achievements.

However, today the state of Russian communication culture in Russia raises worrying concerns. Over the past three decades, there has been a massive invasion of unjustified lexical borrowings, which noticeably distort the linguistic picture of the world familiar to native speakers of Russian and replace the original designations of conceptually important concepts.

Conclusions. From time to time, the state pays some attention to the issues of speech culture of citizens. But reactions to the problems of using the Russian language only rarely receive legal expression in little-known documents, which, as a rule, are palliative.

Keywords: *Russian language, national mentality, linguistic picture of the world, culture of speech, borrowings, Anglicisms, language policy of the state, education of youth.*

References

1. Alpatov V.M. *CHto takoe iazykovaia politika?* [What is language policy?]. In: *Mir russkogo slova [The World of the Russian Word],* 2003, 2, 20–26.
2. Bakhtin M.M. *Problema rechevykh zhanrov* [The Problem of Speech Genres]. In: *Ėstetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity].* Moscow, 1986, 250–296.
3. Bondaletov V.D. *Sotsial'naia lingvistika* [Social Linguistics]. Moscow, 1987. 160 p.
4. Vasiliev A.D. *Nekotorye iurislingvisticheskie aspekty Federal'nogo zakona "O gosudarstvennom iazyke Rossiĭskoĭ Federatsii"* [Some Legal Linguistic Aspects of the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation"]. In: *IUrislingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo [Legal Linguistics-11: Law as Discourse, Text and Word]*. Kemerovo, 2011, 116–124.
5. Vasiliev A.D. *Igry v slova. Manipuliativnye operatsii v tekstakh SMI* [Word Games. Manipulative Operations in Media Texts]. St. Petersburg, 2013. 660 p.

6. Vasiliev A.D. *Variativnye vyrazheniia universal'nykh oppozit͡sii͡* [Variable expressions of universal oppositions]. Vol. 1. Krasnoyarsk, 2020. 368 p.
7. Vasiliev A.D. *Osvoenie iazyka avtokhtonnogo i iazyka ėkzogennogo: potrebnosti estestvennye i iskusstvennye* [Mastering the autochthonous and exogenous languages: natural and artificial needs]. In: *Vestnik KGPU im. V. P. Astaf'eva [Bulletin of KSPU named after V.P. Astafiev]*, 2021, 1, 113–121.
8. Vasiliev A.D. *Manipuliat͡sii slovami: upravlenie soznaniem: ucheb. pos.* [Manipulation of words: consciousness management]. Krasnoyarsk, 2024. 256 p.
9. Gerd A.S. *IAzyk kak simvol* [Language as a symbol]. In: *IALIK [YALIK]*. November 2009, 79, 1–2.
10. Gerd A.S. [Language policy]. In: *IAzykovaia politika // Vozrozhdenie kul'tury Rossii: iazyk i ėtnos [Revival of Russian culture: language and ethnos]*. St. Petersburg, 3, 1995, 6–19.
11. Desheriev Yu.D. *Yazykovaya politika* [Language policy]. In: *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sov. encyclopedia, 1990. 683 p.
12. Zinoviev A.A. *Ziyayushchie vysoty* [Yawning Heights]. Part 1. Moscow: Peak, 1990. 317 p.
13. Ils K., Yanchenko V. *V nachale slovo* [At the Beginning the Word]. St. Petersburg, 2007. 230 p.
14. Kara-Murza S.G. *Manipuliatsiia soznaniem* [Manipulation of Consciousness]. Moscow, 2002. 490 p.
15. Kolesov V.V. *"Zhizn' proiskhodit ot slova…"* ["Life Comes from the Word…"]. St. Petersburg, 1999. 368 p.
16. Kolesov V.V. *Iazyk i mental'nost'* [Language and Mentality]. St. Petersburg, 2004. 240 p.
17. Komlev N.G. *Slovo v rechi. Denotativnye aspekty. 2-e izd.* [Word in Speech. Denotative Aspects]. 2nd ed. Moscow, 2003. 216 p.
18. Lotman Yu.M. *Vnutri mysliashchikh mirov* [Inside Thinking Worlds]. Moscow, 1996. 464 p.
19. Potebnya A.A. *Mysl' i iazyk* [Thought and Language]. In: Potebnya A.A. *Ėstetika i poėtika [Aesthetics and Poetics]*. Moscow, 1976, 35–220.
20. Rastorguev S.P. *Filosofiia informatsionnoĭ voĭny* [Philosophy of Information Warfare]. Moscow, 2003. 496 p.

About the author

Vasiliev, Aleksandr D. – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru

УДК: 81’33

ПОДХОДЫ К ТИФЛОКОММЕНТИРОВАНИЮ КАК ВИДУ МЕЖСЕМИОТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

В.И. Беликова (Красноярск, Россия)
Т.М. Софронова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Визуальность становится доминантой современного коммуникативного взаимодействия, которую, однако, не могут оценить в полной мере слабовидящие и слепые. Для того чтобы компенсировать некоторые ограничения по зрению, разрабатываются методы преобразования визуальной информации в аудиальную форму, известные как «тифлокомментарий»[1].

Целью настоящей работы является анализ тифлокомментирования как вида межсемиотического перевода, его подходов и трудностей создания, а также создание собственных тифлокомментариев к мультфильму «Путешествие домовенка Кузи»[2].

Обзор научной литературы. Обзор научной литературы по проблеме включает труды по языкознанию О.С. Ахмановой, А.Н. Паршина, А.Б. Шевнина, Р.О. Якобсона и тифлокомментированию Ф. Бардини, И.С. Борщевского, С.Н. Ваньшина, А.М. Вильдановой, С.Ю. Рыжиковой, В.Ю. Светличной, О.И. Скороходовой.

Основные методы исследования. При проведении исследования были использованы методы классификации, сплошной выборки и сравнительного анализа. Использовались подходы к тифлокомментированию Дж. Снайдера и Ф. Бардини, а также классификация трудностей тифлокомментирования С. Рыжиковой.

Результаты исследования. Из 134 тифлокомментариев к мультфильму «Путешествие домовенка Кузи», созданных нами для зрителей с нарушениями зрения, преобладает традиционный подход (122 комментария), когнитивный и нарративный подходы (12 и 7 комментариев) применялись эпизодически. Самоанализ трудностей при работе над межсемиотическим переводом был проведен по классификации С. Рыжиковой.

Выводы. Тифлокомментирование как вид межсемиотического перевода сопряжен с лингвистическими, интерпретационными, техническими трудностями. В исследовании подчеркивается выбор в пользу традиционного подхода, адаптированного к жанру и структуре исследуемого мультфильма. Планируется апробация практического материала исследования в специализированных школах для слабовидящих детей.

Ключевые слова: *перевод, межсемиотический перевод, тифлокомментирование, тифлокомментирование в кино, подходы к тифлокомментированию, незрячие и слабовидящие.*

---

[1] Министерство культуры Российской Федерации. Приказ от 24 апреля 2018 г. № 557 [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/71950692/ (дата обращения: 16.05.2025).

[2] Путешествие домовенка Кузи [Видеозапись]: мультфильм / реж. А. Давыдов; студия «Союзмультфильм». М., 1986 [Электронный ресурс]. URL: https://rutube.ru/video/4e232b2f0bee0fa83818f5eb059f4994/ (дата обращения: 16.05.2025).

Постановка проблемы. Мы живем в эпоху стремительного прогресса, наполненную различными испытаниями, где каждый из нас рассматривает объекты вокруг через уникальный фильтр собственных впечатлений: на основе личного опыта, предпочтений, наблюдений и воспитания. Однако, в отличие от нас, люди с нарушениями зрения или полностью лишившиеся его не могут визуально оценить объекты.

Тем не менее они находят свои способы взаимодействия с миром, полагаясь на другие чувства: осязание, слух, обоняние. Например, для них текстура предмета или его вес могут рассказать больше, чем внешний вид. Они учатся распознавать вещи по звуку, по запаху, по тому, какие они на ощупь. И хотя их восприятие ограничено, это не мешает им находить красоту и уникальность в каждом аспекте окружающего мира, открывая для нас новую перспективу понимания того, что значит «видеть» мир [Скороходова, 1972].

Согласно информации Международного агентства по профилактике слепоты[3], сегодня около 284 миллионов человек страдают от нарушений зрения различной степени. Это огромная цифра, которая заставляет задуматься о масштабах проблемы. Из них 39 миллионов полностью слепые, включая 19 миллионов детей с инвалидностью по зрению, чья жизнь навсегда изменена из-за инвалидности по зрению. Что же касается России, то у нас более 5,9 миллиона слепых и слабовидящих людей, учитывая то, что каждый год 4 % детей рождаются с нарушениями зрения. Эти цифры вызывают тревогу и подчеркивают острую необходимость разработки специальных образовательных программ, а также развития технологий, позволяющих улучшить качество жизни людей с нарушениями зрения.

Современная культура безнадежно визуальна. То, что нельзя увидеть, кажется непонятным, неинтересным и как будто несуществующим. Мультимедийные технологии позволяют создавать образы неограниченной сложности и разнообразия. Мы же в этой статье под технологиями будем понимать методы преобразования визуальной информации в аудиальную форму, известную как «тифлокомментарий». Тифлокомментирование предоставляет людям с нарушением зрения ощущение вовлеченности в культурные мероприятия, давая им равные права, поэтому тифлокомментирование в кино – это важный шаг к интеграции незрячих и слабовидящих людей в повседневную, обыденную жизнь [Ваньшин, Ваньшина, 2011].

Так, например, в кинотеатрах все чаще появляются сеансы с тифлокомментированием, где каждая сцена, каждый важный момент фильма подробно описывается голосом диктора, который звучит через специальные наушники. Это помогает зрителям с нарушениями зрения не просто следить за сюжетом, но и глубже погружаться в атмосферу фильма, ощущать его эмоциональную окраску,

[3] Международное агентство по профилактике слепоты. Глобальные инициативы по сохранению зрения [Электронный ресурс]. URL: https://www.iapb.org (дата обращения: 16.05.2025).

сопереживать героям. Таким образом, тифлокомментирование не только расширяет границы доступности культурных ценностей, но и способствует формированию более толерантного и инклюзивного общества, где каждый имеет возможность быть услышанным и понятым.

В рамках данной научно-исследовательской работы нашей *целью* является всесторонний анализ такого явления, как тифлокомментирование, которое представляет собой один из видов межсемиотического перевода. Мы не только раскрываем ключевые подходы и методические особенности, связанные с процессом создания тифлокомментариев, но и подробно рассматриваем те многочисленные трудности, с которыми специалисты сталкиваются в ходе подобного межсемиотического перевода. Кроме того, одной из важнейших задач нашего исследования является разработка собственных тифлокомментариев к любимому многими мультфильму «Путешествие домовенка Кузи», которые отражают современные подходы к тифлокомментированию и представляют собой ценный практический материал для исследования.

Обзор научной литературы. Переводческая деятельность многообразна и сохраняет актуальность во все времена. Перевод может осуществляться не только между языками или внутри языков (межъязыковой и внутриязыковой переводы), но и между вербальными и невербальными системами коммуникации. Так, Р.О. Якобсон в своей работе «О лингвистических аспектах перевода» [Якобсон, 1978] представляет классификацию, которая включает в себя три основных типа перевода: 1) межъязыковой; 2) внутриязыковой и 3) межсемиотический, или интерсемиотический (intersemiotic), перевод, который также именуется как трансмутация. Последний из перечисленных типов перевода представляет собой уникальный процесс, в котором вербальные знаки, то есть слова и тексты, интерпретируются и преобразуются с помощью невербальных средств выражения (например, экранизация художественного произведения, создание музыки на мотив художественного произведения и т.д.). Здесь необходимо добавить, что межсемиотический перевод возможен и в обратную сторону, когда информация, передаваемая невербальными знаками, выражается знаками языковой системы (например, преобразование визуальных знаков в вербальные при описании любых произведений художественного творчества) [Pujol, 2007].

В классификации лингвиста А. Паршина [2000] по соотношению типов языка перевода и языка оригинала выделяется два типа перевода: 1) внутриязыковой (диахронический (исторический) перевод и транспозиция) и 2) межъязыковой, к которому отнесен интерсемиотический перевод, наряду с бинарным переводом (с естественного на естественный язык) и трансмутацией, которая рассматривается как отдельный вид перевода с одного искусственного языка на другой искусственный язык.

Все проявления, вербальные и невербальные, можно отнести к системам знаков. Семиотка – научная дисциплина, исследующая общее в строении и функционировании различных знаковых (семиотических) систем, хранящих и пере-

дающих информацию (в человеческом обществе, в природе и в самом человеке)[4]. Если следовать внутренней мотивированности термина «интерсемиотический», или «межсемиотический», то он мог бы служить родовым термином для всех вариантов перехода с одной знаковой системы на другую, однако в переводческой литературе за этим термином закрепилось узкое понятие, связанное с передачей информации между вербальной и невербальной знаковыми системами.

Далее мы будем рассматривать межсемиотический перевод и межъязыковой перевод как разные типы перевода. Невербальные знаковые системы, такие как кино, музыка, живопись и др., только метафорически можно назвать «языком», например «язык» живописи или «язык» музыки.

Тифлокомментирование (от греч. «typhlos» – «слепой» и лат. «commentarius» – «заметки, толкование») как раз относится к межсемиотическому переводу. Это лаконичное описание предмета, пространства или действия, которые непонятны из-за потери зрения слепому или слабовидящему без специальных словесных пояснений[5]. Такой вид перевода также может называться аудиодескрипцией, термином, который применяется в ряде зарубежных стран для обозначения подготовленной для слепых *словесной* информации [Pujol, 2007].

Получается, понятие «тифлокомментирование» в русском языке шире, чем понятие «аудиодескрипция» в английском языке, так как подразумевает использование не только звукового формата тифлокомментария, но и письменного, печатного, выполненного на бумаге или в интернете. Авторским правом Российской Федерации установлен приоритет термина «тифлокомментирование» по отношению к термину «аудиодескрипция» как более точного согласно ГОСТ Р 57891-2022. С 2018 г. в нашей стране действует Приказ Министерства культуры РФ от 24 апреля 2018 г. № 557 «Об утверждении порядка отбора национальных фильмов, подлежащих обязательному субтитрированию и тифлокомментированию за счет средств федерального бюджета», обязывающий снабжать все фильмы, получающие государственную поддержку, тифлокомментированием.

За рубежом пионером аудиодескрипции является американский деятель в области образования Джоэл Снайдер, который с 1981 г. внедрил методы аудиодескрипции в более чем 40 штатах и 64 странах и опубликовал обобщающее учебное пособие по истории и применению аудиодескрипции «The Visual Made Verbal» [Snyder, 2007].

В нашей стране концепция тифлокомментирования была разработана в начале 2000-х гг. С.Н. Ваньшиным, директором института «Реакомп» [Ваньшин, Ваньшина, 2011]. Ведущим тифлокомментатором Красноярского края является А.М. Вильданова [Вильданова, 2018].

---

[4] Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3547672

[5] ГОСТ Р 57891-2022 Тифлокомментирование и тифлокомментарий. Термины и определения [Электронный ресурс]. URL: [https://gostassistent.ru/doc/4e8e0af3-8871-4615-9e3f-40f080da112b] (дата обращения: 16.05.2025).

Основные методы исследования. При проведении исследования был использован ряд теоретических, а также эмпирических методов, среди которых методы классификации, индукции и сплошной выборки, аналогии и обобщения, синтеза и сравнительного анализа.

Нами были проанализированы классификации подходов к тифлокомментированию Дж. Снайдера [Snyder, 2007] и Ф. Бардини [Бардини, 2020], а также классификация трудностей тифлокомментирования по С. Рыжиковой [Рыжикова, 2018].

Снайдер [2007] выделяет четыре фундаментальные основы тифлокомментирования: 1) OBSERVATION (наблюдение) – специалист должен повышать свой уровень осведомленности и становиться активным «зрителем», то есть развивать свою «визуальную грамотность»; 2) EDITING (редактирование) – при редактировании выбирать то, что наиболее достоверно, важно, критично для понимания и оценки ситуации (кроме того, выбор осуществляется на основе понимания слепоты и слабовидения); 3) LANGUAGE (язык) – умение перевести картину в слова конкретные, яркие и художественные; VOCAL SKILLS (вокальные навыки/данные) – развитие речевых навыков.

Мы создавали наши тифлокомментарии, опираясь на эти четыре фундаментальные основы, которые могут помочь тифлокомментаторам научиться «заново видеть» мир вокруг нас.

Наше тифлокомментирование также основывается на классификации подходов аудиодескрипции, разработанной Ф. Бардини [2020], в которой она выделяет три подхода: 1) Iconic description / Explicitly descriptive (традиционный подход, который следует современным рекомендациям, описывая то, что отображается на экране, на денотативном уровне); 2) Cognitive description/Descriptive-interpretative (когнитивный/интерпретативный подход, который заключается в сочетании денотативной информации с вербальным выражением когнитивных процессов во время просмотра фильма, включая интерпретацию действий, которые происходят на экране); 3) Narrative description (нарративный/повествовательный подход, который направлен на описание событий фильма в гармоничной повествовательной манере, основанной исключительно на личной интерпретации событий дескриптором. В данном случае тифлокомментарии не всегда следуют тому, что в данный момент происходит на экране).

Также при создании таких комментариев важно учитывать классификацию трудностей, которые могут возникать при их написании [Рыжикова, 2018]: недостаток компетенции; нарушение тайминга; речевая избыточность; излишняя информативность; недостаточная информативность; излишняя образность; неправильный выбор лексических единиц. Оценку качества работы тифлокомментатора можно осуществить по перечисленным выше критериям. Рассмотрим каждый критерий подробнее.

Сначала разведем понятия «компетенция» и «компетентность» в области перевода. Профессиональная компетентность предполагает высокий уровень владения определенными (частными) компетенциями. Так, А.Б. Шевнин пишет, что

переводческая компетентность – это «общая совокупность знаний, действий-умений и операций-навыков, необходимых переводчику для успешного осуществления его профессиональной деятельности», тогда как компетенциями он называет «функциональные реализации» компетентности, обусловленные целями и задачами». При этом он выделяет три уровня компетенций: 1) языковая компетенция; 2) профессиональная компетенция; 3) фоновая компетенция [Шевнин, 2010].

Таким образом, критерий «недостаток компетенции» носит обобщающий характер, охватывая одновременно языковые, профессиональные и фоновые аспекты подготовки тифлокомментатора. В силу своей интегративности мы считаем, что он не может быть выделен в качестве самостоятельной и измеримой категории, поскольку проявляется опосредованно – через другие виды нарушений, которые рассмотрим ниже.

Речевая избыточность – это лексическая ошибка, суть которой состоит в повторной передаче основной мысли словосочетания или целого предложения. В.Ю. Светличная в своей статье выделяет несколько видов речевой избыточности: плеоназм, тавтология, повторение слов (или лексический повтор), длина предложения, ляпалиссиада, трюизмы, лишние слова.

Излишняя информативность – это нагромождение информации, которая не является обязательной и отвлекает на себя внимание. Это нарушение, как и речевая избыточность, может стать одной из причин нарушения тайминга, т.е. недооценки времени, необходимого для прочтения текста описания. Чтобы текст дескрипции уместился между диалогами, тифлокомментатору необходимо точно измерить момент начала и окончания пауз.

Недостаточная информативность тифлокомментариев – серьезная ошибка, так как слепые и слабовидящие зрители могут не понять, почему персонажи реагируют определенным образом, что может привести к непониманию сюжета.

Трудности, связанные с излишней образностью обусловлены попытками дескриптора добавить красок в сухое повествование. Кроме того, в этом может проявляться личное отношение автора к происходящему на экране. Дескриптору, особенно начинающему, сложно избегать трудностей, связанных с передачей образности там, где ее быть не должно, поскольку достаточно трудно держать эмоции под контролем. Помимо этого, наличие образных выражений в тексте зависит от жанра и сюжета произведения.

Еще одной трудностью является неудачный выбор лексических единиц, при котором даже формально точное слово может не соответствовать контексту, создавать искажения в интерпретации или вызывать у незрячего зрителя ложные ассоциации. Поэтому требуется особое внимание к семантическим оттенкам используемой лексики.

Результаты исследования. На примере мультипликационного фильма «Путешествие домовенка Кузи» мы разработали 134 тифлокомментария для того, чтобы адаптировать его содержание для людей с нарушениями зрения. В зависимости от транслируемого материала и от задач, которые стоят перед тифлоком-

ментатором, в созданных нами тифлокомментариях преобладает традиционный подход (122 примера) в сопоставлении с когнитивным и нарративным подходами (12 и 7 примеров соответственно) (рис. 1).

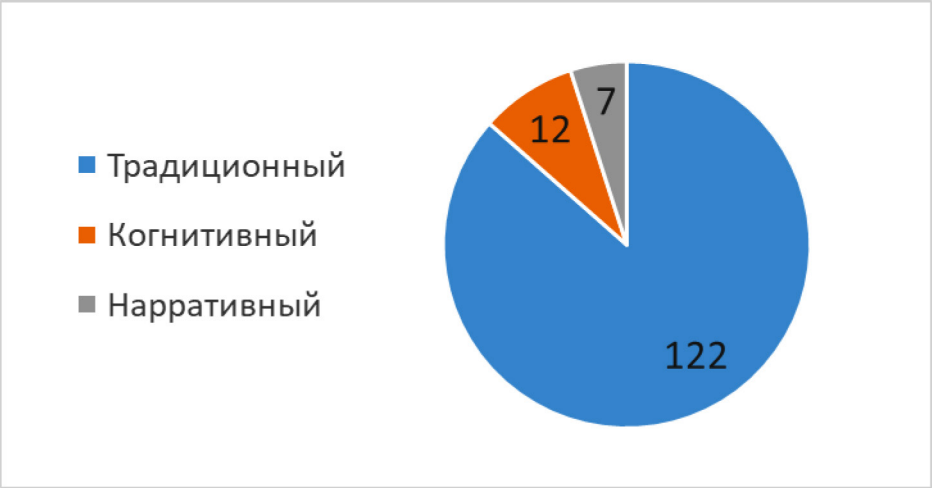

Рис. 1. Количественное распределение подходов по классификации Ф. Бардини [2020], задействованных при создании собственных тифлокомментариев к мультфильму «Путешествие домовенка Кузи»

Теперь рассмотрим все эти подходы к тифлокомментированию на примерах, созданных нами тифлокомментариев к мультфильму «Приключения домовенка Кузи» (рис. 2).

А Б В

Рис. 2. Кадры из мультипликационного фильма «Приключения домовенка Кузи» (А, Б, В)

А. *Вид из окна с деревянной рамой и открытой форточкой. На подоконнике лежат круглые очки в черной оправе на газете. В окне появляется Баба Яга, прислонившись ладошками к стеклу* (данный тифлокомментарий был создан по принципу традиционного подхода – описания, которое следует современным рекомендациям, показывает, что отображается на экране).

Б. *Кузя сидит на сене растерянный и грустный. С любопытством смотрит в сторону звука* (данный тифлокомментарий был создан по принципу когнитивного подхода, который содержит не только элементы денотативного описания, но и элементы интерпретации. Данный подход в основном встречается в описании выражения лица, эмоций).

В. *Гнездо содрогнулось. Кузька обернулся. Демолятор рушит ветхий деревянный дом, в котором он жил с Нафаней. Он окружен деревянным забором* (в данном тифлокомментарии мы использовали традиционно-нарративный подход, так как в нем преобладает денотативное описание с одним элементом нарративного: «…в котором он жил с Нафаней». Мы решили добавить данный фрагмент как отсылку к началу фильма, чтобы зритель быстрее сориентировался, о каком доме идет речь, и чтобы повторно подробно не описывать данный дом).

Все 134 тифлокомментария к мультфильму «Путешествие домовенка Кузи» расклассифицированы нами по использующимся в них подходам, снабжены таймингом и невербальной звуковой дорожкой, соответствующей представленному тайм-мингу (см. QR-код).

Также мы провели самоанализ трудностей, с которыми столкнулись в ходе работы над межсемиотическим переводом, и представили варианты улучшения его качества. На диаграмме (рис. 3) представлено количественное соотношение этих трудностей.

Рис. 3. Количественная оценка трудностей, выявленных при создании собственных тифлокомментариев

В табл. 1 рассмотрены примеры трудностей, свидетельствующие о недостатке фоновой компетенции тифлокомментатора. Фоновые знания представляют собой социально-культурный фон, характеризующий воспринимаемый устный или письменный текст [Ахманова, Гюббенет, 1977]. В нашем случае потребовалось уточнение таких реалий, как патефон, вместо обычного проигрывателя, ухват вместо палки, заводной рукоятки вместо ручки, тонарм вместо иглы и другие.

Таблица 1

	Фоновая компетенция	
	Возможный вариант	Исправленный вариант
1	Деревянная дверь со ступенькой и полосатым *ковриком*. Белая печка. Рядом деревянный стул. Слева стол с *проигрывателем*	Деревянная дверь со ступенькой и полосатым *половичком*. Белая печка. Рядом деревянный стул. Слева стол с *граммофоном*
2	Кузька подбежал к печке и *палкой* начал мешать хозяину спать. Из *печки* вылез второй домовой – Нафаня	Кузька подбежал к печке и *ухватом* начал мешать хозяину спать. Из *топки* вылез второй домовой – Нафаня

В табл. 2 представлены примеры нарушения тайминга. Эта категория связана с двумя другими, такими как «Речевая избыточность» (табл. 3) и «Излишняя информативность» (табл. 4), но при этом последние две не всегда приводят к нарушению временных границ, поэтому нужно разобраться в их отличии друг от друга.

Таблица 2

	Нарушение тайминга	
	Возможный вариант	Исправленный вариант
00.02.04–00.02.07		
1	На стене висят черные часы с головой кота, белым циферблатом и двигающимися из стороны в сторону глазами. На часах без десяти одиннадцать	На стене черные часы с головой кота, белым циферблатом и двигающимися глазами
00.01.54–00.01.59		
2	Туманная ночь. На переднем плане ветки сухого дерева. За ними стоит двухэтажный деревянный домик с горящими окнами. Слева стоит высокий фонарь. На заднем плане темная густая роща	Туманная ночь. Впереди ветки сухого дерева. За ними двухэтажный деревянный дом с горящими окнами. Слева фонарь

Таблица 3

	Речевая избыточность	
	Возможный вариант	Исправленный вариант
1	Теперь сорока сидит на дереве	Сорока сидит на дереве
2	Она подменила веник на *свою* длинную метлу	Она подменила веник около ступенек на длинную метлу
3	*Весь* зимний лес покрыт пушистым белым снегом	Зимний лес покрыт пушистым белым снегом

Таблица 4

	Излишняя информативность	
	Возможный вариант	Исправленный вариант
1	Кузя деловито пьет из блюдечка, сидя на двух подушках. На столе, накрытом скатертью, и *бублики, и ватрушки, и пышки, и пирог*	Кузя деловито пьет из блюдечка, сидя на двух подушках. На столе, накрытом скатертью, *различные угощения*
2	Гнездо содрогнулось. Кузька обернулся. Демолятор рушит ветхий деревянный дом, в котором он жил с Нафаней. *Он окружен деревянным забором*	Гнездо содрогнулось. Кузька обернулся. Демолятор рушит ветхий деревянный дом, в котором он жил с Нафаней

На основании представленных выше примеров можно выделить три ключевых типа нарушений, каждый из которых имеет различную природу.

1. Нарушение тайминга относится к техническому уровню исполнения и связано с несоответствием длины тифлокомментария отведенным паузам в звуковом сопровождении.

2. Речевая избыточность проявляется на уровне лексики и синтаксиса и заключается в ненужных повторениях или использовании тавтологичных конструкций.

3. В свою очередь, излишняя информативность относится к когнитивному уровню и связана с включением в комментарий деталей, не имеющих функционального значения для восприятия сюжета.

Несмотря на различие этих категорий, они часто оказываются взаимосвязаны: речевая избыточность и излишняя информативность могут приводить к нарушению тайминга. Поэтому при анализе качества тифлокомментария целесообразно рассматривать данные типы нарушений в их комплексном взаимодействии с учетом как содержательной, так и технической стороны процесса.

В табл. 5 мы выявили только один пример, связанный с недостаточной информативностью нашего тифлокомментария.

Таблица 5

	Недостаточная информативность	
	Возможный вариант	Исправленный вариант
1	Кузька подбежал к печке. Из топки вылез второй домовой – Нафаня	Кузька подбежал к печке и *ухватом начал мешать хозяину спать*. Из топки вылез второй домовой – Нафаня

Ниже представлен пример диалога, предшествующий тифлокомментарию в табл. 5.

Диктор	Кузька подбежал к печке *и ухватом начал мешать хозяину спать*. Из топки вылез второй домовой – Нафаня	
00.03.00	Нафаня	– Ну Кузьма
00.03.02	Кузя	– Ну Нафаня
00.03.04	Нафаня	– Человек домовому как-никак хозяин

Исходя из данного примера, мы можем сделать вывод, что фраза, в которой идет речь об ухвате, является ключевой в этом тифлокомментарии, потому что иначе зритель не поймет смысл последующих фраз.

В табл. 6 представлены примеры тифлокомментариев с излишней образностью.

Таблица 6

	Излишняя образность	
	Возможный вариант	Исправленный вариант
1	Сказочно красивый зимний лес. *Деревья укутаны в роскошные снежные одежды. Маленькие изящные елочки стоят в нарядных пушистых белых шубках*	Зимний лес покрыт пушистым белым снегом
2	Кузька свалился с метлы и упал внутрь старого пня, *прогнившего, с отслаивавшейся корой*	Кузька свалился с метлы и упал внутрь трухлявого пня

Примеры, приведенные в табл. 7 демонстрируют, как неправильный выбор лексической единицы может повлиять на общий смысл фразы. В примере 3 перед нами стоял выбор между двумя словами «следят» – «наблюдают». Мы отдали предпочтение второму варианту. «Следить» значит целенаправленно вести наблюдение за кем-либо[6]. «Наблюдать» – любопытно рассматривать что-то[7]. В данном случае два леших стали свидетелями погони случайно, поэтому они «наблюдают» за этим. В примере 2 из слов «клубочком» – «калачиком» мы выбрали слово «калачиком» по устойчивости его сочетания с глаголом «свернуться»: «свернуться калачиком».

Таблица 7

	Неправильный выбор лексических единиц	
	Возможный вариант	Исправленный вариант
1	Два леших недоумевающе *следят* за погоней	Два леших недоумевающе *наблюдают* за погоней
2	Маленький леший свернулся *клубочком*	Маленький леший свернулся *калачиком*
3	*Линии* белого дыма окутывают лес	*Струйки* белого дыма окутывают лес

Выводы. В современном обществе, где каждый человек стремится к равенству и интеграции в социальную среду, проблема социальной адаптации людей с нарушениями зрения является актуальной. Данная работа освещает проблему социальной адаптации людей с инвалидностью по зрению через тифлокомментирование и примеры его эффективного и неэффективного использования.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что тифлокомментирование (или аудиодескрипция) представляет собой специфический вид межсемиотического перевода. Как и любой вид перевода, межсемиотический перевод, в нашем случае в форме тифлокомментирования, сопряжен с лингвистическими, интерпретационными, техническими трудностями.

При выборе подходов к тифлокомментированию мультфильма «Путешествие домовенка Кузи» для повышения социальной адаптации лиц с визуальными ограничениями наиболее частотным оказался традиционный подход, что обусловлено спецификой самого мультфильма. Структура повествования и визуальный стиль мультфильма опираются преимущественно на наглядное изображение действий, предметов и обстановки, не требующих глубокой интерпретации или сложного эмоционального анализа. Поэтому превалирующий выбор в пользу традиционного подхода обусловлен в большей степени не эффективностью данного подхода,

[6] Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / авторская ред. 2000 [Электронный ресурс]. URL: https://gramota.ru/poisk?query=следить&mode=slovari&dicts[]=42 (дата обращения: 20.05.2025).

[7] Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / авторская ред. 2000 [Электронный ресурс]. URL: https://gramota.ru/poisk?query=наблюдать&mode=slovari&dicts[]=42 (дата обращения: 20.05.2025).

а прежде всего жанровыми и композиционными особенностями мультфильма: в нем доминируют визуальные образы, требующие денотативного описания. Ключевым фактором становится осознанность выбора стратегии тифлокомментатором в зависимости от контекста и стоящих перед ним задач.

Практический материал исследования из 134 тифлокомментариев представлен в форме, требуемой для дальнейшего озвучивания мультфильма. Планируется апробация адаптированного тифлокомментариями мультфильма в специализированных школах для слабовидящих детей в городе Красноярске.

Список источников и словарей

1. Большая российская энциклопедия 2004–2017 [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3547672 (дата обращения: 16.05.2025).
2. ГОСТ Р 57891-2022 Тифлокомментирование и тифлокомментарий. Термины и определения [Электронный ресурс]. URL: https://gostassistent.ru/doc/4e8e0af3-8871-4615-9e3f-40f080da112b (дата обращения: 16.05.2025).
3. Международное агентство по профилактике слепоты. Глобальные инициативы по сохранению зрения [Электронный ресурс]. URL: https://www.iapb.org (дата обращения: 16.05.2025).
4. Министерство культуры Российской Федерации. Приказ от 24 апреля 2018 г. № 557 «Об утверждении порядка отбора национальных фильмов, подлежащих обязательному субтитрированию и тифлокомментированию за счет средств федерального бюджета» [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/71950692/ (дата обращения: 16.05.2025).
5. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / авторская ред. 2000. URL: https://gramota.ru/poisk?query=следить&mode=slovari&dicts[]=42 (дата обращения: 20.05.2025).
6. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / авторская ред. 2000. URL: https://gramota.ru/poisk?query=наблюдать&mode=slovari&dicts[]=42 (дата обращения: 20.05.2025).
7. Путешествие домовенка Кузи [Видеозапись]: мультфильм / реж. А. Давыдов; студия «Союзмультфильм». М., 1986 [Электронный ресурс]. URL: https://rutube.ru/video/4e232b2f0bee0fa83818f5eb059f4994/. (дата обращения: 16.05.2025).

Библиографический список

1. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47–54.
2. Бардини Ф. Approaches to Audio Description. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/344198228 (дата обращения: 16.05.2025).
3. Борщевский И.С. Аудиодескрипция (тифлокомментирование) как вид перевода // Филология и лингвистика. 2018. № 3 (9). С. 48–52. URL: https://moluch.ru/th/6/archive/107/3755/ (дата обращения: 16.05.2025).

4. Ваньшин С.Н. Как попасть в музей: как с наилучшими результатами провести экскурсию для посетителей-инвалидов, тем более слепых? // Мир музея. 2018. № 2. С. 21.
5. Ваньшин С.Н., Ваньшина О.П. Тифлокомментирование, или Словесное описание для слепых: инструктивно-методическое пособие. М.: Реакомп, 2011. 62 с.
6. Вильданова А.М. Организация работы мобильной группы тифлокомментаторов // Тифлокомментирование. Новая социальная услуга для инвалидов по зрению: материалы XVIII научно-практической конференции (Москва, 5 декабря 2018 г.). М.: Реакомп, 2018. С. 74–80.
7. Моцаж М. Аудиодескрипция, или Тифлокомментирование, как жанр кинопереводa // TEXTUS. 2014. Т. 14, № 14 (14). С. 197–201.
8. Паршин А.Н. Перевод и культура // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 3–12.
9. Рыжикова С.Ю. Тифлокомментирование: подходы и трудности // Инклюзия и толерантность. 2018. № 2. С. 34–38.
10. Скороходова О.И. Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир. М.: Просвещение, 1972.
11. Светличная В.Ю. Речевая избыточность как проявление лексической ошибки // Вестник лингвистики. 2015. № 1. С. 102–107.
12. Шевнин А.Б. Профессиональная компетентность переводчика: структура и содержание // Вестник МГЛУ. 2010. № 2. С. 67–72.
13. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода (Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике). М., 1978. С. 16–24 [Электронный ресурс]. URL: https://samlib.ru/w/wagapow_a_s/jacobson.shtml (дата обращения: 16.05.2025).
14. Pujol J. Audio Description or Audio Narration? That is the Question (2007) *MuTra Conference* [Электронный ресурс]. URL: https://www.euroconferences.info/2007_abstracts.php (дата обращения: 18.05.2025).
15. Snyder, J. (2007). Audio description: The visual made verbal. *The International Journal of the Arts in Society*, 2 [Электронный ресурс]. URL: https://adp.acb.org/docs/The-Visual-Made-Verbal.pdf (дата обращения: 16.05.2025).

Сведения об авторах

Беликова Варвара Игоревна – студент-бакалавр факультета иностранных языков, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: belikova.varvaro@yandex.ru

Софронова Татьяна Марковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: tmsofronova@gmail.com

APPROACHES TO AUDIO DESCRIPTION AS A FORM OF INTERSEMIOTIC TRANSLATION

V.I. Belikova (Krasnoyarsk, Russia)
T.M. Sofronova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Visuality dominates modern communicative interactions, however, this remains inaccessible to the visually impaired and blind. To compensate for such limitations, there are methods of converting visual information into audio formats, known as audio description (or typhlocommentary).

The purpose of this study is to analyze audio description as a form of intersemiotic translation, examining its approaches, challenges, and practical application along with developing original audio descriptions for the animated film *The Adventures of Kuzma the House Spirit* (1986).

The review of scientific literature. The review of scientific literature on the problem includes works on linguistics by O.S. Akhmanova, A.N. Parshin, A.B. Shevnin, R.O. Yakobson and typhlocommentation by F. Bardini, I.S. Borshchevsky, S.N. Vanshin, A.M. Vildanova, S.Yu. Ryzhikova, V.Yu. Svetlichnaya, O.I. Skorokhodova.

Methodology (methods and materials). The research employs such research methods as classification, continuous sampling and comparative analysis. The study uses audio description approaches by Joel Snyder and Floriane Bardini, as well as classification of challenges by Svetlana Ryzhikova.

Research results. For the animated film, 134 audio descriptions were created, predominantly using the traditional approach (122 instances) compared to cognitive (12) and narrative (7) approaches. Self-analysis of difficulties when working on intersemiotic translation was carried out according to S. Ryzhikova's classification.

Conclusion. Like other forms of translation, intersemiotic translation via audio description involves linguistic, interpretive, and technical difficulties. The study highlights the dominance of the traditional approach, tailored to the film's genre and structure. The practical material (audio descriptions) is prepared for voicing, with plans for testing in schools for visually impaired children.

Keywords: *translation, intersemiotic translation, audio description, film audio description, approaches to audio description, blind and visually impaired.*

List of Sources and Dictionaries

1. The Great Russian Encyclopedia 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3547672 (access date: 16.05.2025).
2. GOST R 57891-2022 Audio Description and Typhlocommentary: Terms and Definitions. URL: https://gostassistent.ru/... (access date: 16.05.2025).
3. International Agency for the Prevention of Blindness. Global Initiatives for Vision Preservation. URL: https://www.iapb.org (accessed: 16.05.2025).
4. Ministry of Culture of the Russian Federation (2018, April 24). Order No. 557 "On approval of the procedure for selecting national films subject to mandatory subtitling and audio description at the expense of the federal budget" (access date: 16.05.2025).

5. Kuznetsov, S.A. A large explanatory dictionary of the Russian language. Author's edition, 2000. URL: https://gramota.ru/poisk?query=follow&mode=slovari&dicts[]=42 (access date: 20.05.2025).
6. Kuznetsov, S.A. A large explanatory dictionary of the Russian language. Author's edition, 2000. URL: https://gramota.ru/poisk?query=observe&mode=slovari&dicts[]=42 (access date: 20.05.2025).
7. The Adventures of Kuzma the House Spirit [Video]: animated film / dir. A. Davydov; Soyuzmultfilm Studio. Moscow, 1986. URL: https://rutube.ru/video/... (access date: 16.05.2025).

References

1. Akhmanova, O.S., & Gubbenet, I.V. (1977). "Vertical context" as a philological problem. *Voprosy Yazykoznaniya* [Linguistics Issues], 3, 47–54.
2. Bardini, F. (2020). Approaches to audio description. Available at: https://www.researchgate.net/publication/344198228 (access date: 16.05.2025).
3. Borshchevsky, I.S. (2018). Audio description (typhlocommentary) as a type of translation. *Filologiya i lingvistika* [Philology and Linguistics], 3(9), 48–52. https://moluch.ru/th/6/archive/107/3755/ (access date: 16.05.2025).
4. Vanshin, S.N. (2018). How to visit a museum: How to conduct the most effective tour for visitors with disabilities, especially the blind? *Mir Muzeya* [Museum World], 2, 21.
5. Vanshin, S.N., & Vanshina, O.P. (2011). Typhlocommentation, or verbal description for the blind (instructional and methodological guide). Moscow: Reakomp.
6. Vildanova, A.M. (2018). Organization of mobile audio description team work. In: Audio description: New social service for visually impaired people: Proceedings of the 18th Scientific and practical conference (Moscow, December 5, 2018) (pp. 74–80). Moscow: Reakomp.
7. Motsazh, M. (2014). Audio description or typhlocommentary as a genre of film translation. TEXTUS, 14 (14), 197–201.
8. Parshin, A.N. (2000). Translation and culture. *Voprosy Yaazykoznaniya* [Linguistics Issues], 6, 3–12.
9. Ryzhikova, S.Yu. (2018). Audio description: Approaches and difficulties. *Inklyuziya i tolerantnost* [Inclusion and Tolerance], 2, 34–38.
10. Skorokhodova, O.I. (1972). *Kak ya vosprinimayu, predstavlyayu i ponimayu okruzhayushchiy mir* [How I perceive, imagine and understand the world around me]. Moscow: Prosveshchenie.
11. Svetlichnaya, V.Yu. (2015). Verbal redundancy as a manifestation of lexical error. *Vestnik Lingvistiki* [Linguistics Bulletin], 1, 102–107.
12. Shevnin, A.B. (2010). Professional competence of a translator: Structure and content. *Vestnik MGLU* [MSLU Bulletin], 2, 67–72.
13. Yakobson, R.O. *O lingvisticheskikh aspektakh perevoda (Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike)* [On linguistic aspects of translation (Issues of translation

theory in foreign linguistics)]. Moscow, 1978, 16–24. URL: https://samlib.ru/w/wagapow_a_s/jacobson.shtml (access date: 16.05.2025).
14. Pujol J. Audio Description or Audio Narration? That is the Question. *MuTra Conference*. 2007. URL: https://www.euroconferences.info/2007_abstracts.php (access date: 18.05.2025).
18. Snyder, J. (2007). Audio description: The visual made verbal. *The International Journal of the Arts in Society*, 2. URL: https://adp.acb.org/docs/The-Visual-Made-Verbal.pdf (access date: 16.05.2025).

About the authors

Belikova, Varvara I. – Bachelor Candidate, Department of Foreign Languages, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: belikova.varvaro@yandex.ru

Sofronova, Tatiana M. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: tmsofronova@gmail.com

УДК 811.161.1 : 651.926 : 811.222.1

ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ ПОД УГЛОМ ЗРЕНИЯ РУССКОГО РЕАЛИЗМА И РУССКО-ПЕРСИДСКИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ И ФИНАНСОВ

Д.Г. Демидов (Санкт-Петербург, Россия),
Парвизи Могаддам Элхам (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Анализируется понятие термина в аспектах лингвистики, логики и философии. Особое внимание уделяется дефинициям термина в трудах отечественных исследователей (Б.Н. Головина, В.П. Даниленко, В.М. Лейчика, А.В. Суперанской, В.В. Виноградова и др.) и их методологическим основаниям. Термин образуется с помощью мыслительных усилий в направлении философского номинализма, но имеет свое основание в общеупотребительном слове, сложившемся в условиях реализма и подвергшемся категоризации, поэтому он выступает не только языковой единицей, но и элементом научного познания, отражающим соотношение номинативной, сигнификативной и дефинитивной функций.

Традиция русского философского реализма составляет *методологическую* основу статьи. Свойства термина ярко проявляются в условиях его функционирования в межъязыковой коммуникации, поэтому *материал* практической части посвящен сопоставлению русских и персидских финансово-коммерческих терминов, выявлению различий в их морфемной структуре, семантической мотивации и концептуальной организации. Применяется *методика* выявления «дурной» синонимии путем обратного перевода, показывающего ограниченность номинализма.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что успешный перевод терминов возможен лишь при учете как онтологических оснований термина, так и его прагматической функции в межкультурном взаимодействии. В сложных случаях при переводе требуется дополнительный комментарий, предупреждающий коммуникативный конфликт.

Общие выводы. Природа терминообразования становится понятной с точки зрения философии русского реализма. Сопоставление с персидской традицией образования терминов в финансово-коммерческой сфере выявляет актуальные дефинитивные признаки русских терминов и помогает избежать их опасной синонимии в русской внутри- и межкультурной деловой коммуникации.

Ключевые слова: *термин, дефиниция, терминосистема, терминообразование, семантика, реализм, номинализм, философия языка, перевод, межкультурная коммуникация, русско-персидская терминология, финансово-коммерческая лексика.*

Постановка проблемы. Поиски определения термина. Обзор научной литературы. Термин *термин* (далее *т-н*) находит широкое применение в языкознании. Интуитивно вполне понятно, чем *т-н* отличается от общеупотребительного слова, однако точное определение этого понятия все еще требует доработки. Так, Б.Н. Головин приводит семь определений этого понятия,

он подвергает их критике за логические несостыковки и несоответствие устанавливаемых определениями свойств и признаков *т-на* его реальному языковому и речевому облику [Головин, Кобрин, 1987]. У В.П. Даниленко собрано 19 определений [Даниленко, 1977]. Обилие разнообразных определений, очевидно, выражается не только тем фактом, что к моменту их формулирования не сложилась еще научная дисциплина, предметом которой является *т-н – терминоведение*, но и тем, что *т-н* представляет собой объект целого ряда наук и каждая наука стремится выделить в *т-не* признаки, существенные с ее точки зрения. Действительно, лингвистическое определение *т-на* исходит из его языковых аспектов, логическое определение – из его логических аспектов и т.д. Неудовлетворительность большинства определений состоит именно в попытке объединить различные плохо сочетаемые в одной науке признаки *т-на*. Представляется, что такое объединение в одном определении признаков разноаспектного объекта принципиально невозможно и логически неправомерно [Лейчик, 2007, с. 20].

Основные свойства т-на (*системность, точность, однозначность, стилистическая нейтральность* и *мотивированность*) не могут служить идеальными критериями идентификации данного понятия, т.к. имеют ограничения во времени и пространстве, поэтому необходимо рассмотреть признаки *т-на*, взятые из работ по выработке его «рабочих» определений с 1969 по 1998 г., смысл которых сводится к следующему [Фогель, 2000, с. 3]:

1) это «слово (или словосочетание)» [Климовицкий, 1995], «единица языка» [Комарова, 1976, с. 144];

2) «*т-ну* приписывается или он (*т-н*) соотносится, выражает или формирует определенное профессиональное или научное понятие» [Головин, Кобрин, 1987, с. 21];

3) «*т-н* относится к определенной области науки, техники и производства или сферы деятельности» [Арнольд, 1977, с. 85];

4) «*т-н* находится в системных отношениях с другими наименованиями данной сферы деятельности» [Головин, Кобрин, 1987, с. 35];

5) «*т-н* обладает специальным *т-н*ологическим значением» [Герд, 1986, с. 4];

6) «*т-н* исполняет функции знака профессионального понятия» [Авербух, 1986, с. 38].

Для более широкого понимания этих свойств *т-на* рассмотрим каждое из них [Цит. по: Козловская, 2012, с. 56] и приведем соответствующие примеры.

1. *Т-н* может быть как одиночным словом, так и словосочетанием. Примером словесного *т-на* может служить *франчайзинг*, а примером словосочетания – *финансовый анализ*.

2. *Т-н* является частью языковой системы и следует ее правилам. Например, *финансирование* – это не просто набор букв, а языковая единица, имеющая определенное значение. *Т-ны* не должны вступать в синонимические отношения.

3. *Т-ны* часто используются для обозначения конкретных понятий в науке или профессиональной сфере. Например, *бренд* и *контракт* включаются в деловую систему коммерции.

4. Каждый *т-н* относится к определенной области, например *договор* в деловой сфере или *синтаксис* в лингвистике.

5. *Т-ны* взаимосвязаны в рамках своей области. Например, в химии т-ны *молекула, атом* и *элемент* связаны между собой.

6. *Т-ны* имеют уникальное значение в своей области. Одним из коммерческих *т-нов* является *валюта*. В финансах *валюта* означает денежную единицу, используемую в международных расчетах, например доллар или евро. В экономике *валюта* может обозначать не только саму денежную единицу, но и способы обмена, курсы и финансовые механизмы, связанные с ней.

Т-н выполняет особую функцию знака профессионального понятия. *Т-ны* служат для обозначения специфических концепций в профессиональной среде. Например, *юридическое лицо* в праве.

Не менее важным представляется понимание того, какие единицы языка не могут именоваться *т-нами* по своей сущности и специфическим особенностям словоупотребления в контекстах. Это слова общего употребления (так, слово *бюджет* не является *т-ном*, так как оно используется в повседневной речи и не имеет специфического профессионального значения); слишком широкие понятия (скажем, «актив» не может выражаться соответствующим *т-ном*, так как это слово слишком абстрактно и не относится к конкретной области знаний); нестандартные выражения из различных жаргонов и ненормативных языковых стилей; слова или фразы, не признанные в профессиональном сообществе, такие как *ритейл*, *деньги*, *таможня* и *товар* также не могут считаться *т-нами* [Козловская, 2012, с. 57].

А.В. Суперанская рассмотрела многочисленные формы существования языка [Суперанская и др., 2012]. Не в каждой из них осуществляются специальные названия и тем более *т-нологические*. *Т-ны* появляются в научно-технической коммуникации, но не обязательно в кабинете или лаборатории исследователя. Иногда они возникают из простой беседы лиц, пользующихся квалифицированным просторечием, и лишь позже фиксируются как научные или технические *т-ны*. Внутри специальных областей знания происходит непрерывное приобретение и совершенствование лексического состава, намного опережающее развитие общей лексики, где не ощущается такой острой необходимости в форсированном развитии словарного состава. Слова возникают не просто так, а лишь в тех случаях, когда в этом имеется необходимая потребность. Каждое название имело (или могло иметь) начальную мотивировку, которая постепенно в процессе его функционирования стирается. В общей лексике слово возникает обычно в речевой ситуации по различным ассоциациям, иной раз понятным лишь тому, кто дал название. В специальной сфере названия нередко дает как раз один человек, исследователь, изобретатель или небольшая группа близких ему людей. В отличие от номинации общей лексики, где общественная практика отбирает и укрепляет относительно немногое из того, что спонтанно возникло в речи, в специальной лексике утвердиться и укрепиться могут все предложенные названия,

но лишь внутри данной сферы. Так, если в технике, в отличие от известного *двигателя*, создается еще и *движитель*, это последнее получит всеобщее признание и использование [Суперанская и др., 2012, с. 81].

Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин идентифицируют *т-н* следующим образом: «слово или второстепенное словосочетание, имеющее своеобразное значение, отражающее и формирующее специальное понятие и применяемое в процессе познания и изучения научно- и профессионально-технических объектов и отношений между ними» [Головин, Кобрин, 1987, с. 5].

В Большом энциклопедическом словаре мы находим следующее определение: «*Т-н* (от лат. terminus – граница, предел) – слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» (БЭС Языкознание, 1998, с. 509).

В свою очередь, А.В. Суперанская, Н.В. Подольская и др. определяют *т-н* как «слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниции» [Суперанская и др., 2012, с. 7]. Это очень важный признак, идущий от В.В. Виноградова (см. ниже).

А.А. Реформатский относил к *т-нам* слова специальные, ограниченные своим особым назначением; стремящиеся быть однозначными как точное высказывание понятий и название вещей [Реформатский, 1996, с. 61]. Вслед за Реформатским, Р.А. Будагов определяет *т-н* как слово со строго определенным значением: «Как правило, у *т-на* бывает одно значение, точнее говоря, *т-н* стремится к однозначности (моносемии)» [Будагов, 2000, с. 33].

Отличительной особенностью *т-на* является то, что он имеет профессиональное значение, обозначает определенное научное, производственное, техническое и т.п. понятие [Немченко, 2008]. Это признают все языковеды, хотя связь *т-на* с понятием трактуется лингвистами по-разному. В соответствии с этим в определении *т-на* различается несколько концепций (выделено везде нами. – *Д.Д.* и *Э.П.М.*):

1) «*т-ном* является слово/словосочетание, которое называет понятие, т.е. выполняет **номинативную** функцию» [Винокур, 1939, с. 8];

2) *т-ном* считается «слово, которое выражает понятие, т.е. выполняет выразительную, **экспрессивную** функцию» [Реформатский, 1996, с. 19];

3) *т-н* – это «слово, обозначающее понятие, т.е. выполняющее **сигнификативную** функцию» [Милуд, 2023, с. 24];

4) *т-н* – это «слово, определяющее понятие, т.е. выполняющее **дефинитивную** функцию» [Виноградов, 2001, с. 159].

Опыт оценки определений термина с точки зрения русской философии реализма. Мы задаемся *целью* эти 4 подхода, опираясь на русскую традицию философского реализма, распределить с точки зрения реализма и номинализма и показать теорию термина и практическую иллюстрацию проблемы в области перевода финансово-коммерческой терминологии с русского на персидский.

Далее будет показано, что 4 подхода распределяются следующим образом: подходы Реформатского и В.С. Виноградова отвечают позиции реализма, подходы Винокура и Милуда – позиции номинализма. К такому выводу можно прийти, изучая труды В.С. Соловьева, о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова, Н.О. Лосского, В.В. Колесова.

Об актуальности и силе философского подхода очень образно и убедительно писал о. Павел Флоренский: «Последовательными оборотами философия ввинчивается в действительность, впивается и проникает ее все глубже. Она есть умная медитация жизни, претворяемой в текущее слово, ибо, чтобы быть умным, каждое движение созерцающего духа – в духе дает свой словесный образ, необходимо возникающий, как волна, что бежит за пароходным винтом. И философия есть язык; но она – не одно описание, а множество таковых, превращающихся одно в другое» [Флоренский, 1990, с. 130]. Мы считаем, что философский подход пригоден не только для обоснования принципов изучения активного словарного состава, но и для обоснования подходов к изучению *т-нологических* систем.

На основе традиции русской философии В.В. Колесов разработал учение о содержательных формах концепта (далее – СФК): скрытом, но направляющем все остальные СФК концептуме-«зародыше», образе, символе и понятии, в котором образный объем совмещается с символическим содержанием. СФК распределяются попарно: концептум с образом (референт не выражен), понятие с символом (референт выражен), образ с понятием (денотат выражен) и символ с концептумом (денотат не выражен). Это позволяет назвать такие отношения четырех СФК «концептуальным квадратом».

Вопрос об универсалиях русская философия решает в пользу реализма, т.е. полагает, что мыслимая идея существует до вещи и только потом именует словом языка вещь. Именно поэтому русская философия онтологична по существу. Противоположным является решение об универсалиях в пользу номинализма: идея складывается после вещи, а слова суть только пустые звуки, условно приписываемые вещи на пути от нее к идее. Такое решение открывает гносеологические возможности в познании новых вещей.

Различия в толковании реализма в целом следующие: «Соловьев говорил об объективной реальности, т.е. рассматривал связь символа с концептом (представляя вхождение в концепт отработанного символа); Франк по преимуществу рассматривал объективную действительность, т.е. показывал механизм экспликации концепта в образ – его преображение или, как говорит он сам, “откровение реальности”. Мы уже не один раз заметили, что именно в этом пункте отношения к реальному находится точка расхождения между московскими и петербургскими философами: от символа – в концепт, или из концепта – в образ. …Движение мысли по вершинам треугольника (в последовательности: реальность идеи – вещи – знака) сопровождается вглублением в содержательный смысл понятия по схеме квадратов: образ – понятие – символ. Тем самым чисто метонимический перенос в значениях слова одновременно выступает метафорически ориентированным

средством постижения сущего. Понятным становится и широкий разброс философских направлений, обязательно связанных с реализмом как типично русским восприятием денотата D: конкретный реализм Вл. Соловьева, идеал-реализм Н. Лосского, радикал-реализм Франка, мистический реализм Флоренского, этический реализм С. Булгакова и под.» [Колесов, 2007, с. 203].

Продолжая применять философию русского реализма в отношении к *т-ну* [Козловская, 2012] в такой практической области, как финансы и коммерция, особенно необходимо разделять функции выражения или определения готового понятия (по Реформатскому и В.С. Виноградову), с одной стороны, и называния, обозначения вещи с целью формирования понятия (по Винокуру и Милуду) – с другой. Нам представляется, что русские *т-ны*, для которых без труда находятся персидские эквиваленты, лучше понимать с точки зрения реализма и слов в составе концепта русского языка; русские *т-ны* и описательные выражения, которые вторичным образом обозначают элементы других персидских концептов (ситуации затруднений при переводе с русского на персидский), лучше понимать с точки зрения номинализма. Без перехода с позиции реализма на позицию номинализма вообще невозможен перевод. Слово на иностранном языке задает идею, для которой вторичным образом требуется подобрать слово на родном языке. Затруднение возникает, когда обнаруживается, что своя, *данная* идея, лежащая за родным словом, не полностью совпадает с идеей, *заданной* иностранным словом. Такой же *заданной* идеей оказывается новое понятие, для которого требуется подобрать новое родное слово.

Определение В.С. Виноградова, в котором выделяется **дефинитивная** функция *т-на*, основано на реализме, но именно потому что он разделяет номинативную функцию общеупотребительного слова, понимаемую в духе реализма, и предполагает сознательный переход на позицию номинализма при *т-нообразовании*, а значит, и в процессе перевода, когда у слова появляется дополнительная дефинитивная функция.

В.В. Колесов подчеркивает, что при работе со словесным материалом для описания концептов необходим онтологический подход, но наиболее продуктивным способом понимания концептов, с его точки зрения, является опора на гносеологические программы русских философов. СФК, развивающие в языке первоначальную идею, соотнесены с вещью, так что «…реализм русских философов (состоит. – *Д.Д.* и *Э.П.М.*) не только в признании ими связи внешних (идеи и вещи), но и внутренних (идеальных) их сущностей: концепта и его содержательных форм, которые совместно, концепт и содержательные формы его, воплощены в слове. Слово втягивает в себя и реальное, и действительное, и идею, и вещь, и концепт, и содержательные его формы. Слово вообще есть исходная точка философствования и конечная его цель (это поняли теперь и западные философы). Слово как Логос, но явленный в “человеческом слове”, и Логос как явленный концепт. Таким образом, представление о Преображении содержательных форм в границах концептуального квадрата приходится

восстанавливать исследовательским путем, а *т-нологический* разнобой – приводить к единству *т-нов* (чего, как уже ясно, в полной мере достичь невозможно)» [Колесов, 2007, с. 13–14]. Таким образом, проблема *т-нообразования* задается реалистскими представлениями о слове, но полностью решена может быть только с привлечением номинализма. Готовый *т-н*, дающий ясную дефиницию, всегда имеет искусственный характер.

При образовании *т-на* в теоретических науках используется в основном понятийная СФК; в нашей области, нацеленной на практические результаты, *т-нотворчество* происходит на основе образной СФК. *Т-н* в финансово-коммерческой сфере направляет конкретное действие или создает определенную оценку уже совершенного действия.

Ученые указывают на *т-нотворчество* как особую сферу человеческой деятельности. Из представлений реализма исходят следующие описания *т-на*: «элемент *т-нологии* (*т-носистемы*), представляющий собой совокупность всех вариантов фиксированного слова или устойчиво воспроизводимого словосочетания, выражающих профессиональное понятие, относящееся к некоторой специальной области деятельности» [Авербух, 1986, с. 46]; «слово или словосочетание… имеющее профессиональное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие, которое применяется в процессе (и для) познания и освоения некоторого круга объектов и отношений между ними под углом зрения определенной профессии» [Головин, 1995, с. 190]. Из представлений номинализма – следующие: «слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова, 1969, с. 474]; «знак какой-либо семиотической системы… соотнесенный с соответствующим понятием в системе какой-либо области знания» (Дианова, 1996, с. 15); «единица наименования в данной области науки и техники, которой приписывается определенное понятие и которая соотнесена с другими понятиями в этой области и образует вместе в ними т-нологическую систему» [Капанадзе, 1965, с. 80]; «слово (или словосочетание), языковой знак которого соотнесен (связан) с соответствующим понятием в системе понятий данной области науки и техники» [Климовицкий, 1995, с. 155]; «языковой знак (слово или словосочетание), соотнесенный со специальным понятием, явлением или предметом» [Татаринов, 1996, с. 157], наконец, с подчеркиванием искусственного, специального характера языка: «номинативная специальная лексическая единица (слово или словосочетание) специального языка» [Гринев, 1993, с. 33].

Если исходить из гносеологической перспективы реализма, то в описаниях первого типа можно отметить полный учет потенциальных возможностей общеупотребительного слова, но недостаток в собственной специфике *т-нообразования*; в описаниях второго типа, напротив, видна нацеленность на специальную сферу, требующую особых дефинитивных усилий при порождении *т-на* для обозначения нового понятия, но недостаток в описании его источника в области активного

словарного запаса общеупотребительного распространения. Ряд авторов подчеркивают важность включения конкретной идеи или имени в рамки понятий или названий соответствующей области профессиональной деятельности (Дианова, 1996); [Капанадзе, 1965; Климовицкий, 1995]. В лингвистической литературе также имеются определения, ограничивающие классификацию *т-на* конкретными типами существительных и связанными с ними словосочетаниями [Моисеев, 1970]. Подчеркивается, что *т-ны* должны состоять из общепринятых или нормативных слов [Кузькин, 1995]. Следовательно, установление дефиниций того или иного *т-на* опирается на оценки фундаментальности этого языкового образования. Эти определения подчеркивают определенные ключевые характеристики, по мнению ученых, которые отличают *т-н* как отдельный лексический элемент от слова, регулярно используемого в повседневном языке, или от *нетерминологического* выражения.

Описание различий между словом и *т-ном* [Татаринов, 1996, с. 158] требует воспроизведения традиционных критериев *т-на*. Соблюдение различения *т-на* и *нет-на*, а также критериев *т-нообразования* способствует развитию оптимальной знаково-понятийной системы (Будагов, 1995; Булаховский, 1995; Лотте, 1961; Терпигорев, 1953). Основными атрибутами, которые часто приписывают *т-ну*, являются его точность, краткость, отсутствие двусмысленности, простота создания производных *т-нов* и соответствие объекту внутри системы. Тем не менее некоторые лингвисты [Капанадзе, 1965; Кузькин, 1995; Моисеев, 1970; Татаринов, 1996] утверждают, что эта методология не позволяет выявить отличительные характеристики слова.

В 1939 г. среди ученых развернулись серьезные дискуссии по поводу высказывания Г.О. Винокура: «Вообще нужно сказать, что в роли *т-на* может выступать любое слово, как бы оно ни было тривиально, и что *т-ны* – это не особые слова, а только слова в особой функции» [Винокур, 1939, с. 5]. А.А. Реформатский [Реформатский, 1996] критикует ученого за то, что он ограничивает определение слова исключительно его номинативной функцией. По мнению В.А. Татаринова [Татаринов, 1996, с. 80], Г.О. Винокур акцентирует внимание лишь на отличительных особенностях номинативной функции, выраженной в *т-не*, в отличие от других классов слов.

Иную позицию относительно понятия «*т-н*» формулирует В.В. Виноградов, который, как и В.С. Виноградов, указывает на дефинитивную функцию как ключевую отличительную черту *т-нов*: «Слово исполняет или номинативную, или дефинитивную функцию, т.е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно – простой знак, или средством логического определения, тогда оно – научный *т-н*» [Виноградов, 1986, с. 20]. *Т-н* служит не только лингвистическим обозначением идеи, подобно регулярно употребляемому слову, – скорее само понятие приписывается рассматриваемому *т-ну* [Виноградов, 1986, с. 22]. Как видим, именно В.В. Виноградову удалось, исходя из реализма понимания слова, указать на принцип номинализма при *т-нообразовании*. В традициях В.В. Виноградова учение о *т-не* развивают А.И. Моисеев и В.М. Лейчик.

Категоризация слова до термина в литературном языке. По мнению В.М. Лейчика, общепринятое противопоставление *т-нов* «*т-н*» и «*слово*» неприемлемо из-за отсутствия контрастного отношения между этими единицами. Слово находится в отношении логического происхождения с *т-ном*. В пределах определенного естественного языка *т-н* происходит от лексической единицы, что делает ее основой *т-на* [Лейчик, 2007]. По Лейчику, наличие лексической основы можно увидеть в нескольких измерениях *т-на*, включая его фонематическое представление, его структуру словотворчества, его структурный состав с точки зрения содержания и его функциональную нагрузку: *т-н*, как и слово, выполняет несколько ролей, включая номинативную, сигнификативную, коммуникативную и прагматическую. Ученый опровергает представление о констатирующей цели фразы, соглашаясь с ранее высказанным утверждением А.И. Моисеева [Моисеев, 1970, с.129].

Обозначая новое понятие, *т-н* поясняет его отличительные характеристики. По мнению В.М. Лейчика, это можно выяснить в рамках теории специализированных языков, см. [Лейчик, 2007]. *Т-н*, как разновидность лексической единицы, обладает отличительным качеством производить категоризацию широкого понятия в любой области знаний и практики. Будучи составной частью *т-носистемы*, *т-н* демонстрирует характеристику значимой систематичности, указывающую на его тесную семантическую связь со всеми другими составляющими внутри *т-носистемы*. В процессе денотации слова получают свое значение из лексических компонентов и, следовательно, мотивируются ими. Формальная структура *т-нов* аналогична структуре лексических единиц, но в специализированных языках существуют особые методы построения слов, уникальные для этой области. *Т-ны* могут иметь определенную цель, известную как эвристика. С позиции В.М. Лейчика, языковым субстратом *т-на* считается лексическая единица внутри естественного языка. Более того, *т-н* рассматривается как таковой только тогда, когда он функционирует как лексическая единица в языке, специально созданном для специализированных целей.

Точки зрения на соотношение особых *т-носистем* и общего литературного языка сводятся к следующим.

1. Лексика литературного языка включает *т-ны* как отдельную категорию [Головин, Кобрин, 1987; Даниленко, 1977; Дианова, 1996; Капанадзе, 1965; Татаринов, 1996]. Этот подход обычно связывают с В.П. Даниленко [Даниленко, 1977]. Решение вопроса о соотношении *т-нологии* и общего литературного языка имеет решающее значение для эффективного решения современных *т-нологических* проблем. *Т-ны* всегда связаны с определенной *т-нологической* областью, в них нет двусмысленности, внутри своей области они строго систематизированы, их смысл можно передать исключительно посредством определения, которое в дальнейшем уточняется и конкретизирует смысловой объем. *Т-ны* – это относительно автономный компонент лексики внутри литературного языка, потому что: а) *т-нология* – это основной лингвистический механизм,

используемый в научном стиле более широкого литературного языка; б) она включает в себя использование слов и образцов словотворчества, заимствованных из преобладающего литературного языка, придерживается установленных грамматических правил, регулирующих словосочетания, и беспрепятственно работает в контексте *нет-нологической* лексики; в) *т-нология* и литературная лексика связаны между собой комплексными лингвистическими семантическими процессами, включающими полисемию, синонимию и омонимию.

Таким образом, сторонники этой точки зрения в научном сообществе не отвергают полностью явную автономию *т-нологического* словаря, а скорее подчеркивают его важное взаимодействие с более широким литературным языком.

2. *Т-ны* составляют отдельный сегмент лексики государственного языка, мало пересекающийся с литературным языком [Суперанская и др., 2012]. Специализированная *т-нология* является частью отдельного лексикона, подлежащего стандартизации, которая основана все же не на литературной правильности, а на продуктивной правильности, определяемой конкретной областью языка, а не нормами словоупотребления или словообразования в литературном языке. Изучение *т-нологии* с этой точки зрения очень ответственно и требует четкой методики, так как истинную сущность каждой фразы можно полностью постичь только в рамках ее специализированной т-нологии. *Т-нология* в этом случае не включается в качестве неотъемлемого компонента в литературный язык, а представляет собой отдельную область, регулируемую собственным сводом правил, которые иногда могут отклоняться от стандартов литературного языка [Суперанская и др., 2012].

3. *Т-ны* можно рассматривать как набор намеренно сконструированных символов, отличных от языковых единиц [Звегинцев, 1995]. *Т-ны* генерируются и поддерживаются внутри искусственно созданных контекстов, отличающихся от тех, которые встречаются в естественном языке. Следовательно, их невозможно анализировать только в рамках обычных слов. *Т-ны* обладают особыми характеристиками, которые отличают их от других слов языка и более тесно связывают их с сигналами. Они отличаются своей уникальностью, находятся на окраине национального языка и не занимают в нем заметного положения. Следовательно, *т-нологию* нельзя использовать как основу для всесторонней оценки сущности языка [Звегинцев 1995, с. 239].

Мы видим, что от первой к третьей точке зрения отход от реализма к номинализму усиливается. К первой точке зрения ближе теория *т-на* о. Павла Флоренского и собственно философская и математическая терминология [Козловская, 2012]. Всем известно, насколько труден для понимания и даже практического применения специалистами своего дела – юристами – круг юридических *т-нов*. Такая *т-нология* складывается, как правило, на основе второй точки зрения. Еще труднее понять *т-нологию* экономистов, которая, как представляется, формируется на основе третьей точки зрения. Сфера практических внешних финансово-коммерческих отношений захватывает собой как юридическую, так и экономическую область

и по этой причине представляет собой особую сложность. Номиналистская энергия еще более усиливается в условиях перевода на иностранный язык.

Примеры русско-персидского сопоставления терминообразования в финансово-коммерческой сфере. Русская философия реализма предлагает *методологию* исследования *т-на*, образованного по *методике* номинализма из естественным образом сформировавшегося лексического *материала*, представляющего собой производящие слова общеупотребительного языка, сложившиеся, вслед за идеями, как имеющие внешние звуковые формы, имена вещей[1].

1. Аванс (от фр. av-ance < av-ancer ‘продвигать, ссужать, авансировать’, ср. лат. *ab* ‘от, из’ и *ante* ‘впереди’)

پیش-پرداخت

(терминологическое сочетание *pish pardakht* состоит из двух частей: зависимого наречия ‘предварительно’ и главного слова *pardakht* ‘оплата’)

Клиенты чаще всего жалуются на невозвращение *аванса* при отказе от услуг фирмы (Ирина Бондаренко. Документы и факты // Биржа плюс свой дом (Н. Новгород). 2002.08.12).

مشتریان اغلب هنگام امتناع از خدمات شرکت، از عدم بازگشت **پیش‌پرداخت** شکایت می‌کنند.

…на невозвращение *залога* жалуются.

В русской традиции заключения сделок *за-лог* может пониматься и как аванс-предоплата, и как удостоверение серьезных намерений. Во втором случае особо оговаривается, возвращается ли он. Точным соответствием персидскому является *предоплата*, но понятие залога входит в соответствующее русское понятие. Персидский эквивалент более широкий по смыслу.

2. От-каз (от казати > отказати > отказ, отрицательный ответ, первоначально любой ответ)

رد

(*rad* – этот термин непроизводный в персидском)

Источники РБК daily, близкие к БЭМО, сообщили, что партнеры направили заявки во все госбанки, но получили *отказ* в предоставлении кредита без залога (Леонид Хомерики. Энергометаллургический залог (17.03.2009) // http://www.rbcdaily.ru/2009/03/17/tek/406261.shtml, 2009).

منابع نزدیک به RBC به BEMO گزارش دادند که شرکا درخواست‌های را به تمام بانک‌های ایالتی ارسال کردند، اما بدون وثیقه از دریافت وام خودداری شد.

…но без обеспечения в выдаче кредита было *отказано*.

3. *Коноса-мент* (от фр. *connaisse-ment* < *connaître* ‘знать’)

بار-نامه

(*bar-name*, *bar* ‘товар’ и *name* ‘письмо’, композит из двух существительных)

[1] Примеры терминообразования приводятся по материалам последних лет из НКРЯ. Для выявления «дурной» синонимии русских терминов применяется сопоставительный метод: дается перевод на персидский язык и обратный буквальный перевод на русский. При переводе использованы словари: (Восканян, 2008; Наджафов, 2000; Наджафов, 2001).

В каждом *коносаменте*, относящемся к каждой поставке Ваших товаров, Ваша компания указана как поставщик (Герман Садулаев. Таблетка (2008)).

در هر **باراننامه** مربوط به هر محموله کالای شما، شرکت شما به عنوان تأمین‌کننده ذکر شده است.

В каждой *товарорасписке,* относящейся…

Во втором русском термине *рас-пис-к-а*, восходящем к глаголу *писать*, лучше подчеркивается письменный характер документа.

4. *Третья сторона* (корень *-сторон//стран-*)

شخص-ثالث

(*shakhse sales*, сущ. *shakhs* ‘человек’ и порядковое числительное sales ‘третий’)

Но есть еще и скрытая, не афишируемая *третья сторона* (Руслан Григорьев. Открытый доступ // Знание-сила. 2014).

اما یک **شخص ثالث** پنهان و بدون تبلیغات نیز وجود دارد.

…скрытый *третий индивид* и не афишируемый.

Слово *shakhs* более официально в персидской стилистике и больше используется в письмах и документах, оно лучше подчеркивает персональную ответственность.

5. *Таможенная очистка* (от *таможня* < тюркск. *тамъг-а* ‘печать, клеймо’ и прил. *чист-ый* > *чист-ить* > *о-чистить*)

ترخیص-کالا-از-گمرک

(*tarkhis kala az gomrok*, сущ. *tarkhis* ‘растаможка’, сущ. *kala* ‘товар’, предлог *az* ‘из’, сущ. *gomrok* ‘таможня’)

Таможенная очистка для покупателя, даже имеющего льготы по указу, – дело неблагодарное (Рынок издательских систем (1996) // Коммерсантъ-Daily. 20.01.1996).

ترخیص کالا از گمرک برای یک خریدار، حتی کسی که از مزایای این فرمان بهره‌مند است، کاری بیهوده و بی‌ارزش است.

Таможенное оформление для покупателя…

В персидском выражении нет образа чистоты. *Таможенное оформление* в этом контексте означает документальную подготовку товаров. В отличие от примера 4, персидский эквивалент выглядит менее строгим, чем русский.

6. *Ассортимент* (от фр. *assorti-ment* ‘подбор’ < *assortir* ‘подбирать, сортировать’, связано с *сорт*)

مجموعه – کالا-ها

(*majmo kalaha*, сущ. *majmo* ‘коллекция’ и сущ. kalaha ‘товары’)

Это даст возможность розничным торговым предприятиям правильнее планировать *ассортимент* и размеры закупок и товарных запасов (Потребительские запасы – сущность и подход к анализу // Вопросы статистики. 2004).

این امر خرده‌فروشان را قادر می‌سازد تا مانده و اندازه خریدها و موجودی‌ها را با دقت بیشتری برنامه‌ریزی کنند.

…планировать *Коллекции* и размеры закупок и товарных запасов.

От лат. *col-lectio* ‘со-бирание’. В русском более подчеркивается разнообразие, в персидском – единство и гармония.

7. *Раз-реш-ение на экс-порт* (от *решать*, первоначально ‘развязывать’, *экспорт* от лат. *ex-* ‘из-’ и *portare* ‘носить, передвигать’, вывоз)

پروانه- صادرات

(*parvane saderat*, сущ. *parvane* ‘бабочка’, но в деловых тестах значит ‘разрешение, лицензия’ и сущ. *saderat* ‘экспорт’)

Особенно важен этот документ для «АЛРОСА» – она получит *разрешение на экспорт* алмазов, действующее 5 лет (Мария Игнатова. Путин не успел – рынок опоздал. «АЛРОСА» осталась без «длинных» денег (2002) // Известия. 04.12.2002).

این سند به ویژه برای شرکت آلروسا (ALROSA) که مجوز صادرات الماس با اعتبار ۵ سال را دریافت خواهد کرد، مهم است.

…получит *лицензию на экспорт* алмазов…

Латинский по происхождению термин *лицензия* имеет более официальный и формализованный вид, хотя означает то же. В персидском статус документа определен также точнее.

8. *Таможенная де-клар-ац-ия* (см. пример 5, ср. лат. *de-clarare* ‘за-являть’)

اظهار- نامه- گمرکی

(*ezhar name gomroki*, *ezhar* в персидском самостоятельное слово, на русский не переводится, сущ. *name* ‘письмо’, сочетание *ezhar name* значит ‘за-явление’, *gomroki* ‘таможенный’)

Однако *таможенная декларация* – это документ не перевозчика, а собственника товара (Евгений Толстых. Дальнобойщики (2003) // Совершенно секретно. 03.04.2003).

با این حال، اظهارنامه گمرکی سندی از طرف شرکت حمل و نقل نیست، بلکه سندی از طرف صاحب کالا است.

Однако *таможенное заявление* – это…

Отношение между терминами *заявление* и *декларация* то же, что между *разрешение* и *лицензия* (пример 7), но здесь персидскому термину лучше соответствует русское по происхождению слово, таким образом, межъязыковые отношения здесь обратные по сравнению с примером 7.

9. *Страх-ов-ой пол-ис* (от *страх* и др.-греч. πόλις ‘город, государство’, новое значение – через итал. *polizza*)

بیمه-نامه

(*bime-name*, сущ. *bime* ‘страховка’ и *name* – это сущ. и значит, ‘письмо’ и слово *полис* никак не переводится на персидский)

На основании его оценок и лишь если компания окажется «чистой», будет выписываться *страховой полис* (Европейский форум бухгалтеров // Бухгалтерский учет. 2003.06.16).

بر اساس ارزیابی‌های او و تنها در صورتی که شرکت «چیستا» تشخیص داده شود، بیمه‌نامه صادر خواهد شد.

…будет выписываться *страховое письмо*.

Термин *полис* устоялся как интернационализм в связи с развитием европейской системы страхования. В иранской традиции страховой документ не отделяется настолько резко от других.

10. *Роз-н-ица* (ср. *раз-н-ый*, *в розницу* – не *оптом*)

خرده-فروشی-

(*khordeh foroshi*, сущ. *khorde* ‘маленькое’ и прил. *foroshi* ‘то, что продается’)

У них нет *розницы*, но подписка может стоить 60 копеек! (Дмитрий Волков, Владимир Сунгоркин. Кухня управляемой демократии // Отечественные записки. 2003).

آن‌ها خرده فروشی ندارند، اما هزینه اشتراک می‌تواند ۶۰ کوپک باشد!

У них нет *продажи в розницу*…

Русский термин *розница* специализировался на видовом понятии. Персидская терминосистема содержит возможность сочетания наименования родового понятия и видового, этим сочетанием вполне адекватно можно передать значение и смысл русского однословного термина.

Заключение

1. *Т-н* представляет собой междисциплинарный феномен, сочетающий в себе языковую, когнитивную и культурную составляющие.

2. Универсальная дефиниция *т-на* невозможна, так как его свойства (точность, однозначность, системность, нейтральность) проявляются по-разному в зависимости от контекста и от сферы применения.

3. Русская философия реализма рассматривает общеупотребительное слово как выражение объективной идеи, на основе которой за счет научной рефлексии с применением номинализма формируется *т-н*. Практика перевода требует учета номиналистического подхода, при котором *т-н* понимается как искусственная номинация со своей дефинитивной силой.

4. В финансово-коммерческой *т-нологии* русского и персидского языков выявлены различия в морфемной, синтаксической (в случае *т-нологического* сочетания) структуре и семантической мотивации, что обусловливает необходимость дополнительных переводческих стратегий.

5. *Т-нообразование* следует рассматривать как особый вид языкового творчества, обеспечивающий формирование и развитие научной картины мира.

6. Установление дефиниции термина возможно только с учетом его системных связей внутри конкретной терминологической системы, а также культурно-языковой специфики.

7. Методика обратного перевода позволяет выявить важные дефинитивные признаки близкозначных русских *т-нов* и избежать неуместной синонимии.

Список источников

1. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. Изд. 3-е, стер. М.: Русский язык, 1986. 448 с.

2. Восканян Г.А. Русско-персидский словарь: ок. 30 000 слов. М.: АСТ: Восток – Запад, 2008. 865 с.
3. Дианова Г.А. Термин и понятие: проблемы эволюции (к основам теоретического терминоведения): автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1996. 47 с.
4. Наджафов Г.Г. Русско-англо-персидский внешнеэкономический словарь. М.: Афина, 2000. 624 с.
5. Наджафов Г.Г. Персидский язык. коммерческая корреспонденция и документация. М.: Муравей-Гайд, 2001. 304 с.
6. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 12.09.2025).

Библиографический список

1. Авербух К.Я. Терминологическая вариантность: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 38–49.
2. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высшая школа, 1977. 276 с.
3. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М.: Добросвет, 2000. 544 с.
4. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Харьков: Радянська шк., 1935. 248 с.
5. Виноградов В.В. О понятии термина // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 18–25.
6. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
7. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФ ЛИ. 1939. Т.5. С. 3–54.
8. Герд А.С. Основы научно-технической лексикографии. Л.: ЛГУ, 1986. 72 с.
9. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
10. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М.: Московский Лицей, 1993. 309 с.
11. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 245 с.
12. Звегинцев В.А. Проблема знаковости языка // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения: в 3 т. Т 2: Направления и методы терминологических исследований: Очерк и хрестоматия. М.: Московский Лицей, 1995. Кн. 1. С. 234–239.
13. Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965. С. 75–85.
14. Климовицкий Я.А. Некоторые методологические вопросы работы над терминологией науки и техники // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения: в 3 т. Т 2: Направления и методы терминологических исследований: Очерк и хрестоматия. М.: Московский Лицей, 1995. Кн. 1. С. 154–168.

15. Козловская Н.В. Термин в философской интерпретации Павла Флоренского // Мир русского слова. 2012. № 3. С. 55–63.
16. Колесов В.В. Реализм и номинализм в русском философии языка. СПб.: Logos, 2007. 384 с.
17. Комарова Л.Н. О терминологической лексике в словаре иностранных слов: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л.: Наука, 1976. 314 с.
18. Кузькин Н.П. К вопросу о сущности термина // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения: в 3 т. Т 2. Направления и методы терминологических исследований: Очерк и хрестоматия. М.: Московский Лицей, 1995. Кн. 1. С. 250–259.
19. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
20. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: вопросы теории и методики. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 272 с.
21. Милуд М.Р. Терминология информатики. Состояние и перспективы развития. М.: ИНФРА М., 2023. 110 с.
22. Моисеев А.И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 127–138.
23. Немченко В.Н. Введение в языкознание. М.: Дрофа, 2008. 704 с.
24. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
25. Суперанская А.В., Подольская Н.В., и др. Общая терминология: вопросы, теории / отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 248 с.
26. Татаринов В.А. Теория терминоведения: в 3 т. М.: Московский Лицей, 1996. Т. 1: Теория термина: История и современное состояние. 311 с.
27. Терпигорева В.Н. Общая теория терминологических систем. Изд-во АН СССР. М., 1953. 30 с.
28. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990.
29. Фогель А.Б. К вопросу об определении понятий «термин» и «терминология» // Вісник Запорізького державного університету. 2000. № 1. С. 1–6.

Сведения об авторах

Демидов Дмитрий Григорьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: demidoffs@rambler.ru

Парвизи Могаддам Элхам – аспирант кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: st103133@student.spbu.ru

TERM FORMATION FROM THE POINT OF VIEW OF RUSSIAN REALISM AND RUSSIAN-PERSIAN COMPARISONS IN THE SPHERE OF TRADE AND FINANCE

D.G. Demidov (Saint-Petersburg, Russia)
Parvizi Moghaddam Elham (Saint-Petersburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. This paper analyzes the concept of the term from the perspectives of linguistics, logic, and philosophy. Special attention is paid to definitions of the term in the works of Russian scholars (B.N. Golovin, V.P. Danilenko, V.M. Leichik, A.V. Superanskaya, V.V. Vinogradov, et al.) and to their methodological bases. A term is formed by intellectual effort within the framework of philosophical nominalism, but it is rooted in an everyday word that developed under conditions of realism and underwent categorization; therefore, a term functions not only as a linguistic unit but also as an element of scientific cognition reflecting the relation of nominative, significative, and definitive functions.

The tradition of Russian philosophical realism constitutes the article's *methodological foundation*. The properties of terms are especially prominent in interlingual communication; therefore, the practical part of the study is devoted to comparing Russian and Persian financial-commercial terms to identify differences in their morphemic structure, semantic motivation, and conceptual organization. The study applies a technique for detecting 'bad' synonymy through back-translation, which demonstrates the limits of nominalism.

Research results. The research findings indicate that successful translation of terms is possible only when both the ontological bases of a term and its pragmatic function in intercultural interaction are taken into account. In complex cases, translation requires additional commentary to prevent communicative conflict.

Conclusions. The nature of term formation becomes clear from the standpoint of Russian philosophical realism. Comparison with the Persian tradition of term formation in the financial-commercial sphere reveals relevant definitive features of Russian terms and helps avoid dangerous synonymy in Russian intra- and intercultural business communication.

Keywords: *term, definition, terminological system, term formation, semantics, realism, nominalism, philosophy of language, translation, intercultural communication, Russian-Persian terminology, financial and commercial vocabulary.*

Abstracts and sources

1. Akhmanova O.S. Dictionary of homonyms of the Russian language / Ed. 3rd, erased. Moscow: Russian language, 1986, 448 p.
2. Voskanyan G.A. Russian-Persian dictionary: about 30 000 words. Moscow: AST: Vostok – Zapad, 2008, 865 p.
3. Dianova G.A. Term and concept: problems of evolution (to the basics of theoretical terminology): Author's abstract. dis. doc. Philol. Sci. Moscow, 1996, 47 p.

4. Najafov G.G. Russian-English-Persian foreign economic dictionary. Moscow: Athena, 2000, 624 p.
5. Najafov G.G. Persian commercial correspondence and documentation. Moscow: Ant-Hyde, 2001, 304 p.
6. NKRYa – National Corpus of the Russian Language. URL: https://ruscorpora.ru/ (access date: 12.09.2025).

References

1. Averbukh KYa. Terminologicheskaya variantnost: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty [Terminological Variation: Theoretical and Applied Aspects] *In: Voprosy yazykoznaniya [Problems of Linguistics]*. Moscow, 1986, 6, 38–49.
2. Arnold I.V. *Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike [Fundamentals of Scientific Research in Linguistics]*. Moscow, Vysshaya shkola, 1977, 276 p.
3. Budagov R.A. *Vvedeniye v nauku o yazyke [Introduction to the Science of Language]*. Moscow: Dobrosvet, 2000, 2002, 544 p.
4. Bulakhovskiy L.A. *Kurs russkogo literaturnogo yazyka [Course of Russian literary language]*. Kharkov, Radyanska shk. 1935, p. 248.
5. Vinogradov V.V. O ponyatii termina [On the concept of term]. *In: Voprosy yazykoznaniya [Problems of Linguistics]*. Moscow, 1986, 1, 18–25.
6. Vinogradov V.S. Vvedeniye v perevodovedeniye (obshchiye i leksicheskiye voprosy) *[Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues)]*. Moscow: Publishing house of the institute of general secondary education RAO, 2001, 224 p.
7. Vinokur G.O. O nekotorykh yavleniyakh slovoobrazovaniya v russkoy tekhnicheskoy terminologii [On some phenomena of word formation in Russian technical terminology] *In: ... [Proceedings of MIF LI.]*. Moscow, 1939, Vol. 5, 3–54.
8. Gerd A.S. *Osnovy nauchno-tekhnicheskoy leksikografii [Fundamentals of scientific and technical lexicography]*. Leningrad: Leningrad State University, 1986, 72 p.
9. Golovin B.N., Kobrin R.Yu. *Lingvisticheskiye osnovy ucheniya o terminakh [Linguistic foundations of the doctrine of terms]*. Moscow, Higher School, 1987, 104 p.
10. Grinev S.V. *Vvedeniye v terminovedeniye [Introduction to terminology]*. Moscow, Moscow Lyceum, 1993, 309 p.
11. Danilenko V.P. *Russkaya terminologiya. Opyt lingvisticheskogo opisaniya [Russian terminology. Experience of linguistic description]*. Moscow, Nauka, 1977, 245 p.
12. Zvegintsev V.A. *Problema znakovosti yazyka [The problem of symbolic language In: Tatarinov V.A. History of domestic terminology: in 3 volumes. Volume 2. Directions and methods of terminological research: Essay and reader]*. Moscow, Moscow Lyceum, 1995, Book 1, 234–239.
13. Kapanadze L.A. *O ponyatiyakh «termin" i «terminologiya" [On the concepts of "term" and "terminology"] In: ... [Development of vocabulary of the modern Russian language]*. Moscow, Nauka, 1965, 75–85.

14. Klimovitsky Ya.A. Nekotoryye metodologicheskiye voprosy raboty nad terminologiyey nauki i tekhniki [Some methodological issues of work on the terminology of science and technology] *In: Tatarinov V.A. ...[History of domestic terminology: in 3 volumes. Volume 2. Directions and methods of terminological research: Essay and anthology]*. Moscow, Moscow Lyceum, 1995. Book 1, 154–168.
15. Kozlovskaya N.V. Termin v filosofskoy interpretatsii Pavla Florenskogo [Term in the philosophical interpretation of Pavel Florensky] *In: ...[The World of the Russian Word]*. 2012, No. 3, 55–63.
16. Kolesov V.V. *Realizm i nominalizm v russkom filosofii yazyka [Realism and nominalism in the Russian philosophy of language]*. St. Petersburg: Logos, 2007, 384 p.
17. Komarova L.N. *O terminologicheskoy leksike v slovare inostrannykh slov: Problematika opredeleniy terminov v slovaryakh raznykh tipov [On the terminological vocabulary in the dictionary of foreign words: Problems of definitions of terms in dictionaries of different types]*. Lenangrad: Nauka, 1976, 314 p.
18. Kuzkin N.P. K voprosu o sushchnosti termina [On the Question of the Essence of the Term] *In: Tatarinov V.A. Istoriya otechestvennogo terminovedeniya: v 3 t. T 2. Napravleniya i metody terminologicheskikh issledovaniy: Ocherk i khrestomatiya [History of Russian Terminology: in 3 volumes. Volume 2. Directions and Methods of Terminological Research: Essay and Reader]*. Moscow, Moscow Lyceum, 1995. Book 1, 250–259.
19. Leychik V.M. *Terminovedeniye: predmet. metody. struktura [Terminology: Subject, Methods, Structure]*. 3rd ed. Moscow: LKI Publishing House, 2007, 256 p.
20. Lotte D.S. *Osnovy postroyeniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii: voprosy teorii i metodiki [Fundamentals of constructing scientific and technical terminology: issues of theory and methodology]*.Moscow: Publishing Akademii nauk SSSR, 1961, 272 p.
21. Milud, M.R. *...[Terminology of Informatics. State and Development Prospect]*. Moscow, INFRA, 2023, 110 p.
22. Moiseev A.I. O yazykovoy prirode termina [On the linguistic nature of the term] *In: Lingvisticheskiye problemy nauchno-tekhnicheskoy terminologii [Linguistic problems of scientific and technical terminology]*. Moscow, Nauka, 1970, 127–138.
23. Nemchenko V.N. *Vvedeniye v yazykoznaniye [Introduction to linguistics]*. Moscow, Drofa, 2008, 704 p.
24. Reformatsky A.A. *Vvedeniye v yazykovedeniye [Introduction to linguistics] / Ed. V.A. Vinogradov*. Moscow, Aspect Press, 1996, 536 p.
25. Superanskaya A.V., Podolskaya N.V. et al. *Obshchaya terminologiya: voprosy. Teorii [General terminology: issues, theories]* / Ed. Kandelaki T.L., 6th ed. Moscow, LIBROKOM, 2012, 248 p.
26. Tatarinov V.A. *Teoriya terminovedeniya: V 3 t. T. 1. Teoriya termina: Istoriya i sovremennoye sostoyaniye [Theory of Terminology: In 3 volumes. Volume 1. Theory of the term: History and current state]*. Moscow, Moscow Lyceum, 1996, 311 p.

27. Terpigoreva V.N. *Obshchaya teoriya terminologicheskikh sistem [General theory of terminological systems].* publishing AN SSSR. Moscow, 1953. 30 p.
28. Florensky P.A. *Stolp i utverzhdeniye istiny [The Pillar and Approval of Truth]*. Moscow, Pravda, 1990, 130 p.
29. Fogel A.B. K voprosu ob opredelenii ponyatiy «termin» i «terminologiya» [On the Definition of the Concepts "Term" and "Terminology"] *In: Visnik Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu [Bulletin of Zaporizhzhya State University]*, 2000, 1, 1–6.

About the authors

Demidov, Dmitrii G. – DSc (Philology), Professor, Russian Language Department, Saint Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: demidoffs@rambler.ru

Parvizi Moghaddam Elham – PhD Candidate, Department of Russian Language for Humanities and Natural Sciences Faculties, Saint Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: st103133@student.spbu.ru)

УДК 811.161

СИБИРСКИЙ ГОРОД XIX в. И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ЗАПИСКАХ ШВЕЙЦАРСКОЙ ПОДДАННОЙ О. РИТТЕНЕР

Т.В. Тарасенко (Красноярск, Россия)
Е.В. Осетрова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Интерес к сибирскому городу как выделенному научному объекту очевиден, что подтверждают труды в различных областях современного знания. На этом общенаучном фоне особую исследовательскую привлекательность представляют заметки рядовых путешественников, демонстрирующих частные представления о том же объекте и одновременно являющихся носителями обыденной картины мира; последняя, в свою очередь, участвует в формировании общекультурного образа всякой эпохи. Авторы статьи предлагают расширить и специфицировать понимание одной из таких эпох, обратившись к анализу текстового материала, который концентрирует впечатления о Сибири конца XIX в., свойственные посетившему ее иностранцу.

Цель лингвистического анализа – выявление специфики языкового представления сибирского города конца XIX в., репрезентированного в частных письмах швейцарской подданной Олимпии Риттенер.

Обзор научной литературы по выбранной теме показал, что город определен как важнейшая составляющая современного культурно-цивилизационного ландшафта, а сведения о нем и его «образах» сосредоточены в самых разных научных областях: культурологии и филологии, истории и социологии, географии и экологии и пр. Особым типом в данном контексте обсуждения следует признать сибирский город.

Методология исследования основана на принципах и положениях нарративной семиотики.

Материал исследования – заметки Олимпии Риттенер, швейцарской учительницы, гувернантки детей красноярского золотопромышленника А.П. Кузнецова, которые она оформляла в жанре письма во время своего путешествия из Швейцарии в Сибирь, а после – в период пребывания в Красноярске. Эти письма, адресованные родным и знакомым, впервые опубликованы осенью 1884 г. в газете «Демократ» швейцарского города Пайерна; в русском переводе они вышли в 2020 г.

В результате показано, что «личностный» образ сибирского города конца XIX в., отраженный в текстах швейцарской провинциалки, в целом содержательно совпадает с типовым образом сибирского города, репрезентированным в трудах представителей российской научной и культурной элиты того времени.

Выводы. И научный, и «наивный» взгляд заинтересованного наблюдателя на анализируемый объект заставляют, в частности, выделять в качестве его очевидных внешних характеристик «обделенность деньгами и культурой»: неблагоустроенность городского быта, слабое уличное освещение, бедную архитектуру. Одновременно с этим жанр писем-заметок демонстрирует динамику меняющихся культурных представлений, норм и ценностей их автора, сформированных до поездки – в отношении обобщенного образа (европейского) города – и формирующихся «здесь» и «сейчас» – в отношении нового (сибирского) городского объекта. О. Риттенер, которая на первом этапе своего пребывания в России воспринимает сибирские города как «чужие», освоившись затем в Красноярске, принимает его, начинает воспринимать это пространство как вполне освоенное, более того, «свое», наполненное особой экзотической красотой.

Ключевые слова: *сибирский город, восприятие, образ, репрезентация, оценка, письма, травелог, нарративная семиотика.*

Постановка проблемы. Интерес к сибирскому городу как выделенному научному объекту очевиден, что подтверждают современные труды специалистов в области филологии, истории, культурологии, социологии и др. [Головнева, 2017; Айзикова, 2020; Васильева, Виноградова, 2022; Клевакин, 2008; Степаненкова, 2023]. На этом общенаучном фоне особую исследовательскую привлекательность представляют заметки рядовых путешественников, демонстрирующих частные представление о том же объекте и одновременно являющихся носителями обыденной картины мира; последняя, в свою очередь, участвует в формировании общекультурного образа всякой эпохи. Авторы статьи предлагают расширить и специфицировать понимание одной из таких эпох, обратившись к анализу текстового материала, который концентрирует впечатления о Сибири конца XIX в., свойственные посетившему ее иностранцу.

В центре внимания авторов данной статьи – письма швейцарской подданной Олимпии Риттенер, которые она писала во время своего переезда в Сибирь в качестве приглашенной гувернантки детей красноярского золотопромышленника. Они содержат типичные для путешественника описания и обширные комментарии относительно встречающихся по пути следования крупных населенных пунктов: европейский город – российские столичные города – сибирские города. Иными словами, рассказ о путешествии является своеобразным тревел-текстом конца XIX в. и может быть проанализирован как нарративная история.

Обоснованность выбранной точки зрения подтверждают рассуждения Л.М. Гончаровой, в границах которых описаны характерные признаки травелога: «Тревел-текст появляется в результате путешествия, совершенного автором, в нем представлены описание поездки и полученные от нее впечатления. Автор стремится зафиксировать и передать не только последовательность маршрута и увиденные объекты, но и культурные коды и национальные стереотипы, креолизованные элементы этно- и межкультурной коммуникации. Тревел-тексты становятся результатом взаимодействия автора с окружающим миром, отражением культурных ценностей в процессе восприятия и постижения им национально-культурного опыта страны. Адресат тревел-текстов, воспринимая информацию о путешествиях, странах, этносах и пр., одновременно изучает новые культуры, вычленяя для себя ценностные характеристики и социальные нормы инокультур, которые необходимо осознать, сопоставить с собственными взглядами, установками и пр. и, как результат, принять или не принять» [Гончарова, 2020, с. 218].

Цель лингвистического анализа – выявление специфики языкового представления сибирского города конца XIX в., репрезентированного в частных письмах швейцарской подданной Олимпии Риттенер.

Обзор научной литературы. «Восприятие города», не только прямое и непосредственное [Лебина, 2021], но и его образы, глобальные и более частные (например, «ономастические портреты» [Шмелева, 2020]), являются важнейшими составляющими современного культурно-цивилизационного ландшафта. Эти образы создаются как отдельными социумами, так и отдельными личностями

и впоследствии начинают формировать «новое восприятие реального города» [Культурные…, с. 16]. Д.А. Алисов поддерживает идею А.М. Лолы о создании единой науки о городе и единой теории «Градоведение», в которой среди таких направлений, как «экономика города и предпринимательство», «стратегическое планирование развития города и его агломераций», «информациология города и региона», будет и «психология восприятия городской среды» [Лола, 2021].

Особым типом в данном контексте обсуждения следует признать сибирский город, которому посвящено немало современных литературоведческих исследований, вводящих в оборот разнообразный и интересный текстовый материал. В.И. Габдуллина анализирует образ сибирского города, представленный в текстах Ф.М. Достоевского [Габдуллина, 2016]. И.А. Айзикова, в центре внимания которой около 200 очерков сибирского историка и этнографа Н.А. Кострова (1823–1881), автора множества трудов по истории, социологии, этнографии Сибири, посвященных Минусинску, Томску, Барнаулу и т.д., реконструирует образ сибирского города, находящегося «в процессе сложного развития, более или менее успешного и динамичного. История того или иного города органично дополняется описанием их настоящего статуса и состояния» [Айзикова, 2020, с. 186]. Публицистические работы общественного деятеля второй половины XIX в. В.В. Берви-Флеровского (1829–1918), посвященные Тюмени, Томску, Кузнецку, Красноярску, рассмотрены в статье З.В. Степаненковой с целью выявить образ «города начала 1860-х гг., сложившийся у В.В. Берви-Флеровского в ходе его знакомства с территорией Сибири» [Степаненкова, 2023, с. 31].

Красноярск, один из крупнейших промышленных центров России, в его «художественном обрамлении» интересует И.Ю. Кудинову, обращающуюся к творчеству современных сибирских писателей, В.П. Астафьева, Э.М. Русакова, А.М. Буровского, Р.Х. Солнцева [Кудинова, 2012]. Не менее важные результаты демонстрирует исследование ассоциативного восприятия Красноярска его рядовыми жителями [Дроздова, Михайлова 2025].

Авторы последней из названных работ поддерживают понимание того, что феномен сибирского города выделен как специфический объект в самом широком научном контексте. В настоящее время проводятся исследования, посвященные его истории [Клевакин, 2008; Стась, 2016], экологической проблематике [Агафонова, 2014], культурному облику [Культурные…, 2020], бытописанию населения [Жидченко, Рыженко, 2005], частным аспектам языка [Подберезкина, Трапезникова, 2009] различных сибирских городов.

Материалом исследования являются заметки Олимпии Риттенер, швейцарской учительницы, гувернантки детей красноярского золотопромышленника А.П. Кузнецова, которые она оформляла в жанре письма, путешествуя из Швейцарии в Сибирь, а после – в период своего пребывания в Красноярске. Письма, адресованные родным и знакомым, впервые публикуются с 10 сентября по 12 ноября 1884 г. в газете «Демократ» швейцарского города Пайерна. С этого момента круг их читателей значительно расширяется, включая жителей

швейцарского города Пайерна, а после и читателей-европейцев. Уже в XXI в. Шарлотта Германн, племянница О. Риттенер, дает согласие на публикацию в России своей книги, в основу которой положены названные тексты; они переводятся на русский язык, проходят редакционную подготовку с участием сотрудников Красноярского краевого краеведческого музея и издаются под названием «От Пайерна до Красноярска: Путешествие молодой жительницы из Пайерна в 1883 г.» [Германн, 2020, с. 19].

Методология исследования основана на принципах и положениях нарративной семиотики (подробнее см.: [Тичер и др., 2017, с. 172–184]). По мнению зарубежных ученых, этот метод применим к анализу нарративного и биографического контекста, а также направлен на выявление его глубинных структур, ценностей и норм, лежащих в основе излагаемой автором истории [Тичер и др., 2017, с. 183]. В нашем случае нарративно-семиотический подход позволяет не только выявить житейские ценности и нормы швейцарской гувернантки, отраженные в ее частных письмах-заметках о Сибири, но и проследить динамику их изменения и развития.

Ход и результаты исследования. Осенью 1883 г. Олимпия Риттенер начинает свое путешествие из швейцарского города Пайерн в Красноярск с целью занять место гувернантки детей красноярского золотопромышленника А.П. Кузнецова. Путешествие длится около полутора месяцев. Свою поездку, впечатления от увиденного, опыт жизни в одном из сибирских городов она описывает в письмах к родным.

Описание городов дано в письмах в соответствии с реалиями пространственно-временных координат маршрута: европейский город – российские столичные города – сибирские города. Путешественница едет из Пайерна через Франкфурт по железной дороге до Петербурга и Москвы, часть пути до Перми совершает на пароходе по Волге, после на поезде до Екатеринбурга, далее на тарантасе до Тюмени, вновь на пароходе по Иртышу и по Оби до Тобольска, затем посещает Томск и наконец на тарантасе и телеге добирается до Красноярска. Таким образом, в записках описаны все виды транспорта, доступные путешественнику того времени.

Показательно, что автор исследуемых писем отталкивается при описании увиденного по дороге в Сибирь от исходных представлений о «своем» пространстве – типичном небольшом провинциальном европейском городе.

Сопоставление полученных во время путешествия непосредственных впечатлений с обозначенными выше усредненными представлениями может выражаться в итоговой положительной оценке. Так, прибыв во Франкфурт, путешественница вдохновенно описывает поразившую ее красоту витрин цветочных магазинов: *Я с любопытством рассматривала витрины, как настоящая провинциалка; цветочные магазины меня особенно заинтересовали. Я еще никогда не видала такого изобилия цветков столь свежих и таких ослепительных цветов!* [Германн, 2020, с. 20]. Особыми переживаниями сопровождается и созерцание

памятников Гуттенбергу и Гете: *Гете для меня являлся самым великим олицетворением гения Германии. Я робко подняла глаза к этой величественной фигуре, взгляд которой я старалась уловить. Взгляд, казалось, властвует над людьми и событиями, и я почувствовала себя сильнее* [Германн, 2020, с. 21].

Следующим по пути крупным европейским городом, во многом совпадающим с представлениями автора о «своем» пространстве, становится Санкт-Петербург, в котором она проводит пять дней. Город поражает Олимпию не только прекрасной архитектурой зданий и соборов, широкими улицами и проспектами, музеями и памятниками, но и интенсивным движением, двухэтажными конками. Смешение оценок и эмоций, нередко противоположных по своей природе, ощутимо в соответствующих комментариях: *Я была охвачена чувством ужаса, глядя на многочисленные экипажи, которых я едва ли могла бы избежать, и ошеломлена, как провинциалка, звуками иностранного языка, надписями варварского характера над магазинами и восточным колоритом, доминирующим в центре этой европейской цивилизации* [Германн, 2020, с. 23].

Москва в описании швейцарки уже в меньшей степени соответствует представлениям о европейском городе: *Московские улицы имеют ясно выраженную неправильную форму, большинство из них немощеные, построенные без вкуса. Красивые здания затмеваются другими, весьма невзрачными. Пыль – невыносимая* [Там же, с. 28].

Остановимся более подробно на сибирской части маршрута О. Риттенер, поскольку считаем это важным для понимания динамично меняющихся представлений и ориентиров ее индивидуальной картины мира. Однако предварим данный анализ отсылками к типичным характеристикам сибирского города, репрезентированным в трудах представителей российской научной и культурной элиты того времени.

А.Н. Клевакин, новосибирский историк, специалист в области градостроительства, так обосновывает сложности подобных путешествий: «Сибирские земли традиционно относились к провинции. В соответствии с классическими представлениями под провинцией (vinco) понималась территория, управляемая извне. <...> Огромные пространства Сибири охватить центральной властью было чрезвычайно трудно. Тем более тяжело оказывалось поддерживать цивилизованный порядок. Вот почему глубинка в качестве составной части провинциальности оставалась объективной реальностью, несмотря на смену эпох и течение времени. Сибирская глубинка – это место предельной оставленности, куда ссылали непокорных. Оставленность провинции и глубинки существует как “качество пространства” и выражается в обделенности тремя ресурсами: деньгами, властью, культурой. На это накладывается еще один фактор – особое устройство российской дорожной сети. Горизонтальных связей между населенными пунктами у нас практически не было. Дороги из пункта А в пункт Б равной значимости пролегали, как правило, через пункт В, который является иерархически более высоким уровнем. Между двумя деревнями самый удобный

проезд – через райцентр, между райцентрами – через город. Исключения, конечно, есть, но в целом иерархически организованная дорожная сеть поддерживала провинциальность» [Клевакин, 2008, с. 6–8].

О. Риттенер в ходе поездки видит почти все города Сибири, описанные в трудах видного общественного деятеля второй половины XIX в. В.В. Берви-Флеровского: Тюмень, Тобольск, Томск и Красноярск. Они «соединены большими дорогами, по которым во всякое время года можно проехать на тройке» [Флеровский, 1958, с. 395].

Показательно, что в заметках швейцарской путешественницы эти крупные сибирские населенные пункты представлены как несоответствующие ее представлениям о европейском городе – средоточии культурных ценностей и образце комфортной среды. Описание сибирских городов представлено как «описание того, чего нет, но должно быть».

Одной из главных культурных ценностей для О. Риттенер как жительницы Европы является городская архитектура. «Архитектура (лат. Architectura, от греч. Architecton – строитель, зодчество) – искусство проектировать и строить здания в соответствии с заранее намеченными целями и проектом, отвечающим техническим возможностям и эстетическим критериям местного коллектива (поселка, города, страны). Как вид искусства входит в сферу духовной культуры, эстетически формирует окружение человека, выражает общественные идеи в художественных образах» [Культура…, 2003, с. 109].

Прямое описание «архитектурного идеала» города в заметках швейцарской учительницы отсутствует. Однако наличие этого идеала и его ценностное содержание улавливаются в пресуппозитивной части текста, когда она фиксирует отсутствии у сибирского города какой-либо из нормативных характеристик города европейского.

Например, в записях о Екатеринбурге объектом негативной, усиленной иронией оценки становятся малая этажность зданий и ощутимая пустота пространства – отсутствие признаков активной социальной жизни: *Город расположен на берегу маленькой реки. Он имеет довольно-таки хороший вид издалека, но это благоприятное впечатление стирается, когда находишься в центре города. Самые высокие дома – двухэтажные. Обычно они состоят только из одного этажа. Можно подумать, что дома построены для какого-нибудь лилипутского племени. Город казался бы мертвым, если бы не встречались домашняя птица в изобилии и корова, щиплющая свободно сочную траву* [Германн, 2020, с. 33].

В заметках о Тюмени вновь внимание сосредоточено на городских видах, однако акцент сделан уже на фактуре строений. Однообразная деревянная архитектура, по мнению О. Риттенер, больше характеризует деревню, чем город; ср. следующие фрагменты: *Тюмень выглядит как большая, вызывающая отвращение деревня. Все дома построены в одном стиле, нужно быть очень внимательным, чтобы их отличить один от другого. Архитектура домов очень проста. Сруб дома строится из березовых стволов, распиленных в длину пополам почти*

под прямым углом, затем стволы кладут один на другой. Щели между ними заполняют мхом и известковым раствором. Жители выпиливают пилой проемы для дверей и окон, выбирая места по своему желанию [Германн, 2020, с. 42]; и: *Гимназия в Тюмени расположена в красивом здании, жалкое окружение которого подчеркивает его великолепие. Можно подумать, увидев его, что это одинокий великан среди собрания гномов* [Там же, с. 48].

Впрочем, в Тобольске швейцарка несколько смягчает критичность собственной экспертной квалификации: *Мы прибыли к Тобольску к одиннадцати часам вечера (семнадцатого сентября). <…> С палубы парохода я заметила совсем рядом с портом несколько зданий довольно хорошего вида* [Там же, с. 51]. О Томске же сказано, только то, что это *торговый город, который мне не понравился, так как расположен в очень однообразной местности, опасной для здоровья* [Там же, с. 61].

Кроме архитектуры, путешественница обращает особое внимание на такую характеристику, как комфортность городской среды. Во всех сибирских городах на улицах нет каменных тротуаров, вследствие чего пыль – основной признак всех городов: *У меня нет нужды говорить, что пыль здесь невыносимая, потому что после выезда из Москвы мы больше не встречали городов с мощеными улицами* [Там же, с. 32]; или: *Я была одета, как и положено в тарантасе: плохо сидящее платье, криво лежащая шаль, которая постоянно спадала в небрежные складки; галстук, который был белым, но за полчаса в тарантасе стал черным… почерневшее лицо от пыли <…>. Мои спутницы так же были малопрезентабельны, как и я. В Пайерне можно было бы принять [нас] за цыган, и зеваки толпились бы вокруг наших необычных экипажей. В сибирских городах люди привыкли к подобному зрелищу и не боятся*» [Там же, с. 66].

Особо выделенным параметром городской среды для автора заметок является уличное освещение: *На главных улицах сибирских городов кое-где установлены уличные фонари. Я не верю в то, что их зажигают более двух или трех раз в год, а именно – на большие государственные праздники. Эти жалкие фонари бросают на прохожих такие мерцающие и такие тусклые лучи, что жалко на это смотреть!* [Там же, с. 46].

В общем, О. Риттенер выступает в роли транслятора культурных ценностей и бытовых представлений типичного европейца, для которого важным является, с одной стороны, эстетика окружающих его объектов (архитектура города, планировка улиц, кварталов и площадей, наличие памятников), а с другой – привычные нормы ежедневного социального существования и пребывания (освещенные улицы, мощеные тротуары, каменные здания и постройки, чистота и т.д.), то есть то, что сейчас называется «комфортной городской средой». По мнению путешественницы, сибирские города не соответствуют этим представлениям – архитектура и комфорт в их приемлемом варианте фактически отсутствуют. Напротив, обнаруженное в Сибири градоустройство более соответствует представлениям о деревне: одноэтажные деревянные дома, пыль, немощеные улицы, свободно разгуливающие домашние животные и птицы.

Рефлексия О. Риттенер о соответствии/несоответствии сибирского города нормативному представлению о городском объекте в целом провоцирует ее на активное выражение экспрессии и квалификационных смыслов. Это естественным образом соответствует травелогу, в жанровой манере которого составлены анализируемые письма и в основе которого лежит развернутая оценка [Жукова, Башанова, 2020, с. 213], позволяющая соотносить увиденное со взглядами, образами и установками самого автора. По мнению Н.Д. Арутюновой, оценка – результат сопоставления реальных свойств оцениваемого объекта с идеализированной моделью мира, коррелирующей с понятием «хорошего»; с другой стороны, несоответствие по какому-либо присущему данной модели мира параметру – с понятием «плохого» [Арутюнова, 1998, с. 59].

Базовая модусная рамка исследованных текстов, сформированная впечатлениями от увиденного, задана тремя значимыми квалификациями: как высокоценное в них однозначно оценивается «свое» пространство – европейский город. Санкт-Петербургу и Москве в данной оценочной иерархии отведена промежуточная локация, оказываясь в которой, автор как будто наблюдает столкновение феноменов «своей» и «чужой» цивилизаций. Сибирский город (города) – экзотический и до определенного момента совершенно «чужой» для автора – противопоставлен европейскому городу.

Важно отметить, что по прибытии в Красноярск, конечный пункт всего путешествия, рефлексивное содержание комментариев в письмах швейцарки начинает постепенно трансформироваться. Сначала оценочность меняется с «отрицательной» на «нейтральную» с просматривающимися элементами сочувствия: *Город Красноярск построен в стиле русских и сибирских городов, которым я уже давала описание, и не буду повторяться. Большой пожар уничтожил его почти полностью два года назад. Вот почему видно много обожженных стен, которые не снесены. Зрелище достаточно грустное для жительницы из Пайерна* [Германн, 2020, с. 73]. В дальнейшем же характеристики Красноярска и прилегающей к нему территории становятся положительными, поскольку внимание автора захватывает новый объект, отсутствовавший в прежней личностной картине мира. Имеется в виду природа Приенисейской Сибири со всей ее красотой, масштабностью и экзотичностью: *Местность в районе Красноярска – живописна. Берега Енисея окаймлены цепью холмов, довольно высоких и очень неровных. Некоторые вершины этих холмов имеют пологие спуски с обработанной землей. Другие холмы – обрывистые, покрытые пихтой, представляют собой дикие ущелья. Татары говорят, что одна из этих вершин (Такмак), высокая и округлой формы, похожа на гигантскую башню. Енисей – широкая река с водой синего цвета. Именно цветом она отличается от Оби и Волги. В миле отсюда находится монастырь* [Германн, 2020, с. 73].

Находятся в письмах фрагменты, свидетельствующие, кроме того, о переосмыслении культурного образа сибирского города, о достаточной степени бытового комфорта: *Учебные заведения хорошие. Имеется также педагогическая школа.*

<…> Жизнь здесь недорогая. Нет учителя начальной школы, который не имел двух-трех слуг: кухарку, горничную, кучера <…> эти господа не занимаются сельским хозяйством, как это делают обычно швейцарцы [Германн, 2020, с. 73]. Риттенер с иронией очевидца опровергает ряд типичных для европейского сознания мифов о Сибири как диком крае, в частности, миф о волках, разгуливающих по улицам города: *Мы идем спокойным шагом, останавливаемся каждый раз, когда разговариваем, смеемся или играем с Зоринкой, любимой домашней собакой. Не может быть и речи о живых волках… или плюшевых, ходим открыто* [Там же, с. 128].

Выводы. Таким образом, «личностный» образ сибирского города конца XIX в., отраженный в текстах швейцарской провинциалки, в целом содержательно совпадает с типовым образом сибирского города, репрезентированным в трудах представителей российской научной и культурной элиты того времени – ученых, этнографов, писателей, публицистов. И научный, и «наивный» взгляд заинтересованного наблюдателя на анализируемый объект заставляют, в частности, выделять в качестве его очевидных внешних характеристик «обделенность деньгами и культурой»: неблагоустроенность городского быта, слабое уличное освещение, бедную архитектуру и др. Жанр писем-заметок, кроме того, демонстрирует динамику меняющихся культурных представлений, норм и ценностей их автора: 1) сформированных до поездки – в отношении обобщенного образа (европейского) города и 2) формирующихся «здесь» и «сейчас» – в отношении нового (сибирского) городского объекта. О. Риттенер, которая на первом этапе своего пребывания в России воспринимает сибирские города как «чужие», провоцирующие критику и недовольство, освоившись затем в Красноярске, не только примиряется с «природой» сибирского города, но и принимает его, начинает воспринимать это пространство как вполне освоенное, более того, «свое», наполненное особой экзотической красотой.

Библиографический список

1. Агафонова А.Б. Экологические проблемы городской среды в XIX – начале XX в. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7 (60). С. 28–32.
2. Айзикова И.А. Образ сибирского города в очерках Н.А. Кострова // Вестник ТГУ. Филология. 2020. № 67. С. 174–188.
3. Алисов Д.А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.). Омск: Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2006. 337 с.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341с.
5. Васильева Г.М., Виноградова М.В. Культурно-географический образ Сибири в языковом сознании российских студентов: диахронический аспект // Сибирский филологический форум. 2022. № 2 (19). С. 4–15. DOI: https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-19-2-112

6. Габдуллина В.И. «Сибирский текст» Достоевского: образ провинции // Культура и текст. 2016. № 3 (26). С. 93–106.
7. Германн Ш. От Пайерна до Красноярска: Путешествие молодой жительницы из Пайерна в 1883 г. Красноярск: КАСС, 2020. 160 с.
8. Головнева Е.Г. «Чувство места» в Сибири: эмоциональный компонент сибирской идентичности // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2017. № 28. С. 17–26.
9. Гончарова Л.М. Инкультурация как аксиологический эффект тревел-текстов // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сб. ст. М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. С. 218–224.
10. Дроздова К.А., Михайлова Т.В. Жители Красноярска о городе: ассоциации как зеркало мегаполиса // Сибирский филологический форум. 2025. № 2 (31). С. 16–29. DOI: 10.24412/2587-7844-2025-2-16-29
11. Жидченко А.В., Рыженко В.Г. История повседневной жизни омского городка нефтяников в 1950–60-е гг. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2015. 482 с.
12. Жукова Т.А., Башанова М.А. Особенности выражения аксиологических значений в русском травелоге как в особом виде дискурса (на примере анализа травелогов Касе Гасанова и Богдана Булычева) // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сб. ст. М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. С. 212–217.
13. Клевакин А.Н. Сибирский город в эпоху перемен. Новосибирск: Наука, 2008. 113 с.
14. Кудинова И.Ю. Сибирский город в художественной литературе // Дискуссия: журнал научных публикаций. 2012. № 6 (24). С. 21–26.
15. Культура и культурология: словарь / сост. и ред. А.И. Кравченко. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 928 с.
16. Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики): матер. X Всерос. науч. симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) [Электронное издание] / под ред. Д.А. Алисова, О.В. Петренко. М.; Омск: Сибир. филиал Института Наследия, 2020. 444 с. DOI: 10.34685/HI.2020.32.21.014
17. Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб.: Крига, 2021. 560 с.
18. Лола А.М. Основы градоведения и теории города: в российской интерпретации: монография: в 2 т. М.: Новая реальность, 2021. Т. 1. 343 с.
19. Подберезкина Л.З., Трапезникова А.А. Языковая игра в коммерческой номинации // Речевое общение: сб. науч. работ. Красноярск: СФУ, 2009. С. 240–245.
20. Стась И.Н. Градостроительная история Сургута (1960-е – начало 1990-х гг.) // Горные ведомости. 2016. № 1–2 (140–141). С. 184–196.
21. Степаненкова З.В. Образ сибирского города в работах В.В. Берви-Флеровского // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 3 (84). С. 30–36. DOI: 10.26105/SSPU.2023.3.84.011

22. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса: пер. с нем. Харьков: Гуманитар. центр, 2017. 356 с.
23. Флеровский Н. Положение рабочего класса в России // Берви-Флеровский В.В. Избранные экономические произведения: в 2 т. М.: Изд-во социально-эконом. лит-ры, 1958. Т. 1. 618 с.
24. Шмелева Т.В. Великий Новгород: ономастический портрет: монография. Великий Новгород: Печатный Двор, 2020. 288 с.

Сведения об авторах

Тарасенко Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск); ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4895-173X; e-mail: tvt2004@mail.ru

Осетрова Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2894-2254; Scopus Author ID: 76652; e-mail: osetrova@yandex.ru

SIBERIAN CITY OF 19TH CENTURY AND ITS REPRESENTATION IN THE NOTES OF A SWISS CITIZEN O. RITTENER

T.V. Tarasenko (Krasnoyarsk, Russia)
E.V. Osetrova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Interest in the Siberian city as a separate scientific object is obvious. This is confirmed by works in various fields of modern knowledge. Against this general scientific background, the notes of ordinary travelers, demonstrating private ideas about the same object and simultaneously being bearers of an ordinary picture of the world, are of particular research appeal; the latter, in turn, participates in the formation of the general cultural image of any era. The authors of the article propose to expand and specify the understanding of one of these eras by turning to the analysis of textual material that concentrates impressions of Siberia at the end of 19th century, characteristic of a foreigner who visited it.

The purpose of the study is to identify the specifics of the linguistic image of a Siberian city of the late 19th century, represented in the private letters of a Swiss citizen Olympia Rittener.

A review of the scientific literature on the problem showed that the city is defined as the most important component of the modern cultural and civilizational landscape, and information about it and its "images" is concentrated in a variety of scientific fields: cultural studies and philology, history and sociology, geography and ecology, etc. A special type in this context of discussion is referred to a Siberian city.

Research methodology is based on the principles and provisions of narrative semiotics.

The research material is the notes of Olympia Rittener, a Swiss teacher and governess of the children of the Krasnoyarsk gold miner A.P. Kuznetsov, written in the form of a letter during her journey from Switzerland to Siberia and then during her stay in Krasnoyarsk. These letters, addressed to relatives and friends, were first published in the autumn of 1884 in the *Demokrat* newspaper in the Swiss city of Payerne; they were translated into Russian in 2020.

As a result, the study showed that the 'personal' image of a Siberian city of the late 19th century, reflected in the texts of a Swiss provincial woman, generally coincides in content with the typical image of a Siberian city, represented in the works of representatives of the Russian scientific and cultural elite of that time.

Conclusions. Both the scientific and the 'naïve' view of an interested observer on the analyzed object make it possible to highlight as its obvious external characteristics 'deprivation of money and culture': poor urban life, poor street lighting, and poor architecture. At the same time, the genre of letters-notes demonstrates the dynamics of changing cultural ideas, norms and values of their author, formed before the trip – in relation to the generalized image of the (European) city, and being formed 'here' and 'now' – in relation to the new (Siberian) urban object. O. Rittener, who at the first stage of her stay in Russia perceives Siberian cities as 'foreign', then having settled in Krasnoyarsk, accepts it, begins to perceive this space as quite developed, moreover, 'her own', filled with a special exotic beauty.

Keywords: *Siberian city, perception, image, representation, evaluation, letters, travelogue, narrative semiotics.*

References

1. Agafonova A.B. Ekologicheskiye problemy gorodskoy sredy v XIX – nachale XX vekov [*Environmental problems of the urban environment in the XIX – early XX centuries*]. In: *Bulletin of Cherepovets State University*, 2014, 7 (60), 28–32.

2. Ayzikova I.A. Obraz sibirskogo goroda v ocherkakh N.A. Kostrova [*The Image of a Siberian City in the Essays of N.A. Kostrov*]. In: *Tomsk State University Bulletin. Philology.* 2020, 67,174–188.
3. Alisov D.A. Administrativnyye tsentry Zapadnoy Sibiri: gorodskaya sreda i sotsial'nokul'turnoye razvitiye (1870–1914 gg.) [*Administrative centers of Western Siberia: urban environment and socio-cultural development (1870–1914)*]. Omsk, Omskiy gosudarstvennyy universitet im. F.M. Dostoyevskogo, 2006. 337 p.
4. Arutyunova N.D. Tipy yazykovykh znacheniy: otsenka, sobytiye, fakt [*Types of linguistic meanings: evaluation, event, fact*]. Moscow, Nauka, 1988, 341 p.
5. Drozdova K.A., Mikhailova T.V. Zhiteli Krasnoyarska o gorode: assotsiatsii kak zerkalo megapolisa [Residents of Krasnoyarsk about the city: associations as a mirror of the metropolis] In: *Siberian Philological Forum*. 2025, 2 (31), 16–15. DOI: 10.24412/2587-7844-2025-2-16-29
6. Flerovsky N. Polozheniye rabochego klassa v Rossii [*The situation of the working class in Russia*]. In: Bervi-Flerovsky V.V. Izbrannyye ekonomicheskiye proizvedeniya: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow, Publishing house of social and economic literature, 1958. 618 p.
7. Gabdullina V.I. "Sibirskiy tekst" Dostoyevskogo: obraz provintsii [*"Dostoevsky's Siberian Text: the Image of the Province"*. In: *Culture and Text*. 2016, 3 (26), 93–106.
8. Golovneva E.G. "Chuvstvo mesta" v Sibiri: emotsional'nyy komponent sibirskoy identichnosti ["*Sense of Place" in Siberia: The Emotional Component of Siberian Identity*]. In: *Tomsk State University Bulletin. Cultural studies and art history*. 2017, 28, 17–26.
9. Goncharova L.M. Inkul'turatsiya kak aksiologicheskiy effekt trevel-tekstov [*Inculturation as an axiological effect of travel texts*]. In: *Modern Russian axiosphere: semantics and pragmatics of identity*: collection of articles. Moscow, State Institute of Russian Language named after. A.S. Pushkina, 2020, 218–224.
10. Hermann Sh. Ot Payyerna do Krasnoyarska: Puteshestviye molodoy zhitel'nitsy iz Payyerna v 1883 g. [*From Payerne to Krasnoyarsk: Journey of a young woman from Payerne in 1883*]. Krasnoyarsk, KASS, 2020. 160 p.
11. Klevakin A.N. Sibirskiy gorod v epokhu peremen [*Siberian city in the era of change*]. Novosibirsk, Nauka, 2008, 113 p.
12. Kudinova I.Yu. Siberian city in fiction [*Sibirskiy gorod v khudozhestvennoy literature*]. In: *Discussion: journal of scientific publications*. 2012, 6 (24), 21–26.
13. Kul'tura i kul'turologiya: Slovar' / Sost. i red. A.I. Kravchenko [*Culture and Cultural Studies: Dictionary*]. Moscow, Akademicheskiy Proyekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2003, 928 p.
14. Kul'turnyye landshafty gorodov Sibiri (aksiologiya, istoriya, praktiki) [*Cultural landscapes of Siberian cities (axiology, history, practices)]:* Proceedings of the X All-Russian scientific symposium "Problems of Culture of Russian Cities" (Omsk,

September 30, 2020) [Electronic publication] / edited by D.A. Alisov, O.V. Petrenko. Moscow; Omsk, Siberian branch of the Heritage Institute, 2020, 444 p. DOI: 10.34685/HI.2020.32.21.014

15. Lebina N.B. Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy: Destruktsiya bol'shogo stilya: Leningrad, 1950–1960-ye gody [*Everyday Life in the Age of Space and Corn: Destruction of the Grand Style: Leningrad, 1950–1960*]. St. Petersburg, Kriga, 2021, 560 p.
16. Lola A.M. Osnovy gradovedeniya i teorii goroda: v rossiyskoy interpretatsii [*Fundamentals of urban studies and urban theory: in the Russian interpretation*]: monograph: in 2 volumes. Moscow, New reality, 2021, Vol. 1, 343 p.
17. Podberezkina L.Z., Trapeznikova A.A. [*Language play in commercial nomination*]. In: *Speech communication*: collection of scientific works. Krasnoyarsk, SFU, 2009, 240–245.
18. Shmeleva T.V. Velikiy Novgorod: onomasticheskiy portret: nauchnaya monografiya [*Veliky Novgorod: onomastic portrait*]. Veliky Novgorod, Pechatny Dvor, 2020, 288 p.
19. Stas I.N. Gradostroitel'naya istoriya Surguta (1960 ye – nachalo 1990 kh gg.) [Urban development history of Surgut (1960s – early 1990s)] In: *Mining News*, 2016, 1–2 (140–141), 184–196.
20. Stepanenkova Z.V. Obraz sibirskogo goroda v rabotakh V.V. Bervi-Flerovskogo [*The image of a Siberian city in the works of V.V. Bervi-Flerovsky*]. In: *Bulletin of the Surgut GPU*, 2023, 3 (84), 30–36. DOI: 10.26105/SSPU.2023.3.84.011
21. Ticher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. *Methods of text and discourse analysis* / Translated from German. Kharkov, Publishing house Humanitarian center, 2017, 356 p.
22. Vasil'yeva G.M., Vinogradova M.V. Kul'turno-geograficheskiy obraz Sibiri v yazykovom soznanii rossiyskikh studentov: diakhronicheskiy aspekt [*Cultural and geographical image of Siberia in the linguistic consciousness of Russian students: diachronic aspect*]. In: *Siberian Philological Forum*. 2022, 2 (19), 4–15. DOI: https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-19-2-112
23. Zhidchenko A.V., Ryzhenko V.G. Istoriya povsednevnoy zhizni omskogo gorodka Neftyanikov v 1950–60 ye gg. [*History of Everyday Life in the Omsk Town of Neftyanikov in the 1950s–60s*]. Omsk, Omskiy gosudarstvennyy universitet im. F.M. Dostoyevskogo, 2015. 482 p.
24. Zhukova T.A., Bashanova M.A. Osobennosti vyrazheniya aksiologicheskikh znacheniy v russkom traveloge kak v osobom vide diskursa (na primere analiza travelogov Kase Gasanova i Bogdana Bulycheva [*Features of the expression of axiological meanings in Russian travelogue as a special type of discourse (based on the analysis of travelogues by Kase Gasanov and Bogdan Bulychev)*]. In: *Modern Russian axiosphere: semantics and pragmatics of identity*: collection of articles. Moscow, State Institute of Russian Language named after. A.S. Pushkina, 2020, 212–217.

About the authors

Tarasenko, Tatiana V. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Public Relations, Reshetnev Siberian State University of Science & Technology (Krasnoyarsk, Russia); ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4895-173X; e-mail: tvt2004@mail.ru

Osetrova, Elena V. – DSc (Philology), Professor, Department of Modern Russian Language and Methodology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2894-2254; Scopus Author ID: 76652; e-mail: osetrova@yandex.ru

УДК 801.73

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ «ГАМЛЕТА» КАК ОСНОВАНИЕ ЕГО ГЕРМЕНЕВТИКИ

О.Н. Турышева (Екатеринбург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Современная отечественная мысль о трагедии Шекспира «Гамлет» отмечена парадоксом: интерпретации, выполненные с опорой на один и тот же метод, приводят к принципиально противоположным трактовкам смысла.

Материал составляют статьи Г.Н. Шелогуровой и И.В. Пешкова «Изобретение античности на пороге нового времени. Хор ratio в “Гамлете” (Античная трагедия героя Возрождения»)» и Э.Б. Акимова «К реконструкции шекспировского мифа (“Гамлет”)».

Цель статьи состоит в анализе методологического своеобразия выбранных работ, описании конфликта интерпретаций «Гамлета» в них и опыте его разрешения.

Обзор научной литературы по теме. Анализируемые исследования не были предметом научного сопоставления на предмет соотношения их интерпретационных результатов.

Методология исследования. Статья опирается на критическую традицию анализа научного сочинения с точки зрения его соответствия принципам научной доказательности, методологической релевантности и убедительности представленных выводов.

Результаты исследования. Проанализированные интерпретации приводят к прямо противоположным результатам: в рамках одной «Гамлет» трактуется как трагедия мести (в опоре на мифологему Ореста), в рамках другой – как трагедия самопожертвования (в опоре на мифологему Иоанна Предтечи).

Заключение. Конфликт между противоположными трактовками трагедии можно снять, если перенести акцент с поиска мифологических источников сюжета на понимание сознания героя как разорванного между двумя моделями – Ореста и Иоанна.

Ключевые слова: *трагедия Шекспира «Гамлет», мифокритическая методология, интерпретация «Гамлета», трагический герой, сознание трагического героя.*

Постановка проблемы. Основу статьи составляют размышления о двух интерпретациях трагедии Шекспира «Гамлет», принадлежащих современным российским шекспироведам. Выбранные исследования выполнены в одной – мифокритической – методологии: в обоих случаях в основе герменевтического метода лежит реконструкция того архетипического сюжета, к которому возводится действие шекспировской пьесы. Парадокс, требующий методологической рефлексии, состоит в том, что интерпретации, выполненные с опорой на один и тот же метод, приводят к принципиально противоположным и даже взаимоисключающим трактовкам смысла трагедии.

Материал составляют статьи Г.Н. Шелогуровой и И.В. Пешкова «Изобретение античности на пороге нового времени. Хор ratio в “Гамлете” (Античная трагедия героя Возрождения)» и Э.Б. Акимова «К реконструкции шекспировского мифа (“Гамлет”)».

Цель статьи подразумевает описание парадоксальной герменевтической ситуации, связанной с существованием прямо противоположных интерпретаций трагедии Шекспира «Гамлет», выполненных в одной методологии, анализ их методологического обеспечения и опыт разрешения конфликта толкований шекспировского текста.

Обзор научной литературы по теме. Анализируемые исследования не были предметом научного сопоставления на предмет соотношения их интерпретационных результатов.

Методология исследования. Статья опирается на критическую традицию анализа научного сочинения с точки зрения его соответствия принципам научной доказательности, методологической релевантности и убедительности представленных выводов. Важную методологическую опору статьи составляют критика мифокритической методологии и обращение к истории толкования трагедии Шекспира «Гамлет» и истории герменевтики художественного материала.

Результаты исследования. В опоре на мифокритическую методологию авторы анализируемых научных работ приходят к противоположным выводам. Так, основу статьи Г.Н. Шелогуровой и И.В. Пешкова составляет доказательство присутствия в сюжете «Гамлета» мифологемы Ореста: «Ядро мифа об Оресте, убивающем свою мать Клитеместруи ее любовника Эгисфа, чтобы отомстить за своего отца, умерщвленного ими, идеально соответствует сюжетному ядру “Гамлета”», более того, и «внутренняя коллизия древнегреческой “Орестеи” в трагедии Шекспира полностью сохраняется», – пишут исследователи, имея в виду, что Гамлет решает тот же самый вопрос, что и Орест – вопрос «о соотношении родовой вертикали и индивидуально-семейной горизонтали», или вопрос выбора между отцом и матерью [Шелогурова, Пешков, 2008]. Вопрос Ореста: «считать ли убийство матери… справедливым возмездием за убийство мужа, заклавшего дочь?». Вся страсть Гамлета, как пишут Г.Н. Шелогурова и И.В. Пешков, также «направлена против матери», предавшей его отца. Обнаружение этих аналогий позволяет исследователям интерпретировать трагедию Шекспира как трагедию мести, но речь идет не о мести Клавдию-братоубийце (это одна из традиционнейших и самых ранних интерпретаций «Гамлета»), а о мести, направленной Гамлетом на весь свой род за совершенные преступления – братоубийства, прелюбодеяния, а также те, которые, возможно, совершат рожденные им (Гамлетом) потомки. В интерпретации цитируемых исследователей Гамлет – «ученик, а возможно, и преподаватель в Виттенберге», прекрасно знакомый с «Орестеей», – радикально решает поставленную в античной трагедии проблему прекращения бесконечно повторяющихся злодеяний. Осуществляя это намерение, он «покончил со всем проклятым родом: уничтожил дядю… уничтожил свою мать (пусть косвенно, чужими руками), свою любовь и, таким образом, лишил себя возможности “производить на этот свет грешников”» [Шелогурова, Пешков, 2008] – и так в конце концов прервал кровавую цепь мести, о чем и «мечтал» античный сюжет.

В основе интерпретации Э. Акимова, выполненной в той же мифокритической методологии, лежит доказательство присутствия в трагедии Шекспира другого мифологического подтекста – подтекста, связанного с библейским мифом об Иоанне Предтече. Аргументацию этого исследователя, во-первых, образует сопоставление сюжетных коллизий «Гамлета» и мифа об Иоанне: сюжет Гамлета повторяет сюжет об Иоанне, изобличавшем преступную связь царя Ирода и Иродиады. Во-вторых, Э. Акимов обнаруживает в «Гамлете» функционирование мотива усекновения головы, который является главным атрибутом иоанновского мифа. Этот мотив находит разномодальную реализацию в тексте трагедии: пародийную – в сцене с черепом Йорика – и трагическую – в сцене «мышеловки», в которой Гамлет, по мысли Э. Акимова, примеряет на себя миф об Иоанне, преклоняя голову на колени Офелии. В-третьих, сюжетная близость мифа об Иоанне, как он представлен в христианской гимнографии, с трагедией Шекспира аргументируется и событием смерти Офелии в реке, которая, по мысли Акимова, как бы «обыгрывает» смерть Саломеи.

Обнаружение этих аналогий влечет за собой интерпретацию «Гамлета» как трагедии самопожертвования: по мысли Э. Акимова, Гамлет «приходит к осознанию своей двойной миссии – дурака-юрода и вольной жертвы за грехи своих родственников: похоть, убийство, кровосмешение – три порока, которые яростно клеймил св. Иоанн» [Акимов, 2001]. «Третья функция, – пишет Э. Акимов, – мщение… прагматически отменяется... Менее всего готовность Гамлета идти на дуэль с Лаэртом напоминает желание мести. Гамлет здесь скорее страстотерпец, и жертвенная смерть его явно имеет христианское значение. Сам он непостижимо, неправдоподобно (психологически и физически) меняется, “возрастает” ввиду сакрального момента, когда рассуждает о промысле Божием, когда просит прощения у “врага” Лаэрта, когда вдруг оказывается “fat” (как бы не переводилось это слово Гертруды) – тучным, как жертва, готовая к закланию» [Акимов, 2001]. Продолжим цитирование: «С учетом иоанновского мифа по-другому решается вопрос о предназначении Гамлета, о его медлительности и неуверенности, темных речах и патетических обличениях. Он не носитель, но предтеча “новой” правды и “нового” слова, он лишь может призвать к покаянию и очищению. В пространных обличениях Гамлета… величавое и почти единственное поприще» [Там же, 2001]. В результате в контексте сближения Гамлета с Иоанном Э. Акимов расшифровывает его поведение «не как псевдошутовское, а как христиански-юродствующее» [Там же, 2001].

Прокомментированные интерпретации приводят к прямо противоположным результатам, одна исключает другую: в рамках первой Гамлет уничтожает свой род во имя благородной цели остановить кровавую цепь убийств, в рамках второй Гамлет приносит себя в жертву во имя искупления грехов своего рода. Прямо противоположные интерпретации – не редкий случай в герменевтике. Вспомним, например, трактовку «Каменного гостя» Пушкина у Г. Гуковского и А. Ахматовой. Г. Гуковский в рамках культурно-исторической методологии приходит

к идее апологетики Дон Гуана у Пушкина (в силу того, что он, дескать, представляет собой свободного человека Возрождения, бросившего вызов средневековым догмам) [Гуковский, 1957]. А. Ахматова, опираясь на биографическую методологию, приходит к прямо противоположному выводу, трактуя пьесу Пушкина как трагедию возмездия герою-преступнику [Ахматова, 1958].

Однако тот случай, который мы разбираем, – особый. Здесь принципиально разные результаты достигнуты в использовании одной методологии. Можно предположить, что этот случай свидетельствует или о недостатках методологии (и ее применения), или же об особом качестве самого текста, допускающем присвоение взаимоисключающих смыслов. Начнем со второго пункта. Конечно, герменевтическая история «Гамлета» включает в себя самые разные трактовки, и мы знаем, что возможность прочитать текст по-разному составляет особое свойство глубокой литературы. Но все-таки взаимоисключающие реализации смысла подрывают саму идею его устойчивого наличия, неизбежно склоняя нас в сторону постструктуралистской концепции о том, что в тексте хаотически сочетаются между собой самые разные смыслы, и потому в «Гамлета» можно «влить» любую семантику, что обессмысливает саму герменевтическую работу. Поэтому кажется, что одна из приведенных трактовок должна быть заметно более уязвима, нежели другая.

Проблема в том и состоит, что обе интерпретации убедительны и базируются на достаточной аргументации, что исключает выбор между ними более или менее адекватной, более или менее верной.

Тогда подвела методология? Вполне возможно. Мифокритическая методология – методология редуцирующая: она нацеливает герменевта на поиск исключительного «мифологического кода» (Н. Фрай), лежащего в основе сюжета интерпретируемого произведения. В этом плане она напоминает интертекстуальную методологию в ее первоначальном французском варианте (варианте Ю. Кристевой), когда ассоциация с другим текстом предлагалась в качестве основного фактора понимания текста интерпретируемого. В рамках этой – ассоциативной герменевтики (позволим себе такое наименование) – как раз и санкционируется возможность любого прочтения. Мифокритик тоже опирается на ассоциации, просто его ассоциативный фон ограничен *мифологическими* сюжетами.

Как пишет Е.А. Ермолин, характеризуя методологию британской мифокритической школы, ее «исследовательская технология не всегда была убедительной и продуктивной, не в последнюю очередь вследствие ограниченности объяснительной базы, представляющей собой в основном… догадки» [Ермолин, 2009, с. 155]. (Кстати, сама идея о том, что мифологическим прасюжетом «Гамлета» является миф об Оресте, возникла именно в недрах кембриджской мысли, давшей начало мифокритическому направлению в герменевтике [Murray, 1957].) Об ассоциативной почве мифокритических реконструкций художественного смысла пишет и А.С. Козлов, специалист по истории мифокритического направления в английском и американском литературоведении [Козлов, 2004а]:

«Мифокритическая методология, будучи изначально плюралистической, открывает широкие возможности скорее для творческой, чем для строго научной критики» [Козлов 2004б, с. 262]. Г.К. Косиков также писал о недостаточности рационально-логической, научной базы мифокритического подхода, выделяя такие его уязвимые стороны, как «сознательное преуменьшение индивидуального начала в искусстве, сведение его к общему и повторяющемуся, <…> мифологический редукционизм и, главное, забвение того очевидного факта, что любые сверхличные символы и трансисторические архетипы способны быть только “языком” искусства, а не его непосредственной, целенаправленной “речью”, что, как ни суди, помимо конкретного автора – с его внутренним миром, сознанием и волей – произведение возникнуть не может и что прямым и основным импульсом к возникновению этого произведения является не стремление вневременных и бессознательных сил найти себе выход, а сознательное намерение автора поставить вопросы современности и осмыслить окружающую действительность» [Косиков, 1987, с. 26].

Уязвимость и ассоциативность разбираемых нами мифокритических интерпретаций «Гамлета» в первую очередь связана с тем, что шекспировская трагедия не содержит прямых отсылок к тем текстам, которые могли бы выступать источниками авторского знания о привлекаемых для интерпретации мифах. Так, вопрос о цитатах «Орестеи» в «Гамлете» вовсе не является решенным в науке: при всех сюжетных совпадениях прямых цитат все-таки нет, шекспироведы не уверены, читал ли Шекспир античные источники на греческом или их переводы на латынь.

Также нет в «Гамлете» и цитат из Священного Писания, что позволило бы настаивать на присутствии в трагедии Шекспира иоанновского мифа: у Э. Акимова речь идет о мотивных и сюжетных совпадениях. Значит, в основе декодирования «Гамлета» у Г. Шелогуровой и И. Пешкова, как и у Э. Акимова, лежит привлечение ассоциативно подобного словесного материала. Впрочем, мы знаем, насколько важна в деятельности интерпретатора интуиция, базирующаяся на глубоком знании художественной традиции. Наличие дивинационной, логически и рационально необъяснимой составляющей в работе герменевта было обосновано еще в начале XIX в. в герменевтической теории Ф. Шлейермахера и впоследствии развито в концепциях М. Хайдеггера и Г.-Г. Гадамера, доказавших принципиальную субъективность понимания художественного.

Обсуждение результатов. Учитывая вышесказанное, мы не можем разрешить конфликт между двумя разбираемыми интерпретациями «Гамлета» путем выбора той, которая бы более соответствовала тому спектру смыслов, которые предлагает шекспировский текст. Поэтому мы предлагаем другой путь: совместить эти трактовки, признать каждую из них важным, но не исключительным опытом понимания трагедии. История мифокритической герменевтики знает подобные примеры совмещения разных мифов, выдвигаемых в качестве возможного прасюжета интерпретируемого материала, когда сама их совокупность рассматривается как поддерживающая многосмысленную семантику произведения.

Предположим, что каждая из рассматриваемых реконструкций касается не целостного смысла гамлетовской ситуации, а ее отдельного самостоятельного аспекта и гамлетовская ситуация характеризуется самим конфликтом этих двух моделей – орестеевской и иоанновской. Это конфликт в сознании трагического героя, который, решая вопрос необходимости мести роду, в то же время приносит себя в жертву самой мести. Сама месть Гамлета жертвенна, ведь по ходу трагедийного действия он отказывается от любви, предает возлюбленную, становится виновником ее смерти. Причем о преображении Гамлета после гибели Офелии пишут и И. Пешков (в другом сочинении [Пешков]), и Э. Акимов, правда, опять принципиально по-разному. И. Пешков подчеркивает захлестнувшее Гамлета безучастие к вопросу мести (очевидно, в силу того что заплатить за нее пришлось невыносимо высокую цену) и начало распада личности героя: «вся его решимость пятого акта – скорее стремление отдать себя воле Провидения. Все его поведение до самого рокового конца свидетельствует уже не о ролевой мстительности, а о внемасковом смирении» [Пешков]. Акимов, наоборот, подчеркивает моральное «возрастание» Гамлета.

М. Гершензон, анализируя внутренний конфликт, представленный в «Моей тайне» Петрарки, описал его как конфликт языческой и христианской моделей: это конфликт «между Мадонной и Лаурой, между Цицероном и Христом, между жаждой счастья и жаждой спасения» [Гершензон, 2012, с. 210]. Подобным образом – через привлечение мифологических моделей, эксплицитно присутствующих в тексте, – можно описать и конфликт в сознании Гамлета – как конфликт между Орестом и Иоанном. В этом случае мы интерпретируем не саму трагедию Шекспира и не ищем ее источники (на что нацелены обе рассмотренные интерпретации, как, впрочем, и мифокритический метод в целом), а характеризуем тот разлад в сознании, носителем которого является герой. Так нам не придется выбирать между орестеевским и иоанновским мифом и между двумя равнодостойными интерпретациями, за каждой из которых, кстати, стоит целая традиция, что тоже нельзя игнорировать и что тоже делает крайне сомнительной идею выбора между двумя взаимоисключающими толкованиями. Так, мысль о Гамлете как новом Оресте была обоснована одним из основоположников мифокритического метода в британской науке Гилбертом Мюрреем – в 10-е гг. XX в. [Murray, 1957]. И вслед за ним о сходстве ситуаций Гамлета и Ореста писали многие (об этом: [Шелогурова, Пешков, 2008]).

Также многие говорили и о христианском начале в образе Гамлета. В отечественной мысли – начиная со свящ. П. Флоренского, описавшего Гамлета как носителя «двойного религиозного сознания», на которого возложена «непосильная миссия» перехода к христианскому мировоззрению, с которой он не справился: Гамлет «не сделался христианином, [но]… не мог быть язычником», хотя «боролся до конца» [Флоренский, 1994, с. 279]. Конфликт между Орестом и Иоанном, в риторике которого мы пытались описать сознание Гамлета на основе анализа

конфликта двух мифокритических интерпретаций трагедии, – возможный вариант наименования того феномена, о котором писал свящ. П. Флоренский.

Сошлемся и на книгу В.П. Комаровой «Шекспир и Библия» [Комарова, 1998], которая обнаруживает в монологах Гамлета ряд парафраз из Нового Завета, впрочем, оспаривая более раннюю практику видеть в библейском тексте единственный источник суждений Гамлета, так как ряд из них восходит к сочинениям античных авторов.

В то же время есть работы, авторы которых рассматривают Гамлета исключительно как носителя христианской религиозности. Так, как героя, сознательно приносящего себя в жертву, Гамлета описывает Л.С. Чернов, убедительно уточняя и другие толкования, настаивающие на христианском содержании трагедии [Чернов, 2012].

Заключение. Анализ герменевтической традиции понимания «Гамлета» показывает, что трагедия Шекспира нередко интерпретируется как текст, репрезентирующий христианское миропонимание. Не менее объемно в мифокритике представлена и традиция обнаружения в шекспировском тексте античного субстрата. При этом можно говорить и о достаточно убедительной практике выявления в трагедии противоречивого сочетания античного и христианского начал. Все эти исследования опираются на методологию выявления древнего прасюжета исследуемого текста. Однако, если проблематизировать не поиск мифологических источников, на которые мог ориентироваться Шекспир, а сам характер представления им героя, мы можем снять конфликт между прямо противоположными трактовками трагедии и перенести акцент на понимание сознания героя как сознания, разорванного между двумя моделями – орестеевской и иоанновской, языческой и христианской.

Библиографический список

1. Акимов Э. К реконструкции шекспировского мифа («Гамлет»). URL: http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/english/akimov-k-rekonstrukcii-mifa-gamlet.htm (дата обращения: 25.08.2025).
2. Ахматова А.А. «Каменный гость» Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 185–195.
3. Гершензон М. Видение поэта. Франческо Петрарка // Гершензон М. Избранное. Тройственный образ совершенства М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2012. С. 199–228.
4. Гуковский Г.А. Произведения 1830-х гг. // Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Гослитиздат, 1957. С. 279–413.
5. Ермолин Е.А. Мифокритика в актуальном научном горизонте // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 32 (60). С. 152–156.
6. Козлов А.С. Литературоведение Англии и США XX века. М.: Московский лицей, 2004а. 256 с.

7. Козлов А.С. Мифологическая критика // Западное литературоведение XX века: энциклопедия. М.: Интрада, 2004б. С. 258–262.
8. Комарова В. Шекспир и Библия. Опыт сравнительного исследования. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. 165 с.
9. Косиков Г.К. Зарубежное литературоведение и теоретические проблемы науки о литературе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 5–38.
10. Пешков И.В. Кризис, любовь, смерть // Пешков И.В. Автор «Гамлета» оставил нам свою подпись. URL: https://w-shakespeare.ru/library/avtor-gamleta-ostavil-nam-svoyu-podpis.html (дата обращения: 25.08.2025).
11. Флоренский П.А. Гамлет // Флоренский П. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 1. С. 250–281.
12. Чернов Л.С. Христианские мотивы в «Гамлете» У. Шекспира // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2012. Вып. 1 (3). С. 106–124.
13. Шелогурова Г.Н., Пешков И.В. Изобретение античности на пороге нового времени. Хор ratio в «Гамлете» (Античная трагедия героя Возрождения) // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 61–84. URL: https://web.archive.org/web/20140419051556/http://magazines.russ.ru/nlo/2008/94/sh6.html (дата обращения: 25.08.2025).
14. Murray G. The classical tradition in poetry. New York: Vintage books, 1957. 229 p.

Сведения об авторе

Турышева Ольга Наумовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург); e-mail: oltur3@yandex.ru

THE CONFLICT OF INTERPRETATIONS OF *HAMLET* AS A BASIS FOR ITS HERMENEUTICS

O.N. Turysheva (Ekaterinburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Modern Russian thought about Shakespeare's tragedy *Hamlet* is marked by a paradox: interpretations based on the same method lead to fundamentally opposite interpretations of the meaning.

The material of the article consists of articles by G. N. Shelogurova and I. V. Peshkov "The invention of antiquity on the threshold of modern times. The ratio Chorus in Hamlet (The Ancient Tragedy of the Renaissance Hero)" and E. B. Akimov's Reconstruction of Shakespeare's Myth (*Hamlet*).

The purpose of the article is to analyze the methodological originality of the selected works, describe the conflict of interpretations of Hamlet in them, and discuss the experience of resolving this conflict.

Review of scholarly literature on the issue. The studies analyzed were not subject to scientific comparison in terms of the relationship between their interpretive results.

Methodology (materials and methods). The article is based on the critical tradition of analyzing scientific writing from the point of view of its compliance with the principles of scientific evidence, methodological relevance and persuasiveness of the presented conclusions.

Research results. The analyzed interpretations lead to directly opposite results: within the framework of one, Hamlet is interpreted as a tragedy of revenge (based on the mythologem of Orestes), within the framework of the other – as a tragedy of self-sacrifice (based on the mythologem of John the Baptist).

Conclusions. The conflict between the opposing interpretations of the tragedy can be resolved by shifting the emphasis from the search for mythological sources of the plot to understanding the hero's consciousness as torn between two models – Orestes and John.

Keywords: *Shakespeare's tragedy Hamlet, mythocritical methodology, interpretation of Hamlet, tragic hero, consciousness of the tragic hero.*

References

1. Akimov E. K rekonstruktsii shekspirovskogo mifa ("Gamlet") [To the reconstruction of Shakespeare's myth ("Hamlet")]. URL: http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/english/akimov-k-rekonstrukcii-mifa-gamlet.htm (access date: 25.08.2025).
2. Akhmatova A. A. "Kamennyy gost'" Pushkina [Pushkin's "Stone Guest"]. In: *Pushkin: Issledovaniya i materialy [Pushkin: Research and materials]*. 1958, 2, 185–195.
3. Gershenzon M. Videnie poeta. Franchesko Petrarka [The Poet's Vision. Francesco Petrarca]. In: *Gershenzon M. Izbrannoe. Troystvennyy obraz sovershenstva [Selected Works. The Triune Image of Perfection]*. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2012. P. 199–228.
4. Gukovskiy G.A. Proizvedeniya 1830-kh g. [Works of the 1830s]. In: *Gukovskiy G.A. Pushkin i problemy realisticheskogo stilya [Pushkin and the Problems of Realistic Style]*. Moscow, Goslitizdat, 1957. P. 279–413.

5. Ermolin E.A. Mifokritika v aktual'nom nauchnom gorizonte [Myth-Criticism in the Current Scientific Horizon]. In: *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*. 2009, 32 (60), 152–156.
6. Kozlov A.S. *Literaturovedenie Anglii i SShA XX veka [English and American Literature of the 20th Century*]. Moscow, Moskovskiy litsey, 2004, 256 p.
7. Kozlov A.S. Mifologicheskaya kritika [Mythological criticism]. In: *Zapadnoe literaturovedenie XX veka [Western literary criticism of the 20th century]*. Moscow, Intrada, 2004, 258–262.
8. Komarova V. *Shekspir i Bibliya. Opyt sravnitel'nogo issledovaniya [Shakespeare and the Bible. A Comparative Study*]. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1998, 165 p.
9. Kosikov G.K. Zarubezhnoe literaturovedenie i teoreticheskie problemy nauki o literature [Foreign Literary Studies and Theoretical Problems of Literary Science]. In: *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv. Traktaty, stat'i, esse [Foreign Aesthetics and Theory of Literature of the 19th and 20th Centuries. Treatises, Articles, and Essays]*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1987, 5–38.
10. Peshkov I.V. Krizis, lyubov', smert' [Crisis, love, death]. In: *Peshkov I. V. Avtor "Gamleta" ostavil nam svoyu podpis' [The author of Hamlet left us his signature]*. URL: https://w-shakespeare.ru/library/avtor-gamleta-ostavil-nam-svoyu-podpis.html (access date: 25.08.2025).
11. Florenskiy P.A. Gamlet [Gamlet]. In: *Florenskiy P. Sochineniya v 4-kh t. [Works in 4 volumes]*. Moscow, Mysl', 1994, 250–281.
12. Chernov L.S. Khristianskie motivy v «Gamlete» U. Shekspira [Christian Motifs in William Shakespeare's Hamlet]. In: *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary]*. 2012, 1 (3), 106–124.
13. Shelogurova G.N., Peshkov I.V. Izobretenie antichnosti na poroge novogo vremeni. Khor ratio v "Gamlete" (Antichnaya tragediya geroya Vozrozhdeniya) [The invention of antiquity on the threshold of the new era. Chorus ratio in Hamlet (The Ancient Tragedy of the Renaissance Hero)]. In: *Novoe lit. obozrenie [New Literary Review]*. 2008, 94, 61–84. URL: https://web.archive.org/web/20140419051556/http://magazines.russ.ru/nlo/2008/94/sh6.html (access date: 25.08.2025).
14. Murray G. *The classical tradition in poetry*. New York, Vintage books, 1957, 229 p.

About the author

Turysheva, Olga N. – DSc (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia); e-mail: oltur3@yandex.ru

УДК 81-114

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЛЕКСЕМЫ *МОЛОДОЙ*

Д.О. Виноградов (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В современном русском языке прилагательное *молодой* отличается высокой функциональной активностью и широкой семантической вариативностью. Оно употребляется в разных сферах речи и включает как прямые, так и переносные значения, отражающие возрастные, временные, стилистические и оценочные характеристики. Однако комплексного анализа семантического поля лексемы *молодой*, включающего ядро, ближнюю и дальнюю периферию, до настоящего времени не было проведено, что затрудняет систематизацию ее значений и функциональных особенностей.

Цель статьи – определение структуры семантического поля лексемы *молодой*, выявление ее основных и периферийных значений, а также анализ функциональных и стилистических особенностей употребления в современном русском языке.

Материалы и методы. Лексикографическое описание: этимологический, семантический, и словообразовательный анализ, выявление синонимических и антонимических связей, а также компонентный анализ и анализ сочетаемости.

В качестве сопоставительного материала использовались толковые, словообразовательные, этимологические словари, словари синонимов и антонимов, а также примеры из современного употребления.

Результаты исследования. Установлено, что ядро семантического поля составляет значение «юный возраст». Ближняя периферия включает переносные значения (*свежий, новый, нестарый*), а дальняя – разговорные, метафорические и экспрессивные (*зеленый, начинающий, перспективный*). Выявлена высокая словообразовательная продуктивность лексемы, формирующей разветвленное словообразовательное гнездо. Лексема *молодой* активно участвует в гиперо-гипонимических, синонимических, антонимических и градуальных связях, что подтверждает ее полифункциональность и широкую сочетаемость.

Выводы. Лексема *молодой* сохраняет древнее значение, связанное с возрастной характеристикой, но в современном языке демонстрирует активное расширение семантики. Она выступает универсальным маркером новизны, перспективности и динамики, активно функционирует в разных дискурсах и обладает высоким ассоциативным потенциалом. Полученные результаты подтверждают необходимость дальнейшего системного изучения лексико-семантических полей в русском языке.

Ключевые слова: *молодой, семантическое поле, словообразование, синонимы, антонимы, сочетаемость, метафора, вариативность, лексикография.*

Постановка проблемы. В современном русском языке наблюдается высокая функциональная насыщенность прилагательного *молодой* и связанных с ним лексических единиц. Слово активно функционирует в разных сферах речи, проявляя разнообразные смысловые оттенки, стилистические градации и метафорические переносы. Однако полная систематизация и описание семантического поля *молодой*, включая его ядро и периферийные значения, остаются

недостаточно разработанными. Отсутствие целостного представления об особенностях слова создает трудности для лексикографического и когнитивного анализа, а также ограничивает возможности практического использования лексемы в образовательном, художественном и публицистическом дискурсах.

Обзор научной литературы. В современной лингвистике широко используется теория поля, согласно которой объектом исследования выступают лексические единицы, объединенные общим значением и сходством в семантике. Такие единицы формируют поля, представляющие собой системные семантические образования. Основной особенностью семантического поля является наличие связей и взаимоотношений между входящими в него лексическими элементами, что придает ему специфическую структуру [Беленкович, 2021; Савельева, 2023; Калугина, 2021; Дедова, Подольская, 2025].

В рамках общей теории поля Л.А. Новиков трактует семантическое поле как иерархическую многомерную систему, в которой единицы объединены инвариантным значением. Ученый выделяет три «измерения» поля – синтагматическое, парадигматическое и ассоциативно-деривационное, вводит типологию полей (процессуальные, предметные, признаковые и др.) и акцентирует внимание на соотношении центра и периферии. Существенным вкладом Л.А. Новикова стало введение понятия текстового семантического поля (ТСП), позволяющего описывать полевую организацию лексики не только как таксономию, но и как динамическую текстовую структуру, проявляющуюся в художественной речи [Новиков, 2001].

Чтобы детально рассмотреть природу и содержание такого лингвистического явления, как «лексико-семантическое поле», необходимо обратиться к существующим в научной литературе трактовкам данного понятия. В частности, Е.И. Диброва определяет лексико-семантическое поле как иерархическую систему слов, объединенных общим родовым значением и функционирующих в языке в качестве своеобразной семантической области [Диброва, 2018].

С точки зрения Е.А. Митиной, в лингвистических исследованиях приоритет, как правило, отдается логико-семантическому методу, базирующемуся на принципе идентификации, разработанном Ш. Балли. В рамках данного метода первостепенной задачей исследователя является установление слова-идентификатора, выполняющего функцию наименования поля и репрезентирующего интегральное значение лексических единиц, его образующих. По отношению к другим компонентам поля слово-идентификатор характеризуется большей степенью объективности и минимальной эмоциональной маркированностью в семантическом аспекте [Митина, 2010].

Метод ступенчатой выборки, предложенный Э.В. Кузнецовой, близок к методу цепочки словарных дефиниций, однако отличается большей формализованностью процедуры выделения компонентов поля. Каждая дефиниция рассматривается как развернутое определение, включающее слово-идентификатор

и словарные конкретизаторы. Суть метода заключается в последовательном выявлении слов-идентификаторов разных ступеней вплоть до установления стержневого слова, вокруг которого формируется лексико-семантическое поле. Совокупность слов, определяемых через одни и те же идентификаторы, образует его конституенты [Кузнецова, 1982].

Другой подход к исследованию семантических полей предложен В.Н. Денисенко, в котором структура анализируется средствами теории множеств. Исследователь рассматривает поле как множество однородных элементов, разделение которых на подклассы осуществляется через последовательное введение дифференциальных признаков. В центре внимания находятся отношения гиперонимии/гипонимии и несовместимости как ключевые принципы идеографической организации лексики. В этом контексте обосновывается понятие общего (инвариантного) значения ядра поля, а также показано, как функциональная конкретизация этого инварианта формирует содержание подклассов. Такой формализованный взгляд позволяет более четко описывать ядро и периферию поля, а также выявлять микрополя [Абрамов, 1992; Кузнецова, 1963; Щур, 1974; Денисенко, 2012].

Интерес исследователей к лексеме *молодой* обусловлен ее значимостью как в языковом, так и в социокультурном контексте. Лексема *молодой* выступает ключевым элементом в системе лексико-семантических полей, связанных с возрастными характеристиками и социальными ролями человека, отражая не только биологические, но и социально-культурные представления о молодости, что позволяет выявлять различия в интерпретации этого феномена в различных дискурсах [Луков, 2005; Романова, 2009; Рогова, 2011].

Цель статьи заключается в анализе семантического поля лексемы *молодой*, выявлении основных и периферийных значений, а также изучении стилистических и функциональных особенностей ее употребления в современном русском языке.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования использовались: толковые словари русского языка (словарь Д.Н. Ушакова, словарь под редакцией А.П. Евгеньевой, словарь под редакцией Т.Ф. Ефремовой), словари синонимов и антонимов, этимологические словари, а также словообразовательные гнезда и примеры употребления лексемы «молодой» в современном русском языке.

Методологическую основу исследования составили: этимологический анализ – для выявления происхождения слова и его исторических форм, лексикографический анализ – для сопоставления словарных дефиниций, семантический анализ – для выделения основных и периферийных значений, словообразовательный анализ – для изучения производных слов и словообразовательного гнезда, а также анализ синонимических и антонимических связей. Дополнительно применялись методы анализа сочетаемости и синтагматических связей, а также компонентный анализ, позволивший определить структуру значений и семантические компоненты лексемы *молодой*.

Результаты исследования. Слово *молодой* имеет славянские корни. Его древнерусская форма звучит как «молодъ», старославянская – «младъ». Общеславянским вариантом является слово moldъ, которое также встречается в родственных индоевропейских языках: древнепрусское – moldai («мальчик»), древнеиндийское – mrdus («мягкий, нежный»). Значение слова «молодой» обозначает юность, незрелость возраста. Оно широко распространено среди славянских народов и имеет близкие по форме и значению аналоги: болгарское – млад, чешское – mlady. От корня moldъ образовались многие русские слова, подчеркивающие молодость и процесс старения: *молодость, молодеть, молодо, омолаживать, омоложение, молод, молодежь, моложавый*. Следовательно, прилагательное *молодой* относится к славянскому языку и отражает общие черты славянского наследия[1].

Согласно словарю Д.Н. Ушакова, слово *молодой* означает «имеющий лет отроду; юного возраста»[2].

В словаре Евгеньевой, слово *молодой* обозначает[3]:

1) «не достигший зрелого возраста, юный»;

2) «в значении сказуемого, разговорное употребление: слишком юн, недостаточно опытен для чего-либо»;

3) «появившийся недавно, начав растительный цикл либо новую фазу существования»;

4) «недавно приготовленный продукт питания или напиток, еще не обладающий полной крепостью или остротой вкуса».

Согласно словарю Т.Ф. Ефремовой, слово *молодой* имеет значения[4]:

1) «находящийся в возрасте от отрочества до зрелых лет»;

2) «недавно родившийся (о животных); недавно посаженный (о растениях)»;

3) «недавно возникший, появившийся или ставший функционировать как кто-либо»;

4) «недавно приготовленный, не имеющий достаточной крепости, остроты (о напитках, кушаньях и т.п.)».

Анализ словарных дефиниций показывает, что лексема *молодой* употребляется для обозначения лиц, не достигших зрелости, а также предметов и явлений, находящихся на начальном этапе формирования или функционирования. Термин представлен четырьмя ключевыми смысловыми компонентами, охватывая как характеристики живого существа, так и объекты материального мира.

Анализ словарей синонимов показал, что в значении «молодой (по возрасту)» употребляются такие синонимы, как: юный, нестарый, ранний; в переносных значениях – свежий, новый, зеленый (разг.), начинающий[5]. Антонимическими

[1] Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНВЕС, 2003. 704 с.

[2] Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2017. 1248 с.

[3] Малый академический словарь / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3: П – Р. 750 с.

[4] Толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2009. 1213 с.

[5] Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5000 синонимических рядов; 20 000 синонимов. 5-е изд., испр. и доп. М.: Русские словари, 1994. 499 с.

коррелятами являются: старый, пожилой, престарелый, немолодой, зрелый, опытный. Часть антонимов связана с биологическим возрастом, а другая часть – с социальным и профессиональным опытом[6].

В структуре лексемы *молодой* были выявлены следующие гиперонимы: человек (по возрастной характеристике), живое существо, возраст, этап жизни, состояние. Для них определяются гипонимы: ребенок, подросток, юноша, девушка (для человека), теленок, жеребенок, щенок, птенец (для животного), росток, побег, поросль (для растения). Таким образом, лексема «молодой» выступает как более обобщенное обозначение начальной стадии существования в разных сферах естественной жизни.

Ядро лексико-семантического поля составляет сама лексема «молодой». В ближайшую периферию входят слова: юный, нестарый, свежий, новый. В дальнюю периферию включаются лексемы: зеленый (неопытный), начинающий, дерзкий, перспективный, ранний.

В ходе анализа выделяются следующие типы связей. Гиперо-гипонимическая связь: молодой человек ↔ человек, молодой росток ↔ растение. Пересечение: молодой ↔ новый (общая сема «недавно возникший»), молодой ↔ свежий (общая сема «сохранивший силы»). Синонимическая: молодой ↔ юный, молодой ↔ нестарый. Градуальная: очень молодой ↔ совсем юный ↔ еще ребенок; молодой ↔ немолодой ↔ старый.

Таким образом, лексема *молодой* характеризуется широкой семантической полифункциональностью: в ее значении совмещаются возрастные, временные, оценочные и эмоциональные оттенки. Она образует разветвленное словообразовательное гнездо, проявляет высокую сочетаемость и входит в многочисленные лексико-семантические связи. Ядро ее поля составляют лексемы «юный», «свежий», «новый», а дальняя периферия включает слова с эмоционально-оценочными и метафорическими значениями («зеленый», «перспективный»). Все это позволяет говорить о том, что *молодой* представляет собой многозначную лексему с богатым ассоциативным потенциалом и высокой употребительностью в русском языке.

В ходе анализа словообразовательного гнезда были выявлены родственные слова: *молодость, молодежь, молоденький, молодка, молодушка, молодчик, моложавый, омолаживание, омолаживать, помолодеть, немолодой.* Словообразовательное гнездо с корнем «молод-» объединяет слова, связанные с возрастом и его признаками: *молодость* – «период жизни от отрочества до зрелых лет»[7], *молодежь* – «молодое поколение»[8]. Уменьшительно-оценочное значение имеет *молоденький* – «уменьшительное к прилагательному молодой»[9], а слова *молодка*

[6] Словарь синонимов и антонимов современного русского языка: 50 000 слов / под ред. А.С. Гавриловой. М.: Аделант, 2012. 800 с.

[7] Толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2009. 1213 с.

[8] Там же.

[9] Там же.

и *молодушка* обозначают «молодую замужнюю женщину»[10]. Особое развитие значения наблюдается у слова *молодчик* – «плут, мошенник»[11]. Прилагательное *моложавый* характеризует человека, «выглядящего моложе своих лет»[12]. К процессам возвращения молодости относятся: *омолаживание* – «процесс действия по глаголу омолаживать, омолаживаться»[13], *омолаживать* – «делать более молодым»[14] и *помолодеть* – «стать молодым или более молодым»[15]. Прилагательное *немолодой* описывает человека «зрелого возраста, средних лет»[16].

Лексема *молодой* активно вступает в синтагматические отношения. Она сочетается с существительными: *молодой человек, молодой специалист, молодой ученый, молодой врач, молодой супруг, молодой организм, молодой дуб, молодой зверек, молодая семья, молодая поросль*. С наречиями степени она образует словосочетания типа: очень молодой, слишком молодой, еще молодой, совсем молодой. В качестве субъекта с глаголом используется в выражениях: *молодой растет, молодой развивается, молодой крепнет, молодой дерзает*. В составном именном сказуемом встречается в сочетаниях: *выглядеть молодым, оставаться молодым, казаться молодым, чувствовать себя молодым, стать молодым*. Все это свидетельствует о широкой функциональной активности лексемы в языке.

Выводы. Лексема *молодой* сохраняет древнее значение, связанное с возрастной характеристикой, но в современном русском языке демонстрирует расширение семантики и активное функционирование в разных дискурсах. Ее многозначность и высокая сочетаемость обеспечивают устойчивое положение в системе лексико-семантических связей, что подтверждает ее полифункциональность. Можно прогнозировать дальнейшее расширение переносных и метафорических значений слова, а также его активное использование в публицистическом и художественном дискурсах как универсального маркера новизны и социально-культурной динамики.

Заключение. Исследование показало, что лексема *молодой* занимает особое место в современном русском языке благодаря своей семантической широте и богатству ассоциативных связей. Она выступает не только как обозначение возрастной характеристики, но и как универсальный маркер новизны, свежести, перспективности. Такое многоплановое функционирование обеспечивает слову высокую востребованность в разных дискурсах – от научного и публицистического до художественного и разговорного. Систематизация значений и связей лексемы *молодой* позволяет глубже понять механизмы функционирования лексико-семантических полей и может быть полезна в дальнейшем при создании словарей нового типа, а также в практике преподавания русского языка и анализа текстов.

[10] Толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2009. 1213 с.
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Там же.

Библиографический список

1. Абрамов В.П. Синтагматика семантического поля. Ростов-на-Дону, 1992.
2. Беленкович Е.В. Лексико-семантическое поле «Семья»: синонимические ряды в диалектном дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3. С. 582–585.
3. Денисенко В.Н. Общее значение единиц семантического поля: становление и содержание понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 3. С. 12–15.
4. Дедова О.В., Подольская В.В. Структура и особенности лексико-семантического поля «Интернет» // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 3. С. 374–377.
5. Диброва Е.И. Лексико-семантическое поле и авторские проекции художественного текста. М.: Наука, 2018. 428 с.
6. Калугина И.В. Лексико-семантическое поле «духовность» в современном русском языке // Современное педагогическое образование. 2021. № 4. С. 257–261.
7. Кузнецова А.И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., 1963.
8. Кузнецова Э.В. Итоги и перспективы семантической классификации русских глаголов // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982. С. 3–7.
9. Луков В.А. Молодой герой в литературе // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 141–147.
10. Митина Е.А. К вопросу о структуре лексико-семантического поля «Смерть» // Вестник ЧГПУ. 2010. № 12. С. 291–302.
11. Новиков Л.А. Эскиз семантического поля // Новиков Л.А. Избранные труды. М.: Изд-во РУДН, 2001. Т. II: Эстетические аспекты языка. Miscellanea. С. 554–570.
12. Рогова К.А. Знания о современном мире в речи молодого человека // Записки Горного института. 2011. С. 16–20.
13. Романова Т.В. Языковое сознание молодого россиянина // Мир русского слова. 2009. № 2. С. 60–67.
14. Савельева Н.В. Представление лексико-семантического поля «Интеллигент»: на примере текстовых фрагментов второй половины XIX начала XXI века Национального корпуса русского языка // Современное педагогическое образование. 2023. № 5. С. 241–246.
15. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. М.: Наука, 1974.

Сведения об авторе

Виноградов Дмитрий Олегович – аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: dmitru98@gmail.com

LEXICAL-SEMANTIC FIELD OF THE LEXEME *YOUNG*

D.O. Vinogradov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. In modern Russian language, the adjective *molodoi* ('young') is characterized by high functional activity and broad semantic variability. It is used in various speech domains and includes both direct and transferred meanings reflecting age-related, temporal, stylistic, and evaluative characteristics. However, a comprehensive analysis of its lexical-semantic field encompassing core, near-peripheral, and far-peripheral components has not yet been conducted, and this complicates systematization of its meanings and functional features.

The purpose of the article is to determine the structure of the lexical-semantic field of the lexeme *molodoi*, identify its main and peripheral meanings, as well as analyze its functional and stylistic usage features in contemporary Russian.

Materials and methods. Lexicographic description: etymological, semantic, and word-formation analysis, identification of synonymous and antonymic relationships, as well as component analysis and compatibility analysis. Explanatory, word-formation, etymological dictionaries, dictionaries of synonyms and antonyms, as well as examples from modern linguistic usage were used as comparative material.

Research results. It was established that the core of the lexical-semantic field comprises the meaning 'youthful age'. Near periphery encompasses transferred meanings such as *fresh, new, youngish*, while distant periphery includes conversational, metaphorical, and expressive words like *green, beginner, promising*. High word-formative productivity of this lexeme forming an extensive word family was revealed. Lexeme *molodoi* actively participates in hyperonym-hyponymic, synonymous, antonymous, and gradation relationships, confirming its polyfunctionality and wide combinability.

Conclusions. The lexeme *molodoi* retains ancient significance related to age characteristic but demonstrates active expansion of semantics in contemporary language. It serves as a universal marker of novelty, promise, and dynamism, functioning actively across different discourses and possessing high associative potential. These findings highlight the necessity for further systematic research into lexical-semantic fields in Russian.

Keywords: *young, semantic field, word formation, synonyms, antonyms, collocations, metaphor, variability, lexicography.*

References

1. Abramov V.P. Sintagmatika semanticheskogo polia [Syntagmatics of the semantic field]. Rostov-na-Donu, 1992, 235 p.
2. Belenkovich E.V. Leksiko-semanticheskoe pole «Sem'ia»: sinonimicheskie riady v dialektnom diskurse [Lexico-semantic field "Family": synonymic series in dialect discourse]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia [World of Science, Culture, Education]*, 2021, 3, 582–585.
3. Denisenko V.N. Obshchee znachenie edinits semanticheskogo polia: stanovlenie i soderzhanie poniatiia [General meaning of units of the semantic field: formation and content of the concept]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics]*, 2012, 3, 12–15.

4. Dedova O.V., Podolskaia V.V. Struktura i osobennosti leksiko-semanticheskogo polia "Internet" [Structure and features of the lexico-semantic field "Internet"]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia [World of Science, Culture, Education]*, 2025, 3, 374–377.
5. Dibrova E.I. Leksiko-semanticheskoe pole i avtorskie proektsii khudozhestvennogo teksta [Lexico-semantic field and authorial projections of a literary text]. Moscow, Nauka, 2018, 428 p.
6. Kalugina I.V. Leksiko-semanticheskoe pole "Dukhovnost'" v sovremennom russkom iazyke [Lexico-semantic field "Spirituality" in modern Russian]. In: *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie [Modern Pedagogical Education]*, 2021, 4, 257–261.
7. Kuznetsova A.I. Poniatie semanticheskoi sistemy iazyka i metody ee issledovaniia [Concept of the semantic system of language and research methods]. Moscow, 1963, 210 p.
8. Kuznetsova E.V. Itogi i perspektivy semanticheskoi klassifikatsii russkikh glagolov [Results and perspectives of semantic classification of Russian verbs]. In: *Semanticheskie klassy russkikh glagolov [Semantic Classes of Russian Verbs]*, Sverdlovsk, 1982, 3–7.
9. Lukov V.A. Molodoi geroi v literature [The young hero in literature]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2005, 1, 1410Ц147.
10. Mitina E.A. K voprosu o strukture leksiko-semanticheskogo polia "Smert'" [On the structure of the lexico-semantic field "Death"]. In: *Vestnik ChGPU [Bulletin of ChGPU]*, 2010, 12, 291–302.
11. Novikov L.A. Eskiz semanticheskogo polia [Sketch of a semantic field]. In: *Novikov L.A. Izbrannye trudy. T. II: Esteticheskie aspekty iazyka. Miscellanea [Novikov L.A. Selected Works. Vol. II: Aesthetic Aspects of Language. Miscellanea]*, Moscow, Izdatel'stvo RUDN, 2001, 554–570.
12. Rogova K.A. Znaniia o sovremennom mire v rechi molodogo cheloveka [Knowledge about the modern world in young people's speech]. In: *Zapiski Gornogo instituta [Notes of the Mining Institute]*, 2011, 16–20.
13. Romanova T.V. Iazykovoe soznanie molodogo rossiĭanina [Language consciousness of the young Russian]. In: *Mir russkogo slova [World of the Russian Word]*, 2009, 2, 60–67.
14. Savel'eva N.V. Predstavlenie leksiko-semanticheskogo polia "Intelligent": na primere tekstovykh fragmentov vtoroi poloviny XIX – nachala XXI veka Natsional'nogo korpusa russkogo iazyka [Representation of the lexico-semantic field "Intelligent": on the example of textual fragments of the second half of the 19th – early 21st century of the National Corpus of Russian]. In: *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie [Modern Pedagogical Education]*, 2023, 5, 241–246.
15. Shchur G.S. Teorii polia v lingvistike [Field theories in linguistics]. Moscow, Nauka, 1974.

About the author

Vinogradov, Dmitry O. – PhD Candidate, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: dmitru98@gmail.com

УДК 82-95

ЖАНРОВЫЙ РЕПЕРТУАР ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В.А. ЖУКОВСКОГО: ДОМИНАНТЫ, ДИНАМИКА, ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Ду Цзяи (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена комплексному анализу жанрового репертуара литературной критики В.А. Жуковского в историко-культурном контексте.

Цель статьи – комплексный анализ жанрового репертуара литературной критики В.А. Жуковского в его динамике и с учетом историко-культурного контекста.

Обзор научной литературы. На материале критических работ поэта и с опорой на историко-литературные труды А.С. Янушкевича, Ф.З. Кануновой и В.С. Киселева выявлены жанровые доминанты каждого из периодов его критической деятельности: эстетико-философский конспект (1800-е), проблемная статья и «жанровая» рецензия (1810-е), авторский эстетический манифест и обзор (1820–1830-е), теоретический трактат (1840-е).

Теоретико-методологическим фундаментом работы выступили классические труды Б.Ф. Егорова и В.Н. Крылова, посвященные жанрам литературной критики.

Результаты исследования. Определены закономерности развития жанровых предпочтений Жуковского: от освоения европейской эстетической мысли через адаптацию современных критических форм к созданию синтетических жанров, соединяющих литературный анализ с религиозно-философскими размышлениями.

Выводы. Делается вывод о том, что специфика жанровой системы критика в историко-культурном контексте эпохи определялась его просветительской миссией, задачами культурного трансфера, углублением религиозно-философских исканий и полемикой с формирующейся социально ориентированной критикой.

Ключевые слова: *В.А. Жуковский, литературная критика, жанр, историко-культурный контекст, романтизм.*

Постановка проблемы. Литературно-критические жанры, представляя собой исторически сложившиеся и функционально обусловленные формы организации критической мысли, выступают важнейшими инструментами интерпретации, оценки и структурирования литературного процесса. Как отмечает В.Н. Крылов, жанр является «категорией мышления, в которой преломляются метод критики, стилистика эпохи», выполняет «формообразующую роль» и служит «инструментом классификации литературно-критических явлений» [Крылов, 2011, с. 102]. Литературная критика и ее жанры представляют собой не застывшую систему, а живой, динамичный процесс, постоянно развивающийся вместе с литературным творчеством. Она включает «как особые формы, рожденные задачами критики (рецензия, обзор, литературный портрет и т.д.),

так и усвоенные критикой и подчиненные ее собственным задачам литературные и публицистические жанры (письмо, памфлет, диалог, пародия, эпиграмма и др.)» [Крылов, 2011, с. 120].

Цель статьи – комплексный анализ жанрового репертуара литературной критики В.А. Жуковского в его динамике и с учетом историко-культурного контекста.

Обзор научной литературы. Вопрос о необходимости жанрового подхода к литературно-критическим сочинениям был поставлен в работе Б.Ф. Егорова «О мастерстве литературной критики: Жанры. Композиция. Стиль» (1980). Как показал исследователь, жанры литературной критики формировались и выделялись из общего потока отечественной словесности постепенно: «очень медленно она (критика. – *Ц.Д.*) обособлялась от других видов литературной деятельности, медленно возникала и жанровая автономия» [Егоров, 1980, с. 43]. Критика XVIII в. существовала еще в качестве «своеобразной вставки, “инкрустации” внутри публицистической статьи, историко-литературного трактата, художественного очерка, рассказа» [Егоров, 1980, с. 43]. В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов и А.П. Сумароков нередко высказывали свои критические суждения в форме эпиграммы, И.А. Крылов – в виде переписки “гномов” и “сильфов” с волшебником Маликульмульком или «восточной» повести. По наблюдению Б.Ф. Егорова, «качественный переход к созданию критики как самостоятельного литературного вида совершил Карамзин», который «прочно и навсегда ввел критическую рубрику в журнал» [Там же, с. 43, 45]. Роль Карамзина в истории отечественной критики была определена В.Г. Белинским в статье, посвященной «Опыту истории русской литературы» А.В. Никитенко: «Первым критиком и, следовательно, основателем критики в русской литературе был Карамзин» [Белинский, 1981, с. 343]. Его «официальным наследником» на литературно-критическом поприще стал В.А. Жуковский. Именно ему Карамзин в 1808 г. передал свой журнал «Вестник Европы», отойдя от художественной словесности в сферу историографии. На первых порах Жуковский был не просто редактором, но и практически единственным автором журнала. При этом, по наблюдению В.С. Киселева, «книжки («Вестника Европы». – *Ц.Д.*) приобрели большую жанрово-тематическую однородность», а каждый номер издания – устойчивый «жанровый состав» [Киселев, 2006, с. 331]. Следующий этап развития литературной критики – получение ею институционального статуса пришелся, по мысли Е.А. Добренко, на конец пушкинской эпохи [История…, 2011, с. 9]. Таким образом, именно с периодом литературно-критической деятельности Жуковского связана разработка оснований и жанровой системы отечественной критики XIX в.

Теоретико-методологические подходы к исследованию критики в жанровом аспекте сформулированы в классических работах Б.Ф. Егорова и В.Н. Крылова. Б.Ф. Егоров представил первый в отечественной филологии опыт жанровой классификации литературной критики по нескольким основаниям, а также поставил вопрос о ее национальном своеобразии. Так, в русской критике «преобладают обзоры и проблемные статьи», в то время как в западной – «литературные портреты».

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ 2025. № 3 (32)

В.Н. Крылов значительно расширил первоначальный перечень литературно-критических жанров, подробно проанализировав их функции, структуру, внутренние вариации и характерные авторские техники. Современное литературно-критическое жанроведение, представленное как историко-описательными исследованиями, так и теоретическими, позволяет обратиться к жанровому своеобразию творчества отдельных литературных критиков.

Результаты исследования. В этом отношении особый интерес представляет литературно-критическое наследие В.А. Жуковского. Именно его критические работы, пронизанные философской глубиной и искренней верой в просветительскую миссию литературы, во многом сформировали и конкретизировали эстетические принципы русской культуры 1800–1840-х гг., стали важным связующим звеном между эпохой Просвещения и феноменом отечественной критики середины XIX столетия. Литературно-критическое наследие Жуковского являет собой обширный, но все еще недостаточно изученный материал, особенно в его жанровом аспекте. Хотя исследователи внесли значительный вклад в осмысление литературной критики поэта, многие ее грани требуют особого внимания.

Обращаясь к литературной критике Жуковского, в первую очередь необходимо указать на фундаментальную работу А.С. Янушкевича и Ф.З. Кануновой, посвященную романтической эстетике и критике Жуковского в целом. Исследователями впервые была сформулирована проблема жанрового новаторства его сочинений: «Жуковский внес в русскую критику новые формы. Тип статьи, сочетающей теорию искусства и конкретный анализ, исповедальные статьи-манифесты, проблемные театральные рецензии и театральные стенограммы, историко-литературные работы – все это обогащало молодую русскую критику...» [Канунова, Янушкевич, 2012, с. 442]. Это новаторство проявлялось не только в форме, но и в смысловом наполнении и повествовательной организации статей. Критика для Жуковского была не сухой оценкой, а формой диалога с читателем и художником, актом «истолкования» произведения, направленным на пробуждение в них нравственного и эстетического чувства.

Вопрос о необходимости системного изучения места Жуковского в отечественной литературной критике впервые был поставлен В.С. Киселевым. Ученый отметил, что существует множество лакун в изучении прижизненной критической рецепции Жуковского: «В том же качестве личность и творчество В.А. Жуковского фигурируют во множестве трудов... В.А. Жуковский выступает лишь одним из персонажей критической рефлексии, но в цельную картину рецепция его личности и творчества в прижизненной литературной критике не складывается» [Киселев, 2024, с. 210]. Это замечание указывает на ключевую проблему изысканий о Жуковском-критике и объекте критики на современном этапе: его наследие часто рассматривается фрагментарно, в рамках изучения творчества других авторов или общих процессов эпохи, но редко как самостоятельный и целостный объект исследования. Поэтому необходима смена самой исследовательской оптики: от взгляда на Жуковского как на «персонажа»

критики к комплексному анализу его как центральной фигуры, вокруг которой выстраивалась литературная полемика его времени.

Деятельность Жуковского как критика включает четыре этапа, каждый из которых отличается своеобразным жанровым репертуаром и эстетическими установками. Периодизация литературной критики поэта была намечена и обоснована в специальной работе А.С. Янушкевича и Ф.З. Кануновой: «Эстетическое самообразование 1800–1806 годов, редакторство и сотрудничество в “Вестнике Европы” (1808–1814), арзамасские протоколы и романтические манифесты (1815–1824), конспекты, обзоры и статьи 1830–1840-х годов» [Канунова, Янушкевич, 2012, с. 415]. Данная периодизация, кратко суммирующая основные вехи его критического пути, в целом коррелирует с делением на периоды, предложенным в 12-м томе его Полного собрания сочинений и писем. Обратимся к своеобразию жанрового репертуара Жуковского-критика на каждом из этапов его творчества.

Первый этап (1803–1811). Жуковский начал свой путь в критике с глубокого изучения трудов предшественников и современников. Этот период можно назвать этапом интеллектуального становления, когда он систематизировал идеи европейской и отечественной эстетики, что впоследствии легло в основу его собственных критических работ. Жуковский изучал тексты немецких романтиков (Шиллера, Гете, Новалиса), философов (Канта, Шеллинга), а также французских просветителей (Руссо, Лафонтена). Из эстетики Шиллера он заимствовал идею о возвышенной миссии искусства, а из манифестов немецкого романтизма – интерес к внутреннему миру человека, мистическому и иррациональному началам. Конспектируя труды предшественников, Жуковский адаптировал идеи иностранных писателей и философов для русской литературы. Что касается влияния отечественных мыслителей на становление Жуковского как критика, то важную роль сыграли труды Н.М. Карамзина, утверждавшего ценность чувства и индивидуального переживания в литературе.

Особо поэт выделял немецкого писателя и автора учебников по эстетике И.И. Эшенбурга. Его учебники по литературе Жуковский перевел, законспектировал и сопроводил авторскими примечаниями [Жуковский, 2012, с. 14–25]. В работах Эшенбурга, на наш взгляд, критика привлекли две особенности. Во-первых, это большой объем информации, представленный в предельно сжатом виде – ключевые понятия и главные вехи осмысления искусства. Во-вторых, близкая самому поэту мысль о высоком статусе воображения в искусстве. Жуковский проанализировал категории «прекрасного» и «возвышенного», связав их с божественным началом и духовным поиском. Важно заметить, что поэт не копировал идеи предшественников, а отбирал, систематизировал и переосмысливал их. Особенно в работах предшественников критика интересовал вопрос о красоте в искусстве как отражении высшей истины и гармонии: «Красота художественного произведения состоит в истине выражения, то есть в ясности идеи и в ее гармоническом согласии с материальным художественным ее образом... Художество в обширном, высшем значении имеет предметом красоту высшую» [Жуковский, 2012, с. 441].

Таким образом, жанровая доминанта первого периода – эстетико-философский конспект. По сути, Жуковский вводит новый жанр в русскую литературную критику, что связано с потребностью самой эпохи – максимально быстрое освоение европейской эстетической мысли, на фундаменте которой будет создаваться отечественная эстетика. По замечанию В.Н. Крылова, «философская критика рождается в первой трети XIX в., в пору “философского пробуждения” общества (Г. Флоровский). Она рассматривает каждое литературное явление в свете общефилософских и эстетических проблем» [Крылов, 2011, с. 97]. Эстетико-философский конспект – это синтетический жанр, он выполняет адаптационно-просветительскую функцию, систематизируя и переосмысляя европейскую эстетическую мысль для русской литературы. Он не является простым изложением исходного материала, а представляет собой творческий отбор, систематизацию и адаптацию ключевых концепций (Канта, Шиллера, Эшенбурга) для русскоязычного читателя и применительно к задачам национальной литературы. Его цель – не оперативный отклик на новинку, а создание теоретического фундамента для будущей критики и литературы. Он выступает как «жанр-посредник», обеспечивающий культурный трансфер и становление более сложных жанровых форм (теоретической статьи, монографии). Конспект Жуковского – это сознательно созданный жанр с четкой прагматикой, отражающий динамику литературного процесса: необходимость усвоения традиции для последующего самостоятельного развития.

Второй этап (1808–1811). На рубеже 1800–1810-х гг. Жуковский рассматривал литературу как инструмент духовного и нравственного воспитания. К 1810-м гг. он переходит к авторской критике (например, в публикациях журнала «Вестник Европы», 1808–1810). Его литературное эссе «Писатель в обществе» (1808) – это проблемная статья, посвященная конкретному вопросу: как «писатель может с успехом играть свою роль на сцене большого света» [Жуковский, 2012, с. 189]. В работе осмысляются ожидания общества в отношении писателей, конфликты между писателями и различными социальными институциями. Жуковский указывает на два рода светского успеха – «мгновенные торжества, приобретаемые блестящими, но мелкими средствами… другого рода успех, более твердый и с большею трудностью приобретаемый, основан на уважении, которое имеют в обществе к уму и качествам моральным. Чтоб заслужить его, необходимо нужно усовершенствовать свой характер, иметь правила твердые, рассудок образованный, быть деятельным для блага общего» [Жуковский, 2012, с. 190]. Жуковский предлагает альтернативный путь для писателя, который не может или не хочет интегрироваться в «большой свет»: «Писатель с дарованием истинным щедро вознагражден природою за все обиды пристрастной фортуны... богатого чувством и любовью ко всему прекрасному человека, он будет в тишине души довольствоваться скромным своим уделом» [Там же, с. 195–196]. «Нравственность» трактуется Жуковским как инструмент воспитания общества, а писатель – как «проводник добродетели», «любви ко всему прекрасному» [Там же, с. 196].

Для второго периода критики Жуковского характерно максимальное жанровое разнообразие. В 1810-е гг. в его жанровый репертуар входят письмо, диалог, рецензия, теоретическая статья, опыты метакритики и т.д. В фокусе внимания поэта находятся жанровая поэтика и связь между творчеством писателя и его излюбленным жанром: «О басне и баснях Крылова», «О сатире и сатирах Кантемира». Как мы знаем, позднее этот подход будет использовать В.Г. Белинский в своей программной статье «О русской повести и повестях г. Гоголя». Сам Жуковский, получивший впоследствии прозвище «русский балладник», именно в 1810-е гг. интенсивно разрабатывает отечественные образцы жанра баллады, поэтому, по всей вероятности, в критике его также интересуют в первую очередь жанровые вопросы.

Ключевое место в литературной критике Жуковского второго периода занимает важный для эстетики романтизма вопрос о национальной специфике литературы. Именно он впервые теоретически обосновал значение «народности» в литературе. Так, в статье «О басне и баснях Крылова» (1809) Жуковский подчеркнул, что Крылов использует простой, естественный язык, близкий к народной речи. Его басни не требуют искусственных украшений – они живые и понятные, что отражает «русский ум» через доступность и ясность. Эта черта противопоставлена стилю Лафонтена, где акцент делается на поэтической изысканности [Жуковский, 2012, с. 209]. Жуковский утверждает, что Крылов, если даже заимствует сюжеты у Лафонтена, то создает оригинальные произведения благодаря адаптации к русскому контексту. Его стиль сочетает эпичность, лирику и юмор, что отражает многообразие национального характера. Жуковский видит в этом доказательство того, что русская литература может сохранять самобытность, даже ориентируясь на иностранные образцы [Там же, с. 208]. По сути, Жуковский, говоря о Крылове, описал собственную роль в русской литературе – освоение и адаптация европейской культуры и литературы, рождение национальных художественных образцов через переосмысление западных произведений и сюжетов.

Третий этап (1820–1830-е). К 1820–1830-м гг. под влиянием исторических событий, личных переживаний и углубления в религиозную философию мировоззрение Жуковского претерпело существенные изменения. Писатель все больше осмысляет историю и политику в религиозно-провиденциалистском ключе. Он видит в событиях (включая восстание декабристов, войны, европейские революции) не слепую игру рока, но проявление высшего замысла. «В противоположность судьбе Провидение ведет человека к бессмертию» [Долгушин[1], 2019, с. 82]. По наблюдению Д.В. Долгушина, Провидение становится для него не абстрактной силой, а личностным началом, ведущим человечество и Россию к духовной цели, «заботливы<м> Воспитател<ем> и Испытател<ем>» («К Плещееву», 1812), который ведет душу по определенному пути [Цит. по: Долгушин, 2019, с. 82].

[1] Долгушин Д.В. В.А. Жуковский и религиозно-философская культура его времени: дис. ...д-ра филол. наук. Томск; Новосибирск, 2019. 508 с.

В письмах-дневниках дерптского периода (1814) Жуковский и М.А. Протасова постоянно призывали друг друга «предоставить все будущее без всякой заботы попечению Промысла», «оставить все на волю Тому, Кто все может» [Жуковский, 2004, с. 78, 70]. Этот принцип активного доверия к личностной воле Бога, а не пассивного подчинения безличной судьбе, становится краеугольным камнем его мировоззрения. Смерть М.А. Протасовой в 1823 г. стала поворотным моментом в мировоззрении Жуковского. Если ранее ее образ связывался с идеалом земного счастья и «милого вместе», то теперь он превратился в символ утраты и вечности. Свой новый взгляд нам мир поэт формулирует следующим образом: «счастие не цель жизни. <...> Мы знаем здесь одно потерянное счастие. Счастие наш предмет; здесь мы имеем только тень предмета» [Цит. по: Долгушин, 2019, 103]. Утрата возлюбленной приводит к углублению темы загробного воссоединения и переосмыслению страдания как пути к вечности. К 1830-м гг. Жуковский окончательно переходит от мечты о земном рае («милое вместе») к концепции жизни как приготовления к вечности. Его религиозность приобретает личностный, доверительный характер, а творчество наполняется мотивами провиденциализма, смирения и надежды на загробное воссоединение.

В критике этих лет нравственная миссия художника прямо связывается с религиозным началом. Позднее в статье «О поэте и современном его значении» (1848) Жуковский выдвинет тезис о том, что религия является основой нравственности и, следовательно, искусства, процитировав в связи с этим строки из «Камоэнса»: «Поэзия небесной / Религии сестра земная, светлый / Маяк, самим создателем зажженный, / Чтоб мы во тьме житейских бурь не сбились / С пути. Поэт, на пламени его / Свой факел зажигай!» [Жуковский, 2012, с. 382]. Поэзия, как земное воплощение религии, по мнению Жуковского, призвана направлять людей к свету через духовные испытания. Вера выступает фундаментом нравственности, а поэт, следуя божественному вдохновению, выполняет миссию духовного наставника.

В третьем периоде жанровый репертуар критики Жуковского меняется. Жанровые доминанты – это конспекты, авторские эстетические манифесты, обзоры, речи, некрологи. На первый взгляд, критик возвращается к конспектированию, что было характерно для первого периода. Но на этом этапе конспект уже не играет ведущей роли в арсенале литературно-критических жанров Жуковского и свидетельствует об «эстетической переориентации» поэта на труды немецких предромантиков и романтиков [Жуковский, 2012, с. 495]. Главным шедевром этого периода считается «Рафаэлева Мадонна» (1821). Как известно, в основе названного эстетического манифеста лежало письмо великой княгине Александре Федоровне, которое поэт преобразовал в статью. Благодаря Жуковскому, картина «Сикстинская мадонна» стала значимым культурным символом в русской литературе и искусстве со времен романтизма. Она символизировала божественную красоту, идеалы, дух жертвенности и человечность и считалась

высшим проявлением искусства и вдохновения. «Чудесное видение становится символом красоты, человечности, жертвенности», – отмечает Н.М. Ильченко [Ильченко, Пепеляева, 2016, с. 79].

В статье «Рафаэлева Мадонна» Жуковский раскрывает идею искусства как божественного откровения, где красота становится мостом между земным и вечным. «Час, который провел я перед этою Мадонною, принадлежит к счастливым часам жизни, если счастием должно почитать наслаждение самим собою» [Жуковский, 2012, с. 343]. Он подчеркивает, что подлинное искусство пробуждает в зрителе «нравственное чувство», очищая душу через соприкосновение с идеалом. «Можно сказать, что все, и самый воздух обращается в чистого ангела в присутствии этой небесной, мимоидущей девы» [Жуковский, 2012, с. 344]. Манифест утверждает эстетику возвышенного, где художник – проводник высшей истины, а созерцание искусства – акт духовного преображения.

Четвертый этап (1840-е). В 1840-е гг. Жуковский написал всего четыре литературно-критические статьи («О поэте и современном его значении», «О меланхолии в жизни и в поэзии», «Две сцены из “Фауста”», «Об изящном в искусстве»). Это исключительно теоретические работы и эстетические манифесты. При этом их тематический репертуар довольно широк. Это и социальные вопросы литературы (место поэта в современности), и проблема меланхолии в жизни и поэзии, и роль изящного в искусстве. В письме к Н.В. Гоголю Жуковский писал: «поэзия, действуя на душу... это есть тайное, всеобъемлющее, глубокое действие откровенной красоты, которая всю душу охватывает и в ней оставляет следы неизгладимые, благотворные или разрушительные, смотря по свойству художественного произведения, или, вернее, смотря по духу самого художника» [Жуковский, 2012, с. 377]. Критерий оценки – не «правда жизни», а «откровенная красота» и «дух художника». Для Жуковского главное – это внутреннее, нравственное содержание искусства, которое оставляет в душе «следы неизгладимые». Отметим, что такая позиция прямо противоречила характерному для этого времени утилитарному взгляду на искусство как на инструмент общественного прогресса. Гоголь тогда же переживает духовный перелом, работая над «Выбранными местами из переписки с друзьями». Его взгляд на литературу как на средство нравственного очищения и проповеди был очень близок Жуковскому.

В литературной критике 1840-х гг. магистральное направление критики двигалось в сторону социальности и публицистичности. Центральной фигурой, задававшей тон всей отечественной критике, был В.Г. Белинский. Его эстетическая программа была уже сформирована, и ее основным принципом стала социальная ангажированность литературы: искусство должно отражать общественные проблемы, жизнь в ее социальных проявлениях. Характерно, что Белинский в это время писал о «русском балладнике» в прошедшем времени, как о пройденном литературном этапе. Жуковский же в 1840-е гг. в своей критике углублялся в сферу этики, религии и внутреннего мира человека.

Для Жуковского нравственность и искусство были неразрывно связаны, так как он видел в литературе путь к духовному преображению человека. Его романтический идеал заключался не в бегстве от реальности, а в поиске высших ценностей – добра, красоты и истины, которые формируют нравственный стержень личности. Так, обратившись к творчеству В. Скотта, Жуковский отмечает: «его поэзии предаешься без всякой тревоги, с ним вместе веруешь святому, любишь добро, постигаешь красоту и знаешь, какое назначение души твоей… словом, ты насладился красотою создания поэтического; но в то же время душа твоя проникнута довольством другого рода: она вполне спокойна, как будто более утвержденная в том, что все ее лучшее верно» [Жуковский, 2012, с. 379]. Стремление к добру – часть духовного совершенствования, а национальное, в свою очередь, должно обогащаться общечеловеческими ценностями. Национальное искусство, согласно Жуковскому, становится «памятником», фиксирующим вечное Божественное начало в преходящем национальном бытии.

Как можно видеть, если на первых двух этапах своего литературно-критического творчества Жуковский был законодателем моды и одним из основоположников русской романтической критики, формировал язык, понятия, эстетические критерии для новой литературы, то в последующие два периода он стал хранителем нравственных традиций и автором духовного завещания, предложил альтернативный, углубленно-философский взгляд на сущность искусства, говоря не о сиюминутном, а о вечном.

Выводы. Подводя итоги, отметим, что литературная критика В.А. Жуковского представляет собой уникальный синтез нравственных, религиозных и эстетических идей, отражающих развитие русской литературы первой половины XIX в. Его работы не только определили эстетические принципы эпохи, но и заложили основы для дальнейшего развития русской литературной критики. Каждая из вех литературной критики Жуковского отличалась своими жанровыми и идейными доминантами и являлась определенным этапом развития его эстетической и литературно-критической мысли. От освоения европейских и отечественных образцов эстетики, представленных в оригинальной форме эстетико-философского конспекта, поэт обратился к работе над собственными сочинениями. Сначала Жуковский освоил практически весь жанровый репертуар критики своего времени (проблемная статья, «жанровая» рецензия, обзор, теоретическая статья, некролог и др.), а затем создал классические образцы отечественной эстетики («Рафаэлева Мадонна», «О меланхолии в жизни и в поэзии» и др.).

Библиографический список

1. Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 7. 799 с.
2. Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1980. 318 с.
3. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. М.: Языки славянской культуры, 2012. Т. 12: Эстетика и критика. 543 с.

4. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833. 608 с.
5. Ильченко Н.М., Пепеляева С.В. «Сикстинская мадонна» Рафаэля в восприятии В.А. Жуковского и Ф.М. Достоевского // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 2. С. 79–83.
6. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 792 с.
7. Канунова Ф.З., Янушкевич А.С. Романтическая эстетика и критика В.А. Жуковского // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2012. Т. 12. С. 413–448.
8. Киселев В.С. Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII – первой трети XIX века. Томск: Том. гос. ун-т, 2006. 544 с.
9. Киселев В.С. Творчество В.А. Жуковского в рецепции литературной критики первой половины XIX века: к постановке проблемы // Имагология и компаративистика. 2024. № 21. С. 207–219.
10. Крылов В.Н. Теория и история русской литературной критики. Казань: Казан. ун-т, 2011. 124 с.

Сведения об авторе

Ду Цзяи – аспирант кафедры русского языка, литературоведения и речевой коммуникации института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: jiayirussia@gmail.com

GENRE REPERTOIRE OF LITERARY CRITICISM BY V.A. ZHUKOVSKY: DOMINANTS, DYNAMICS, HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT

Du Jiayi (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to a comprehensive analysis of the genre repertoire of literary criticism by V.A. Zhukovsky in the historical and cultural context.

Review of scientific literature. Based on the material of the poet's critical works and based on the theoretical works of B.F. Egorov and V.N. Krylov, the genre dominants of each of the periods of his critical activity are revealed: an aesthetic and philosophical synopsis (1800s), a problematic article and a 'genre' review (1810s), the author's aesthetic manifesto and a review (1820-1830s), a theoretical treatise (1840s).

The purpose of this article is a comprehensive analysis of the genre repertoire of literary criticism by V.A. Zhukovsky in its dynamics and taking into account the historical and cultural context.

Theoretical and methodological approaches are based on the genre classification of literary criticism on several grounds.

Research results. The developmental patterns of Zhukovsky's genre preferences are shown: from the development of European aesthetic thought through the adaptation of modern critical forms to the creation of synthetic genres combining literary analysis with religious and philosophical reflections.

Conclusions. It is concluded that the specificity of the genre system of criticism in the historical and cultural context of the epoch was determined by its educational mission, the tasks of cultural transfer, the deepening of religious and philosophical searches and polemics with the emerging socially oriented criticism.

Keywords: *V.A. Zhukovsky, literary criticism, genres, dominants, dynamics, historical and cultural context.*

References

1. Belinsky V.G. *Sobraniye sochineniy: v 9 t. [Collected Works: in 9 vol.]*. Moscow, Art Literature, 1981. Vol. 7, 799 p.
2. Egorov B.F. *O masterstve literaturnoy kritiki. Zhanry. Kompozitsiya. Stil [On the Mastery of Literary Criticism. Genres. Composition. Style]*. Leningrad, Sov. writer, Leningrad branch, 1980. 318 p.
3. Zhukovsky V.A. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 t. T. 12. Estetika i kritika [Complete Works and Letters: in 20 v. Vol. 12. Aesthetics and Criticism]*. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2012. 543 p.
4. Zhukovsky V.A. *Complete Works and Letters: in 20 vol. Vol. 13. Diaries. Letters-Diaries. Notebooks. 1804–1833]*. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2004, 13, 608 p.

5. Ilchenko N.M., Pepelyaeva S.V. “Sikstinskaya Madonna” Rafaelya v vospriyatii V.A. Zhukovskogo i F.M. Dostoyevskogo [Raphael’s “Sistine Madonna” in the Perception of V.A. Zhukovsky and F.M. Dostoevsky]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University]*, 2016, 2, 79–83.
6. *Istoriya russkoy literaturnoy kritiki: sovetskaya i postsovetskaya epokhi [History of Russian Literary Criticism: Soviet and Post-Soviet Eras]* / edited by E. Dobrenko, G. Tikhanov. Moscow, New Literary Review, 2011. 792 p.
7. Kanunova F.Z., Yanushkevich A.S. *Romanticheskaya estetika i kritika V.A. Zhukovskogo [Romantic Aesthetics and Criticism of V.A. Zhukovsky]*. In: Zhukovsky V.A. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 t. T. 12. Estetika i kritika [Complete Works and Letters: in 20 vol. Vol. 12. Aesthetics and Criticism]*. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2012, 12, 413–448.
8. Kiselev V.S. *Metatekstovyye povestvovatelnyye struktury v russkoy proze kontsa XVIII – pervoy treti XIX veka [Metatextual narrative structures in Russian prose of the late 18th – first third of the 19th century]*. Tomsk, Tomsk State University, 2006. 544 p.
9. Kiselev V.S. Tvorchestvo V.A. Zhukovskogo v retseptsii literaturnoy kritiki pervoy poloviny XIX veka: k postanovke problemy [The Works of V.A. Zhukovsky in the Reception of Literary Criticism of the First Half of the 19th Century: Toward a Problem Statement]. In: *Imagologiya i komparativistika* [*Imagology and Comparative Studies]*, 2024, 21, 207–219.
10. Krylov V.N. *Teoriya i istoriya russkoy literaturnoy kritiki [Theory and History of Russian Literary Criticism]*. Kazan, Kazan University, 2011. 124 p.

About the author

Du Jiayi – PhD Candidate, Department of Russian Language, Literary Studies and Speech Communication, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: jiayirussia@gmail.com

УДК 82-1/29

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ О ЕРМАКЕ И МАССОВАЯ СЛОВЕСНОСТЬ XIX – НАЧАЛА XX в.: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ТИПОЛОГИЯ[1]

А.М. Лисман (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматривается историческая песня «Ермак у Ивана Грозного», пользовавшаяся популярностью у писателей «народной» литературы, но при этом имеющая сюжетное несоответствие с произведениями, созданными писателями массовой словесности XIX – начала XX в.

Цель статьи – в ходе анализа исторической песни «Ермак у Ивана Грозного» выявить ведущие мотивы, которые обеспечили песне популярность среди писателей – создателей массовой словесности XIX – начала XX в.

Обзор научной литературы по проблеме. Теоретической основной исследования являются работы о «народном» чтении во второй половине XIX в. – «Когда Россия училась читать» Дж. Брукса (1985) и «От Бовы к Бальмонту» А.И. Рейтблата (1992).

Методология. В исследовании были использованы методы: культурно-исторический, социологический, компаративный, мотивного анализа. Методологической основой стали труды Э.Х. Канторовича, И. Паперно, Б.М. Гаспарова и М.Б. Плюхановой.

Результаты исследования. Народному сознанию второй половины XIX в., находящемуся в поисках национальной идентичности, были интересны темы, связанные с конфликтом между представителями из народа и властью. Однако отсутствие в истории России примеров удачного бунта побуждало бывших крестьян считать, что конфликт с властью, решенный в пользу народа, был невозможен. Эти идеи нашли отражение в исторической песне «Ермак у Ивана Грозного», в которой с помощью образа головы подчеркивалось превосходство богоизбранного царя над разбойником, а с помощью мотива воды – пограничное положение атамана в обществе.

Выводы. В ходе исследования мы пришли к выводу, что задействованные в исторической песне «Ермак у Ивана Грозного» мотивы обезглавленного тела и гибели в реке, раскрывающие конфликт между разбойником и представителем власти, обеспечили песне популярность среди писателей – создателей массовой словесности XIX – начала XX в., поскольку указанный конфликт соответствовал духовным запросам бывших крестьян в модерном, реформируемом после 1861 г. обществе.

Ключевые слова: Ермак, покорение Сибири, лубочная проза о Ермаке, исторические песни о Ермаке, поэтика телесности, природное и политическое тело, социальный организм, мотив гибели героя в реке.

Постановка проблемы. Многие создатели ориентированной на «народного читателя» словесности XIX – начала XX в., писавшие о покорении Сибири, не раз обращались к историческим песням, в том числе дословно цитируя

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00071, https://rscf.ru/project/25-18-00071/

их. Так, А.С. Суворин в рассказе «Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири» (1898) и Л.П. Шелгунова в рассказе «Ермак. Исторический рассказ времен покорения Сибирского царства» (1915) приводят без изменений одну из вариаций песни «Разбойный поход на Волгу», а П.И. Небольсин в историческом рассказе «Ермак» (1849) и Н.А. Полушин в произведении «Атаман Ермак Тимофеевич, покоритель Сибирского царства» (1890) цитируют песню «Ермак в казачьем кругу».

В корпусе исторических песен, которые привлекались авторами демократической литературы о Ермаке, есть одна, представляющая особый интерес для исследователя, – песня «Ермак у Ивана Грозного». В ней описывается, как Ермак лично приезжает к Ивану Грозному с «повинной головой», дарит царство Сибирское и хочет обрести милость царя. В некоторых версиях песни Ермак лишь мечтает о встрече с Иваном Грозным и о том, как царь его простит и даст в награду «славной тихой Дон», но в действительности встречи не происходит.

Названный сюжет не был реализован в демократической словесности XIX – начала XX в.: в произведениях этого периода Ермак чаще заменяется персонажем-двойником Иваном Кольцом, который едет в Москву вместо атамана, что с большей вероятностью соответствовало действительности. Однако, несмотря на замену героя, напрямую взаимодействующего с Иваном Грозным, писатели XIX – начала XX в. зачастую цитировали песню «Ермак у Ивана Грозного». Так, Л.П. Шелгунова и Н.А. Полушин в названных выше текстах, а также В.П. Андреевская в произведении «Ермак» (1901) приводят эту песню, вплетая ее в общее повествование. Например, после диалога Ивана Кольца с Грозным Л.П. Шелгунова пишет: «Вот что поется по этому поводу в песне: <…>»[2].

В связи с этим у исследователя возникает закономерный вопрос: почему песня «Ермак у Ивана Грозного», в отличие от других полностью или частично вымышленных песен о Ермаке (например, «Поход голытьбы под Казань», «Взятие Ермаком Казани», «Ермак и Ицламбер-Мурза» и др.), пользовалась популярностью у писателей XIX – начала XX в.?

Цель статьи – в ходе анализа исторической песни «Ермак у Ивана Грозного» выявить ведущие мотивы, которые обеспечили песне популярность среди писателей – создателей «народной» литературы XIX – начала XX в.

Обзор научной литературы. Теоретической основной нашего исследования являются работы о «народном» чтении во второй половине XIX в. – «Когда Россия училась читать» Дж. Брукса (1985) и «От Бовы к Бальмонту» А.И. Рейтблата (1992). В этих трудах исследователи стремились ответить на два вопроса: «Как Россия смогла за полвека значительно увеличить читающую аудиторию?» и «Какие темы были близки этой читающей аудитории?». В ходе предпринятых разысканий исследователи пришли к общему выводу: реформы 1860–1870-х гг. привели к увеличению численности грамотных крестьян, которые раньше считали

[2] Шелгунова Л.П. Ермак. Исторический рассказ времён покорения Сибирского царства. Пг.: Изд. В.И. Губинского. Типогр. П.Ф. Вощинской, 1915. С. 37.

чтение ненужным и даже обременяющим, а после отмены крепостного права убедились в полезности этого занятия. Будучи все еще малообразованной, новая читающая аудитория нуждалась в материалах, соответствующих ее уровню, особенностям запроса и культурным привычкам. Таким материалом стала «лубочная» литература, которая освещала волнующие «низового» читателя темы. Так, среди бывших крестьян стали популярны темы о бандитизме и преступности, национальной идентичности и путешествиях, нашедшие отражение в текстах о покорителе Сибири Ермаке.

Опираясь на названные выше работы Дж. Брукса и А.И. Рейтблата, мы сможем обозначить причины популярности исторической песни «Ермак у Ивана Грозного» в «низовой» словесности XIX – начала XX в.

Методология. В нашем исследовании использованы методы: культурно-исторический, социологический, компаративный, мотивного анализа. Акцент делается на работах Э.Х. Канторовича «Два тела короля» (русский перевод – 2015) и И. Паперно «Самоубийство как культурный институт» (1999), посвященных сближению смысловых контуров «телесного» и «политического», на работе Б.М. Гаспарова «Поэтика “Слова о полку Игореве”» (1984), в которой автор реконструирует семантику обезглавленного тела, и на работы М.Б. Плюхановой «Гибель Петра I в реке Смородине» (1982) и «О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле» (1999), в которых поднимается вопрос об истоках мотива утопления и плавания на корабле.

Результаты исследования. Как отмечает А.И. Рейтблат, бывшие крестьяне, научившиеся читать, быстро стали проявлять неудовлетворенность своим местом в социальной иерархии: «Гнет властей <…> порождал чувство бесправия и стремления к свободе – и в лубочной литературе важную роль стал играть образ благородного разбойника и бунтаря, издавна существовавший в фольклоре» [Рейтблат, 2009, с. 166]. Таким образом, «низового» читателя стала интересовать напряженность отношений между свободой и порядком. Однако, несмотря на возрастающие бунтарские настроения бывших крестьян, порядок все еще оставался сильнее свободы: раскаявшиеся разбойники отказываются от свободы, чтобы искупить свою вину и вернуться в общество, из которого они когда-то ушли.

Об этом пути от греха к искуплению и повествует сюжет о покорении Сибири Ермаком, который, как отмечает Дж. Брукс, был одним из самых популярных среди исторических «лубочных» нарративов второй половины XIX в. [Brooks, 1988, p. 79, 364]. Кульминационным центром этих произведений, в которых личность одновременно и идет по пути самоутверждения, и склоняет голову перед верховной властью, оказывается сцена посольства к Ивану Грозному под предводительством Ивана Кольца. Однако вопрос о том, зачем писатели «низовой» литературы цитировали историческую песню «Ермак у Ивана Грозного», в которой освещаемые события не соответствовали действительности, остается открытым.

Вероятно, несмотря на то, что согласно сюжету произведений XIX – начала XX в., с Грозным взаимодействует напрямую не сам Ермак, а Иван Кольцо, песня «Ермак у Ивана Грозного» была упомянута авторами потому, что заключала в себе важные мотивы, раскрывающие конфликт между свободой и порядком, что отвечало запросам читателей «лубочной» литературы. В качестве примера можно привести задействованный в песне *образ головы*: «Приношу тебе буйную головушку / И с буйной головой царство Сибирское!»[3].

В различных народах с образом головы было связано множество смыслов. Она является символом разума, человеческого духа и жизненной силы, а ее отсечение означает *отлетание души* [Гаспаров, 1984, с. 204] и *гибель тела*.

Особенно четко выявленная связь прослеживается в фольклорной традиции, поскольку в былинах и исторических песнях смерть как героев, так и их врагов зачастую была связана с отсечением или разбиением головы. В качестве примера можно привести множество стихотворений из сборника «Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (1804): Алеша Попович расшибает, а после отсекает голову Тугарину Змеевичу[4], татары казнят Семена Пожарского, отрубив ему голову[5], Добрыня Никитич срубает голову бабе Горынинке[6] и пр.

В XVI в. мотив отсечения приобретает дополнительный подтекст, связанный с жестокостью правления Ивана Грозного. Многочисленные казни выводят на первый план *тему телесного – разбиения, разделения, расчленения*. Во «Временнике Ивана Тимофеева» (начало XVII в.), в котором описываются времена правления Грозного царя, неоднократно повторяется мысль о том, как монарх разделил Русь и людей: «Во гневе своем разделением раздвоения едины люди раздели <…> и всю землю державы своея, яко секирою, наполы некако разсече»[7]. Таким образом, отмечает дьяк Иван Тимофеев, Грозный разделил русское пространство подобно живому телу, «напоил кровью» землю и подверг людей различным мучениям.

В дальнейшем свирепость царя была описана и в других источниках, например в многотомном труде Н.М. Карамзина «История государства Российского» (1816–1824), в котором автор осуждал жестокость Ивана Грозного, считая, что она нанесла огромный ущерб стране. По мнению историка, именно завоевание Сибири помогло преодолеть тот кризис, который возник во времена царствования Ивана Грозного [Карамзин, 2024, с. 931].

---

[3] Исторические песни XIII–XVI вв. / изд. подг. Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 533.

[4] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подг. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов; отв. ред. Л.А. Дмитриев. М.: Наука, 1977. С. 100–101.

[5] Там же. С. 155.

[6] Там же. С. 192.

[7] Временник Ивана Тимофеева / подг. к печ., пер. и коммент. О.А. Державиной; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 11–12.

Несмотря на сохранившиеся исторические факты о жестокости Ивана Грозного и его деструктивном правлении, писатели «из народа» не могли себе позволить критику власти, поскольку все еще верили в богоизбранность царя, а его свирепые казни и опалы оправдывали внешними факторами, в том числе болезнью государя или изменой бояр. Именно поэтому в художественных произведениях XIX – начала XX в. информация о жестокости Ивана Грозного опускалась или уходила на второй план. Если автор позволял себе сделать акцент на царских казнях и опалах, то обязательно писал о нравственных терзаниях Ивана Грозного и его раскаянии. Так, в историческом романе А.К. Толстого «Князь Серебряный» (1862) Иван Грозный «заливается слезами», мучается от кошмаров, в которых ему снятся безвинно убитые им люди, и возносит молитвы Богу, прося прощения за свои деяния: «Боже, помилуй мя, грешного! Помилуй мя, смрадного пса! Помилуй мою скверную голову! Упокой, Господи, души побитых мною безвинно!»[8].

В качестве другого примера можно привести «Рассказы из русской истории» (1869) А.Н. Майкова, в которых царь «хотел правды», стремился быть справедливым и вершил суд над народом, но при этом, чувствуя вину за гибель невинных людей, судил и себя: «Исчисляя все свои прегрешения, называя себя окаянным, кровопийцею, чревоугодником и “псом смердящим”, он жаждал совсем оставить мир»[9].

В приведенных выше примерах мы наблюдаем, как в образе Ивана Грозного отделяется «тело природное» от «тела политического». Вслед за Э.Х. Канторовичем, описавшим средневековую концепцию двух тел короля, можно сопоставить русского царя с шекспировским Ричардом, являющимся, как и Иван Грозный, «Божьим избранником», но при этом имеющим слабую человеческую природу и потому испытывающим духовные муки [Канторович, 2015, с. 93–112]. Однако, *несмотря на несовершенство «природного тела», решения «тела политического» остаются неоспоримыми и неподвластными критике*. Именно поэтому в «лубочной» литературе XIX – начала XX в. бунт разбойника против власти всегда был обречен на провал, и, согласно народным представлениям, только государство и церковь имели моральное право помиловать преступника.

Возвращаясь к сюжету о Ермаке, отметим, что заслужить прощение Ивана Грозного с помощью патриотического подвига – это единственный для казаков-разбойников способ *снова обратиться к порядку* и *воссоединиться с обществом*. Однако, учитывая исторический контекст правления Ивана Грозного, в народной песне «Ермак у Ивана Грозного» сцена вверения царю «головы», а вместе с нею и царства Сибирского приобретает дополнительный метафорический смысл: Ермак, принеся голову, а также приравненную к ней Сибирь, *соединяет воедино русское пространство*, разделенное Иваном Грозным. Таким образом, не только русская земля соединяется с новой территорией, но и разделенный

[8] Толстой А.К. Собр. соч.: в 4 т. М.: Художественная литература, 1964. Т. 3. С. 238.

[9] Майков А.Н. Полн. собрание соч.: в 4 т. Спб.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1893. Т. 3: Поэмы. С. 505.

Иваном Грозным народ соединяется воедино, празднуя это значимое для страны событие, предвещающее возрождение «потонувшей в крови» Руси. Именно поэтому Сибирь так тесно связана с образом головы, ведь *воссоединение головы с телом (ср. Сибири с русским пространством) символизирует воскрешение, возвращение души*.

Голова также является символом *власти*, поскольку на ней располагаются такие атрибуты правителей, как короны и венцы. Некоторые авторы демократической словесности XIX – начала XX в. отмечают, что Ермак, имея храброе войско и снискав уважение местных жителей, в том числе и сибирских князей, мог не отправлять посольство к Ивану Грозному с целью преподнести ему Сибирское царство, а самому стать полноправным царем Сибири, образовав новое государство. При упоминании этого выбора, стоявшего перед атаманом, авторы часто вводили в повествование образ *венца Кучума*, который либо был найден казаками после того, как хан оставил столицу Сибири Искер, либо был принесен Ермаку татарами. Возложить венец Кучума на голову символизировало бы желание Ермака обрести власть. Вот как описывает эту сцену А.Н. Майков в «Рассказах из русской истории» (1869): «Венец Кучумов был в его руках… Ермак мог бы возложить его себе на голову… Всякой вольницы из России, с Волги и с Дону, к нему потянуло бы множество, и был бы он силен и славен, и повелевал бы народами… Так бы и сделал иной – только не русский человек»[10].

Ермак, в образе которого соединились народные представления о смиренном разбойнике, отказывается от власти и передает ее единственному истинному правителю, избранному Богом, – Ивану Грозному. На множестве живописных иллюстраций, изображающих посольство казаков к Ивану Грозному, Кольцо преподносит царю венец Кучума как завоеванный трофей. В качестве примера можно привести иллюстрацию к изданию «Живописный Карамзин, или Русская история в картинках» (1836) Б.А. Чорикова под названием «Атаман Кольцо с товарищами бьют челом Иоанну Грозному Царством Сибирским»[11]. Аналогичным образом, согласно этой довольно древней логике, Ермак из исторической песни «Ермак у Ивана Грозного», принеся голову царю, а вместе с ней и царство Сибирское, передает Ивану Грозному не только власть над собой («иль казнить его, или вешати, иль во всех винах его простити»[12]), но и власть над новой захваченной территорией – Сибирью.

Примечательно, что Ермак, принесший повинную голову Ивану Грозному, в итоге сам остается «без головы». Так, в финале одной из версий песни «Ермак у Ивана Грозного» смерть Ермака описывается следующим образом: «И для помощи

[10] Майков А.Н. Полн. собрание соч.: в 4 т. Спб.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1893. Т. 3: Поэмы. С. 496.

[11] Живописный Карамзин, или Русская история в картинах, издаваемая Андреем Прево. Спб.: В типогр. Х. Гинце и Э. Праца и К°, 1838. Ч. 2: От покорения России татарами до восшествия на престол благословенного Дома Романовых (1238–1612). С. 209.

[12] Исторические песни XIII–XVI веков / изд. подг. Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 536.

своих товарыщев он, Ермак, похотел перескочити на другую свою коломенку, и ступил на переходню обманчивую, правою ногой поскользнулся он – и та переходня с конца верхнего подымалася и на его опущалася, расшибла ему буйну голову и бросила его в тое Енисею, быстру реку. Тут Ермаку такова смерть случилась»[13].

Несмотря на популярность в литературе разных эпох мотива разбиения или отсечения головы, он полностью исчез из демократической словесности о Ермаке XIX – начала XX в. В большинстве текстов этого периода смерть атамана описывается следующим образом: Ермак, окруженный врагами, бросился в реку, чтобы доплыть до лодки, и утонул под тяжестью кольчуги, подаренной Иваном Грозным.

Символика воды имеет множество толкований. Она с древних времен ассоциировалась как с очищением и возрождением (например, древнегреческий миф о Геракле «Авгиевы конюшни», Всемирный потоп в Библии, обряд крещения), так и с гибелью (например, река Стикс в древнегреческой мифологии, погребальные драккары в скандинавской мифологии). По мысли М.Б. Плюхановой, «христианские и языческие понятия о значении воды и о смысле погружения в нее, смешавшись, придали мотиву воды в русской традиции колеблющийся, зыбкий характер» [Плюханова, 1982, с. 26].

Вполне однозначным оказывается *образ реки*, в народном представлении означающий *границу между миром живых и миром мертвых*. Разбойники – это *«пограничные» персонажи*, находящиеся всегда между двумя мирами, а сюжет об атаманах представляет типичный мифологический цикл: *гибель-воскресение* по Б.М. Гаспарову [Гаспаров, 1984, с. 20] или *«расставание-инициация-возвращение»* по Дж. Бруксу [Brooks, 1988, p. 169], опиравшемуся на известную работу В.Я. Проппа «Морфология сказки». Это позволяет, вслед за Б.М. Гаспаровым [Гаспаров, 1984, с. 195–196], сопоставить сюжет о Ермаке с библейской «Притчей о блудном сыне»: начиная разбойную жизнь, Ермак отделяется от общества, расточает «имение» отца (ср. Русскую землю), совершая грабежи на Волге, а затем возвращается к отцу (ср. царю Ивану Грозному) и заслуживает прощение, что ознаменовывается всеобщим праздником и ликованием. Исходя из этого, *отделение атамана от общества означает смерть героя, а его возвращение – воскресение*.

Метафорическая смерть атамана – это его пребывание *в потустороннем царстве*, именно поэтому разбойники имеют крепкую связь с *демоническим*. Так, Дж. Брукс, опираясь в том числе на демократическую словесность о Ермаке, отмечает: «Пляшущие бандиты у костра на берегу Волги и их шумное застолье после ограбления речного судна – все это свидетельствует об их связи с демоническим» [Brooks, 1988, p. 183]. Эту связь ощущал и народ, поэтому в некоторых уральских преданиях Ермак воспринимается как предводитель нечистой силы. В качестве примера можно привести зафиксированный В.В. Блажесом народный

[13] Исторические песни XIII–XVI веков / изд. подг. Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 541.

сюжет о связи Ермака с чертями, при помощи которых он брал Казань и Астрахань [Блажес, 2002, с. 108].

Таким образом, в народном представлении мир разбойничьих свободы и веселья – это мир греха, не подчиненный порядку, поэтому разбойник всегда чувствует потребность вернуться в общество, что символизирует близкое народной мысли превосходство общества над личностью. В сюжете же о Ермаке это возвращение, связанное с мотивом вверения головы, приобретает более существенное значение и воспринимается как *акт спасения Русской земли* в печальный для государства период: *соединение головы (ср. атамана) с телом (ср. Русской землей)*.

Однако, несмотря на метафорическое воскресение разбойника, он все еще остается связан с потусторонним миром, потому и находит смерть в воде – на границе двух миров. Как отмечает М.Б. Плюханова, атаманы – это герои воды, проводящие большую часть времени на корабле: «Такой герой в воде неуязвим, вместе с тем и смерть принимает в воде же» [Плюханова, 1999, с. 448]. Примечательно, что связь атаманов с водой отмечали и создатели демократической словесности XIX – начала XX в. Так, П.И. Небольсин в историческом рассказе для детей «Ермак» (1849) вплетает в повествование лингвистическую заметку об этимологии слова «атаман»: «И так корнем нашего слова атаман служат два немецкия слова Watter, Wasser вода и Mann человек»[14]. Исходя их этого, вода оказывается образной доминантой судьбы героя-атамана, в том числе и Ермака: от триумфа победы в полуводном сражении до гибели в воде.

В фольклорной традиции было немало персонажей, тесно связанных с водой. Помимо других атаманов (Разин и Пугачев), это также были и былинные герои (Садко и Василий Буслаев). Наиболее близким к Ермаку нам кажется Садко, ведь его образ, как и образ покорителя Сибирского царства, связан не только с мотивом воды, но и с мотивом вверения головы. Так, в сборнике «Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (1804) приводится стихотворение «Садков корабль стал на море», в котором герой пересекает границу между миром живых и миром мертвых, опускаясь на морское дно, а затем приносит морскому царю свою голову: «И ждал Садка двенадцать лет, / А ныне Садко головой пришел»[15].

Сопоставляя сюжеты исторической песни «Ермак у Ивана Грозного» и стихотворения «Садков корабль стал на море», можно найти в них общие черты, характерные для героев-корабельщиков: благодаря плаванию новгородский купец Садко смог разбогатеть, а донской атаман Ермак смог покорить Сибирское царство, из-за чего, согласно народным представлениям, они обязаны заплатить воде дань. Однако Ермак, в отличие от Садка, не избавляется от дани чудесным образом, а платит ее, погибая в Енисее/Иртыше.

[14] Небольсин П.И. Ермак, исторический рассказ для детей. Спб.: Изд. А.И. Попова в типогр. Карла Крайя, 1849. С. 126.

[15] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подг. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов; отв. ред. Л.А. Дмитриев. М.: Наука, 1977. С. 180.

Мотив *гибели в реке* М.Б. Плюханова напрямую связывает с *дерзновенным поступком* и в целом поведением. Ермак, как разбойник, не побоявшийся пойти против царя, а потом своей смелостью заслужить его прощение, погибает в реке, но уже как герой.

Стоит отметить, что как в исторических песнях, так и в демократической словесности XIX – начала XX в. можно найти сюжеты, в которых Ермак сам приказывает казакам сбрасывать убитых врагов в реку. Так, в песне «Казаки убивают царского посла» есть следующая фраза: «Ермак Тимофеевич / Приказал их до смерти бити / И бросати в матку Волгу-реку»[16]. По сюжету песни на пьяных казаков «напущалися» солдаты персидского посла Коромышева. Внезапное нападение «ради корысти своея» можно приравнять к проявлению дерзости, за которую и солдаты, и посол получили заслуженное наказание: «И прибили их всех до смерти»[17].

Таким образом, дерзость, проявленная Ермаком, хоть и привела его к смерти, но помогла сформировать в памяти потомков образ народного героя, а солдаты посла Коромышева были убиты и не получили посмертной славы. Вероятно, такая разная судьба «дерзнувших» персонажей связана с различием их места в *социальном организме* (corps social). Согласно исследованиям в области психологии коллективного человека, Ермак «со товарыщи» (постоянно повторяющаяся летописная формула) мыслятся как единое «тело» (*body* – «тело», «сообщество», «группа людей»), в котором Ермак является «головой», или «душой». И. Паперно, описавшая в работе «Самоубийство как культурный институт» (1999) идеи «моральных статистиков», отмечала следующее: «Тело, лишенное души, само собой обращается в ничто» [Паперно, 1999, с. 120]. О подобном писал и Э.Х. Канторович, используя вместо «души» слово «глава»: «Глава, как правило, представлялась в качестве ответственной части тела и ее отсутствие могло сделать корпоративное тело неполным или же недееспособным» [Канторович, 2015, с. 425]. Так и казаки, оставшиеся без Ермака, потеряли возможность удерживать завоеванную территорию и были вынуждены отступить, перенеся «второе покорение Сибири» (Н.М. Карамзин) на более позднее время. Такая ситуация смогла актуализировать значимость Ермака и его вклад в развитие и расширение границ государства, а также обеспечить ему посмертную славу.

Обозначенный выше коллективизм прослеживается во множестве произведений о Ермаке. Так, мы можем обнаружить его в Строгановской летописи (XVII в.), где Ермак как отдельный индивидуум появляется редко, гораздо чаще используется модель «Ермак Тимофеев с товарыщи» и «Ермак Тимофеев с соратниками»[18]. А вот как описывается настроение казаков после смерти Ермака

[16] Исторические песни XIII–XVI веков / изд. подг. Б.Н. Путилов; Б.М. Добровольский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 522.

[17] Там же. С. 522.

[18] Летописи сибирские / сост. и общ. ред. Е.И. Дергачёвой-Скоп. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. С. 119.

в «Рассказах из русской истории» (1869) А.Н. Майкова: «Как умер Ермак – тут-то и оказалось, что это был за человек. Стрельцы и казаки остались без него как без головы. Душа всего дела – исчезла. <…> Оставшись как овцы без пастыря, казаки и стрельцы устрашились. Думали уж только о том, как бы уйти в Россию»[19]. Эти примеры подтверждают мысль о том, что в народном представлении Ермак с товарищами как коллективное тело перестает существовать тогда, когда от него отделяется голова / душа, потому что тогда нарушается целостность тела.

Исходя из этого, сцена гибели Ермака в исторической песне «Ермак у Ивана Грозного» раскрывает *двойственность человеческой природы*: атаман имеет два тела – человеческое и коллективное. Разбиение головы символизирует гибель *не только реального физического тела атамана,* которое осталось без «головы», *но и социального*, которое осталось без «главы».

После смерти Ермака и коллективное, и природное тело перестают существовать. Так, во многих литературных источниках физическое тело Ермака пропадает в воде, что позволяет причислить его к группе *заложных мертвецов*, которые в народных представлениях не находят покоя в загробной жизни и продолжают находиться в пограничном состоянии между миром живых и миром мертвых, а также зачастую появляются на месте своей смерти в виде призраков. Так, В.В. Блажес отмечает, что, согласно народным преданиям, Ермак появляется на Иртыше «то в сияющих доспехах, то в шубе, подаренной ему за подвиги Иваном Грозным» [Блажес, 2002, с. 70].

Такая судьба героя-атамана казалась справедливой для писателей «лубочной» литературы второй половины XIX в., поскольку преступник – это персонаж, нарушивший социальные устои, а его пограничное положение между миром живых и миром мертвых подтверждает, что на путях утверждения модерна в пореформенном обществе народ был все еще ограничен уверенностью в том, что индивидуальный человек слабее политической власти и социального порядка.

Заключение. Подводя итоги, отметим, что народному сознанию второй половины XIX в., находящемуся в поисках национальной идентичности, были интересны темы, связанные с конфликтом между народом и властью. Герои-бунтари, способные добиться успеха вне зависимости от их социального положения, привлекали внимание читателей «низовой» словесности. Однако отсутствие в истории России примеров удачного бунта побуждало бывших крестьян считать, что конфликт с властью, решенный в пользу народа, был невозможен. По этой причине герой-бунтарь всегда возвращался после своих приключений не хозяином двух миров, а смиренным и раскаявшимся преступником, вверяющим свою жизнь законному представителю власти. Эти идеи нашли отражение в исторической песне «Ермак у Ивана Грозного», в которой с помощью образа головы подчеркивалось превосходство богоизбранного царя над разбойником, а с помощью мотива воды – пограничное положение атамана в обществе. Таким образом,

[19] Майков А.Н. Полн. собр. соч.: в 4 т. Саб.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1893. Т. 3: Поэмы. С. 505.

писатели – создатели «народной» литературы обращались к тем фольклорным произведениям, которые, вне зависимости от степени их достоверности, соответствовали литературным запросам «низового» читателя XIX – начала XX в.

Библиографический список

1. Блажес В.В. Фольклор Урала: Народная история о Ермаке. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. 186 с.
2. Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984. 406 с.
3. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 752 с.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб.: СЗКЭО, 2024. 1232 с.
5. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М.: НЛО, 1999. 256 с.
6. Плюханова М.Б. Гибель Петра I в реке Смородине // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1982. Вып. 604: Труды по русской и славянской филологии: Единство и изменчивость историко-литературного процесса. С. 17–31.
7. Плюханова М.Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. М., 1999. Т. 3: Языки русской культуры. С. 380–459.
8. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛО, 2009. 448 с.
9. Brooks J. When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1988. 450 p.

Сведения об авторе

Лисман Анастасия Михайловна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: a.lisman@mail.ru

HISTORICAL SONGS ABOUT ERMAK AND MASS LITERATURE OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY: CONTINUITY AND TYPOLOGY

A.M. Lisman (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines the historical song "Ermak at Ivan Grozny's", which had popularity among writers of 'popular' literature, but at the same time has a plot discrepancy with works created by writers of mass literature of the 19th – early 20th centuries.

The purpose of the article. In the course of analysis of the historical song "Ermak at Ivan Grozny's", it is necessary to identify the leading motifs, which provided song popularity among writers-creators of mass literature of the 19th – early 20th centuries.

Review of the scientific literature on the issue. The theoretical basis of our research is the work on 'popular' reading in the second half of the 19th century: "When Russia Learned to Read" by J. Brooks (1985) and "From Bova to Balmont" by A.I. Reitblat (1992).

Methodology. In our study, we used cultural-historical, sociological, comparative methods, and method of motifs analysis. The methodological basis includes the works of E.H. Kantorovich, I. Paperno, B.M. Gasparov, and M.B. Plyukhanova.

Research results. The national consciousness of the second half of the 19th century, which was in search of national identity, was interested in topics related to the conflict between representatives of the people and the authorities. However, the lack of examples of successful rebellion in the history of Russia led former peasants to believe that a conflict with the government, resolved in favor of the people, was impossible. These ideas were reflected in the historical song "Ermak at Ivan Grozny's", in which the image of the head emphasized the superiority of the God-chosen king over the robber, and with the motif of water, the ataman's marginal position in society.

Conclusion. In the course of the study, we came to the conclusion that the historical song "Ermak at Ivan Grozny's" motifs of a decapitated body and death in the river, revealing the conflict between a robber and a representative of power, made the song popular among writers-creators of mass literature in the 19th – beginning of 20th centuries, because the above-mentioned conflict corresponded to the spiritual demands of former peasants in the modernized society after 1861.

Keywords: *Ermak, conquest of Siberia, popular literature about Ermak, historical songs about Ermak, poetics of corporeality, natural and political body, social organism, motifs of the hero's death in the river.*

References

1. Blazhes V.V. *Fol'klor Urala: Narodnaia istoriia o Ermake* [*Folklore of the Urals: A folk story about Ermak*]. Yekaterinburg, Izd-vo UrGU, 2002. 186 p.
2. Gasparov B.M. *Poėtika "Slova o polku Igoreve"* [*Poetics of "Words about Igor's regiment"*]. Wien, 1984. 406 p.
3. Kantorovich E.H. *Dva tela korolia. Issledovanie po srednevekovoĭ politicheskoĭ teologii* [*Two bodies of the King. A study on medieval political theology*]. Moscow, Izd-vo In-ta Gaĭdara, 2015. 752 p.

4. Karamzin N.M. *Istoriia gosudarstva Rossiĭskogo* [*The history of the Russian state*]. St. Petersburg, SZKĖO, 2024. 1232 p.
5. Paperno I. *Samoubiĭstvo kak kul'turnyĭ institute* [*Suicide as a cultural institution*]. Moscow, NLO, 1999. 256 p.
6. Plukhanova M.B. Gibel′ Petra I v reke Smorodine [The death of Peter the Great in the river Smorodina]. In: *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Scientific notes of the Tartu State University*], 1982, 604, 17–31.
7. Plukhanova M.B. O natsional′nykh sredstvakh samoopredeleniia lichnosti: samosakralizatsiia, samosozhzhenie, plavanie na korable [On national means of self-determination of the individual: self-sacralization, self-immolation, sailing on a ship]. In: *Iz istorii russkoĭ kul'tury* [*From the history of Russian culture*], 1999, 3, 380-459.
8. Reitblat A.I. *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoĭ sot͡siologii russkoĭ literatury* [*From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature*]. Moscow, NLO, 2009. 448 p.
9. Brooks J. *When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Princeton, New Jersey, Princeton Univ. Press, 1988. 450 p.

About the author

Lisman, Anastasia M. – PhD Candidate, Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: a.lisman@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (от 20 000 до 40 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.
2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).
3. При цитировании обязательно указание ссылок на все источники из библиографического списка: «…» [Иванов, 2017, с. 119].
4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»). Названия таблиц, рисунков обязательно сопровождаются переводом на английский язык, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.
5. Библиографический список (References) содержит только научные труды (статьи, монографии). *Ссылки на архивные и художественные источники, диссертации и авторефераты оформляются в подстрочнике.*
6. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения на русском и английском языках:

заглавие _____– содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (все сведения предоставляются полностью без сокращений);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author’s contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (перевод на английский язык);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным переводом названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов;

ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы.

Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций…) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

1. Библиографический список на русском языке и на английском (References).
2. На английском языке также: И.О.Ф. автора. Название статьи. Аннотация. Ключевые слова.
3. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

.....

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: https://elibrary. ru/item.asp?id=21594618 (дата обращения: 20.10.2019).
2. Романов Р.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 302 с. DOI: 10.12737/17756
3. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры: монография / отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савеленок. М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2
4. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In: European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. Pp. 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

   И так далее... не менее 15–20 единиц.

Сведения об авторе на русском языке

……..

На английском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT AND TECHNOLOGY EDUCATION

G.S. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

References (см.правила ниже)

About the author

Sidorova, Galina S. – PhD Candidate (Philology), associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ...

Правила оформления References

Общая структура англоязычной библиографической ссылки на статью в журнале должна быть следующей:

Author A.A., Author B.B., & Author C.C. Title of article. In: *Title of Journal*, 2005, 10 (2), 49–53.

Название статьи набирается прямым шрифтом. После названия ставится точка:

Jonson, K.S., Smit, F.O. Corporate Subcultur of the Modern Society.

Перед названием журнала пишется предлог In: Название журнала выделяется *курсивом:*

Jonson K.S., Smit F.O. Corporate Subcultur of the Modern Society. In: *Bulletin of KSU,*

Номер тома (выпуска) журнала указывается арабской цифрой после **запятой**. Номер журнала (при наличии) приводится в круглых скобках. Обозначения No., Vol., № недопустимы. Номера страниц указываются после запятой без обозначений p. или Pp., цифрами через тире. При наличии далее после точки приводят DOI или EDN.

Jonson K.S., Smit F.O. Corporate Subcultur of the Modern Society. In: *Bulletin of KSU*, 2015, 45 (6), 55–60. DOI: и/или EDN:

Если дается ссылка на русскоязычный источник, обязательны **транслитерация** (по системе Библиотеки Конгресса США) и перевод (текст заключается в **квадратные скобки**):

Iakovlev I.I., Khasan P.H. Keramika vostochnykh slavian [Ceramics of the Eastern Slavs]. In: *Sovetskaia arkheologiia [Soviet archeology]*, 2015, 1, 5–10. DOI: и/или EDN:

При ссылке на книгу/монографию на английском языке название выделяется *курсивом*. После названия ставится **точка**, затем указывается город и через запятую – издательство и год издания. В конце после **точки** приводится общее количество страниц.

Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1965. 495 p.

Ссылка на книгу или монографию на русском языке приводится в транслитерации с переводом, название выделяется *курсивом* в обоих случаях. Перевод – в квадратных скобках. После скобок ставится точка. Город, место издания и год – через запятую. Название издательства дается в транслитерации. После года издания – точка и общее количество страниц с обозначением **p.**:

Krupnov V.N. *V tvorcheskoi laboratorii perevodchika [In a creative lab of a translator]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 1976. 192 p.

При ссылке на статью из сборника или главу из книги на русском языке после транслитерации названия статьи/главы и перевода (в квадратных скобках) ставится точка, потом предлог In:, далее дается название источника в транслитерации и его перевод (в квадратных скобках) *курсивом*, потом через

запятую следуют год, том и номер выпуска (если они есть), затем указываются номера страниц (после названия источника курсив убирается):

Zharenkova G.I. Deistviia detei s zaderzhkoi psikhicheskogo razvitiia po obraztsu i slovesnoi instruktsii [The actions of mentally retarded children on an illustrative example and a verbal instruction]. In: *Defektologiia [Defectology],* 1975, 4, 29–35.

Ссылка на материалы конференций делается следующим образом с соблюдением общих правил. Название конференции указывается после названия статьи *курсивом* сначала в транслитерации, затем в переводе в квадратных скобках.

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Mukhametshina R.Iu., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. The features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta]. *Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma "Novye resursosberegayishchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniia neftegazootdachi" [Proc. 6th Int. Technol. Symp. "New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact"].* Moscow, 2007, 267–272.

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

APA Style. 2011. Available at: http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx (access date: 05.02.2011).

Научное периодическое электронное сетевое издание

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА

2025. № 3 (32)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Отдел научных исследований и грантовой деятельности КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 26.09.25.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,25